

ЛЕВ БАЛАЯН

СТАЛИН И ХРУЩЕВ

ЛЕВ БАЛАЯН

СТАЛИН И ХРУЩЕВ

ЭКСМО
МОСКВА
2009

«АЛГОРИТМ»

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)
Б 20

Оформление серии *С. Курбатова*

Балаян Л.
Б 20 Сталин и Хрущев / Лев Балаян. — М. : Эксмо : Алгоритм, 2009. — 256 с. — (Загадка 1937 года).

ISBN 978-5-699-38331-3

Роль Хрущева, первым бросившего увесистый ком грязи в имя Сталина, вызывает определенный общественный интерес. И на главный вопрос: «Что же вынудило Хрущева так нещадно оклеветать И. В. Сталина?» — исчерпывающего ответа пока не найдено. До сих пор коварная версия о «преступлениях Сталина», придуманная политическим пигмеем, стоявшим у власти в течение почти одиннадцати лет, находит своих приверженцев среди значительного количества людей, которые так сильно запутались в паутине хрущевской лжи, что у них нет возможности вырваться из нее без посторонней помощи.

В книге Л. А. Балаяна сделана попытка объективного и аргументированного подхода в освещении противоречий между политическим великаном И. В. Сталиным и политическим пигмеем Хрущевым с привлечением большого количества достоверных исторических фактов и рассекреченных новейших архивных документов.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-699-38331-3

ПРЕДИСЛОВИЕ

Книга, которую вы держите в руках, — источник достоверный. Я тщательно проанализировал новейшие рассекреченные документы о И. В. Сталине, опубликованные в открытой печати, и это помогло мне разоблачить ряд фальшивок и ложных стереотипов, которых за 50 лет, истекших со дня смерти Иосифа Виссарионовича, набралось в реакционной антисоветской историографии превеликое множество.

Массовое общественное сознание в настоящее время во многом засорено и опошлено. Чтобы очистить эти авгиевы конюшни от скопившихся там за полвека мифов-нечистот, целой бригаде Гераклов, даже если бы она работала в три смены, понадобился бы не один год...

Корни повышенного интереса к правдивому историко-документальному исследованию деятельности И. В. Сталина — в осознании того, что оголтелые критики вождя — от Хрущева до Горбачева и далее — на самом деле стремились не столько уничтожить самого И. В. Сталина, сколько ликвидировать его любимое детище — Союз Советских Социалистических Республик, истребить диктатуру пролетариата, установить мафиозный олигархический режим на всей территории СССР. Враги народа, с которыми неустанно бо-

ролся И. В. Сталин, сбросили маски «коммунистов-ленинцев», каковыми они никогда не были, и предстали перед всем светом в своем истинном омерзительном обличье паразитов-кровососов.

Именно разительный контраст, глубочайшее противоречие между тем, что было при Сталине, и тем, что есть сейчас, является главной причиной все расширяющегося интереса к сталинской эпохе вообще и к личности товарища Сталина, в частности, со стороны огромной массы недовольных, в разряд которых на сегодняшний день входят не только разгромленный рабочий класс и ограбленное крестьянство, но и значительное количество представителей трудовой интеллигенции и той части творческой интеллигенции, которая сохранила гражданскую совесть, а потому не стала искать своей ниши в новых социально-экономических условиях, словом, тех, чьи социальные ожидания не подтвердились (и в перспективе не подтвердятся) ходом исторического развития новых «независимых государств».

С другой стороны, и роль Хрущева, первым бросившего увесистый ком грязи на доброе имя почившего вождя, вызывает определенный общественный интерес. И на главный вопрос: «Что же вынудило Хрущева так нещадно оклеветать И. В. Сталина?» — исчерпывающего ответа пока не найдено. И до сих пор коварная версия о «преступлениях Сталина», придуманная политическим пигмеем, стоявшим у власти в течение почти одиннадцати лет, находит своих приверженцев среди значительного количества людей, которые так сильно запутались в паутине хрущевской лжи, что у них нет возможности вырваться из нее без посторонней помощи.

В моей книге сделана попытка объективного и аргументированного подхода в освещении противоречий между политическим великаном И. В. Сталиным и политическим пигмеем Хрущевым с привлечением большого количества достоверных исторических фактов, рассекреченных на про-

тяжении последнего десятилетия новейших архивных документов, высказываний и воспоминаний ближайших соратников И. В. Сталина, прославленных полководцев, ученых, деятелей искусства и культуры, наркомов, помощников и офицеров охраны вождя, зарубежных государственных и общественных деятелей, то есть людей, в честности и порядочности которых сомневаться не приходится.

Часть 1

«ДВОРЦОВЫЕ ПЕРЕВОРОТЫ» ПОСЛЕ СМЕРТИ СТАЛИНА

«Преступные действия Хрущева и его сподручных будут иметь долговременные последствия, они приведут к перерождению, а затем к разрушению СССР и КПСС...»

Мао Цзэдун и Энвер Ходжа. (Совместное заявление «О дне рождения И. В. Сталина» от 21 декабря 1964 года

Как товарищ Берия вышел из доверия...

После смерти И. В. Сталина Хрущев был председателем комиссии по организации похорон. В дальнейшем эта обязанность будет безошибочным указателем для советского человека, кто будет следующим генсеком. А пока за «кресло Сталина» предстояла драка — не на жизнь, а на смерть. Первым «козлом отпущения» стал Берия. Хрущев обработал всех членов Президиума ЦК, склонив их к совместным действиям против Берия. «Пока эта сволочь среди нас, никто из нас не может чувствовать себя спокойно», — убеждал он.

В своих «надиктовках» он говорит: «Наступило наше дежурство с Булганиным (во время болезни И. В. Сталина. — *Л. Б.*)... Я с Булганиным тогда был больше откровенен, чем с другими, доверял ему самые сокровенные мысли и сказал: «Николай Александрович, видимо, сейчас мы

находимся в таком положении, что Сталин скоро умрет. Он явно не выживет. Да и врачи говорят, что не выживет. Ты знаешь, какой пост наметил себе Берия?» — «Какой?» — «Он возьмет себе пост министра госбезопасности. Нам никак нельзя допустить это. Если Берия получит госбезопасность — это будет начало нашего конца. Он возьмет этот пост для того, чтобы уничтожить всех нас. И он это сделает». Булганин согласился со мной. И мы стали обсуждать, как будем действовать. Я ему: «Поговорю с Маленковым... Надо что-то сделать, иначе для партии будет катастрофа»».

Т. е. налицо был заговор против Берия, и инициатором этого заговора был Хрущев. Все детали этого заговора (переговоры с Маленковым, Молотовым и Ворошиловым) интересующийся читатель может найти в книге: Н. С. Хрущев. Воспоминания. Избранные фрагменты. М., Вагриус. 1997. Глава «После смерти Сталина»).

Арестовывали Берия 26 июня, сразу же после возвращения из ГДР, где он усмирял наглую вылазку недобитых гитлеровцев, и произошло это в кабинете И. В. Сталина, где ранее обычно проходили заседания Политбюро ЦК ВКП(б).

И хотя все было подготовлено, и задействованы маршал Г. Жуков со своими людьми, а также генералы К. Москаленко и П. Батицкий (будущие маршалы Хрущева), но все-таки риск был большой. Впоследствии Хрущев рассказывал: «Все сидят, а Берии все нет и нет. Ну, думаю, дознался. Ведь не сносить нам тогда головы. Но тут он пришел, и портфель у него в руках. Сел и спрашивает: «Ну, какой у нас сегодня вопрос на повестке дня?» А я толкаю Маленкова ногой и шепчу: «Открывай заседание, давай мне слово». Тот побелел, смотрю — рта раскрыть не может. Тут я вскочил сам и говорю: «На повестке дня один вопрос. Об антипартийной, раскольнической деятельности агента империализма Берии. Есть предложение вывести его из соста-

ва Президиума, из состава ЦК, исключить из партии и предать военному суду».

Маленков все еще пребывал в растерянности и даже не поставил мое предложение на голосование, а нажал сразу секретную кнопку и вызвал таким способом военных. Из соседней комнаты вышли ожидавшие там военные. В руках они держали револьверы. Большинство сидевших за столом замерли от неожиданности.

Георгий Жуков скомандовал Берии: «Встать! Вы арестованы. Руки вверх!»... Берия потянулся за своим портфелем, который оставил на подоконнике. Я решил, что там оружие, и резким движением выбил портфель из его рук. Упав на пол, портфель раскрылся. Он оказался совершенно пустым».

Впрочем, я не склонен доверять этой версии, поскольку это версия Хрущева, а потому есть большая доля риска, что недостоверная. Во всяком случае, ни в ближайшем, ни в отдаленном будущем невозможно будет установить, где и как был арестован Берия, и был ли он на суде, по приговору которого его якобы расстреляли в декабре того же года. Или он был подло убит при аресте, без суда и следствия, как это утверждают его сын Серго и Юрий Мухин, кропотливо исследовавший этот вопрос.

На этот счет существует множество противоречивых и взаимоисключающих версий. Однако, если следовать официальной версии, следствие по делу Берия, Меркулова, Деканозова, Кобулова. Гоглидзе, Мешика и Влодзимирского продолжалось шесть месяцев. 23 декабря 1953 года будто бы Берия был осужден и расстрелян, а труп его сожжен. Из тюрьмы он будто бы посылал отчаянные записки Маленкову: «Егор, разве ты не знаешь, меня забрали какие-то случайные люди, хочу лично доложить обстоятельства. Когда вызовешь?», «Егор, почему ты молчишь?», «Егор, такой-сякой, ты же меня знаешь, мы же друзья, зачем ты поверил Хрущеву? Я знаю, это он тебя подбил»...

Г. Маленков молчал. Как и Н. Булганин, когда узник 2-й Владимирской тюрьмы Василий Сталин обращался к нему за разъяснениями — за какие такие грехи его загнали в камеру-одиночку на долгие годы.

Разгром «старой гвардии»

Спустя полтора года после XX съезда Маленков предпримет попытку оттеснить Хрущева, но ему это не удастся. Маленков уловил, что со стороны «сталинской гвардии» в лице, прежде всего, Молотова и Кагановича растет противостояние не в меру неуправляемому Хрущеву, принимавшему зачастую непродуманные и опрометчивые решения, допускавшему ошибки и промахи. Среди недовольных были также К. Ворошилов, М. Первухин, М. Сабуров, Д. Шепилов. Да и А. Микоян тоже, хотя, впрочем, занимавшему позицию «премудрого пескаря», «дипломатичному» Анастасу Ивановичу предстояло продержаться, как говорили позже, «от Ильича до Ильича без инфаркта и паралича», поэтому на него надеяться особо не приходилось. А, с другой стороны, и сам Хрущев хотел избавиться от «старой гвардии», так как для осуществления его безумных прожектов ему нужны были новые люди, ему нужна была полная свобода рук.

После антисоветских выступлений в Польше и Венгрии, где контрреволюционные силы, спекулируя на проводимой Хрущевым политике «десталинизации», нагло вообразили, что пробил час их классового реванша, (вслед за этими странами начались аналогичные деструктивные процессы и в республиках Советской Прибалтики, на Украине и в других краях. — *Л. Б.*), позиции первого секретаря КПСС внутри нашей страны заметно пошатнулись, и ему пришлось срочно выдвинуть авантюристический и непопулярный в народе лозунг «Догнать и перегнать Америку по

производству мяса, молока и масла на душу населения в течение 3—4 лет».

Простой народ распевал тогда такие частушки:

Мы Америку догнали
По надоям молока,
А по мясу мы отстали:
Хрен сломался у быка.

Недовольство на Кремлевском Олимпе было взаимным, и «коллективное руководство» решило вызвать на ковер зарвавшегося Никиту. 18 июня открылось заседание Президиума ЦК КПСС. Расклад сил был таким. Отсутствовали — Кириченко (выдвиженец Хрущева), Сабуров и Суслов (в то время сторонник Хрущева). Из членов Президиума Никита Сергеевич, по сути, оказался в полном одиночестве. Против него были все остальные члены — Ворошилов, Молотов, Каганович, Микоян, Первухин и, прежде всего, те двое из первоначального «квартета» — Маленков и Булганин.

Первый день заседания принес поражение Хрущеву: он был перемещен с поста первого секретаря ЦК партии на должность министра сельского хозяйства. Однако спас положение маршал Г. К. Жуков, который заявил о своем несогласии с принятым решением и обещал, что в случае смещения Хрущева он будет апеллировать к армии. После этих слов в бывшем кабинете И. В. Сталина наступила гробовая тишина, которую нарушил вздох облегчения, вырвавшийся у Хрущева. Подойдя в перерыве к Жукову, он сказал: «Георгий, спасай! Я тебе этого никогда не забуду. Делай все, что считаешь нужным».

И маршал согласовал с ВВС вопрос о выделении военных самолетов для срочной доставки в Москву членов ЦК — на Пленум, а на случай непредвиденных действий со стороны заседавших в Кремле «заговорщиков» распорядился выдвинуть к Москве танки.

Хрущев сдержит свое обещание: он сердечно «отблагодарит» верного маршала ровно через сто двадцать дней, когда Г. К. Жуков будет отправлен с миссией в Югославию, потом неожиданно будет отозван, и прямо с аэродрома, как «с корабля на бал», отвезен в Кремль, на заседание Президиума ЦК, где шестидесятилетнего маршала отправят на пенсию с официальной формулировкой — «стремился вывести Вооруженные Силы из-под контроля партии».

Конев вспоминал: «Я тогда был первым заместителем Жукова. Вызывает меня Хрущев. «Как дела, — спрашивает. — Как Жуков?». Не подозревая ничего, говорю: «Все нормально. Жуков вдохновлен избранием в состав Президиума ЦК. Работает по 10—12 часов в сутки». В ответ — мат-перемат: «Ты ни черта не знаешь и не замечаешь. Жуков — авантюрист, опасный человек. Готовим Пленум ЦК, разделаем его под орех. Ты тоже должен выступить».

На другой день прилетает Жуков, еду его встречать. Подхожу к нему, рядом с ним — жена. До него, видимо, слухи о Пленуме уже дошли. Поздоровались, направляюсь к своей машине, а он мне вслед: «Что, уже брезгуешь со мной в одной машине ехать?». Отвечаю: «Ну, что вы, товарищ маршал. Ведь так положено, мы всегда так ездили». Но состояние его понимаю. Преодолев себя, спрашивает: «Кого вместо меня назначают?» — «Говорят, Малиновского». — «Ну, слава богу, я боялся — Фурцеву»».

...Заседание открыл Хрущев, пытавшийся в своей речи доказать, что у Г. К. Жукова манеры Бонапарта и что он не признает ведущей роли партии в армии. Как пример того, что «культ личности» Г. К. Жукова в армии насаждается самим Жуковым, Хрущев назвал громадный портрет маршала на белом коне, который висел в Доме Советской Армии. Он обратился к членам Президиума ЦК с вопросом: «Как это прикажете назвать?». И сам же ответил на свой вопрос: «Конечно же, культом личности Жукова... Мол, молитесь на меня. Я — Георгий Победоносец!»

Особенно рьяно выступал против Жукова хрущевский маршал Баграмян, который сказал: «Я знаю Жукова давно, он всегда стремился к личной славе и власти. Он человек особого покроя в вопросах тщеславия. Он просто больной человек. Властолюбие сидит у него в крови. У Жукова было много заслуг, но и не меньше наград, пожалуй, больше, чем он заслуживает... Жуков виноват в ошибках 1941—1945 годов не менее Сталина, на которого нельзя перекладывать всю вину». (Цит. по: *Пыжиков А. В.* Хрущевская оттепель. 1953—1964. М., Олма-Пресс, 2002. С. 99).

А вскоре будут отправлены на пенсию «по состоянию здоровья» прославленные полководцы Великой Отечественной, Маршалы Советского Союза И. С. Конев, А. М. Василевский, В. Д. Соколовский и С. К. Тимошенко. Нет, не «по состоянию здоровья», как врала официальная формулировка, а за несогласие с произволом Хрущева в делах армейских, за разногласия в связи со смещением Г. К. Жукова и в связи с сокращением Хрущевым должностных окладов и дополнительных денежных пособий, которые получали офицеры.

По этому поводу Г. К. Жуков прямо говорил Хрущеву: «Я не хочу, чтобы мои военнослужащие стали нищими. Став бедными, они не захотят воевать. Человек в погонах станет всеобщим посмешищем. Советский офицер должен хорошо питаться и более или менее обеспечивать свою семью». В ответ на это Хрущев неуклюже возражал: «Они разжирели! Мы не можем и не должны плодить у себя таких интеллигентов, таких капиталистов!».(Цит. по: *Пеньковский О.* Записки из тайника. М., Центрполиграф, 2000.С. 254.)

Травля Жукова заставит его обратиться к Хрущеву и Микояну с письмом следующего содержания: «Какие только ярлыки не приклеивали мне, начиная с конца 1957 года и по сей день (т. е. спустя четыре года. — *Л. Б.*). Мне даже не дают возможности посещать собрания, посвященные юбилеям Советской Армии, а также парады на Красной площа-

ди. На мои обращения в ЦК партии и в ГлавПУР мне отвечают: «Вас нет в списках»»...

Но все это произойдет потом, а пока в Кремле заседание продолжалось весь день 19-го и весь день 20 июня 1957 года, поэтому о перемещениях, «самолетах» и «танках» высшее руководство страны ничего не знало. На этом третьем заседании Президиума ЦК КПСС вопрос уже ставился об упразднении самого поста первого секретаря ЦК. Хрущев вел себя самоуверенно, так как получал ежечасно данные «о ходе подготовки» к Пленуму ЦК, которая велась его людьми за стенами Кремля. Почти все члены ЦК, секретари областных, краевых и республиканских комитетов партии, все выдвиженцы Хрущева, то есть та элита партноменклатуры, которая была создана и развращена им, и на поддержку которой Никита Сергеевич не без основания надеялся, тотчас же слетелась, как воронье, в Москву.

Вопросами встречи и обустройства прибывающих членов Центрального Комитета ведали «птенцы гнезда Хрущева» — Брежнев, Игнатов, Фурцева (в дальнейшем получившая в народе ироническое прозвище «Екатерина Третья». — *Л. Б.*). Наконец, в понедельник, 22 июня 1957 года собрался Пленум, где первое слово было предоставлено «верному маршалу Жукову», который выступил с такой филиппикой против Маленкова, Молотова и Кагановича, что вопрос о смещении Хрущева даже не был затронут ни одним оратором.

Как же слеп был сталинский маршал, вторично помогая Хрущеву — в первый раз при аресте Берия, а на сей раз в разгоне большинства Президиума Центрального Комитета, объявленного «антипартийной группой Маленкова, Молотова, Кагановича, Ворошилова, Сабурова, Первухина и примкнувшего к ним Шепилова».

Впоследствии, на XXII съезде КПСС министр культуры Е. Фурцева, критикуя так называемую «антипартийную группу», льстиво скажет: «Какое счастье для всей нашей

партии, какое великое счастье для нашего советского народа, что в тот момент Центральный Комитет нашей партии во главе с нашим дорогим Никитой Сергеевичем оказался на высоте своего положения». (XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет. М., Политиздат, 1961). Да уж, действительно, было «великое счастье для нашего советского народа», дальше некуда...

«Раскаявшегося» К. Е. Ворошилова, старейшего члена руководства, утрачивающего, правда, былую активность, Хрущев подержит до 1960 года на посту формального главы государства — Председателя Верховного Совета Союза ССР. Не тронет пока и Булганина, хотя и сохранит злую память о его словах, произнесенных на первом заседании Президиума ЦК 18 июня: «Невыносимо. Мы идем к катастрофе. Все стало решаться единолично». И только из-за этих слов отправит его через год «на хозяйственную работу», лишив звания Маршала Советского Союза и узурпировав пост Председателя Совета Министров СССР.

Главный итог этого «кремлевского переворота» в том, что Хрущеву удалось полностью обновить Президиум ЦК своими ставленниками, которые, как он полагал, не будут ему «мешать». Наконец-то ему удалось вывести КПСС на первые роли, подмять под себя Совет Министров СССР (Маленков), МВД (Берия) и армию (Жуков) и установить тотальный контроль над всеми структурами власти.

Именно с этого «черного понедельника», с этой и по 41-му печально известной даты — 22 июня 1957 года, то есть с победы Хрущева над сторонниками диктатуры пролетариата, именуемой с тех пор «антипартийной группой и примкнувшим к ней Шепиловым», начался номенклатурный беспредел в Советском Союзе, который, в конечном счете, привел страну к упадку и катастрофе.

Восторженный трубадур хрущевской «оттепели», Корней Чуковский в своей дневниковой записи так описывал медицинское обслуживание партаппаратчиков по сравне-

нию с лечением простого люда: «Работники ЦК и другие вельможи построили для себя рай, на народ им наплевать. Народ на больничных койках, на голодном пайке, в грязи, без нужных лекарств, во власти грубых нянь, затурканных сестер, а для чинуш и их жен сверхпитание, сверхлечение, сверхучтивость, величайший комфорт» (*Чуковский К. И.* Дневник (1938—1969). М., 1994. С.371).

Шпион Олег Пеньковский, гнилой продукт хрущевской эпохи и ее свидетель, вращавшийся в самых высоких кругах и не понаслышке знакомый с жизнью высшей партсовноменклатуры, писал о тех, кто работал при Хрущеве в Центральном Комитете, Совете Министров, КГБ и различных министерствах: «Сыновья, дочери, зятья и другие родственники наших партийных лидеров и высокопоставленных правительственных чиновников учатся в самых престижных вузах, а по окончании их получают хорошую работу, хотя некоторые из них абсолютно для нее не пригодны. Для них открыты все дороги. Их быстро продвигают по службе. И делается это по блату, через друзей и семейные связи. Со страниц газет постоянно звучат призывы покончить с семейственностью и протекционизмом на службе. И что же? Да, «сдвиги» в этой области есть — наказывают какого-нибудь директора завода за то, что взял на работу свою племянницу, и сразу же сообщение об этом появляется в прессе. А вот того, что творится на самом верху, никто словно не замечает» (*Пеньковский О.* Записки из тайника. М. 2000. С. 355).

Такую райскую жизнь создал своим выдвиженцам — партийным вельможам Хрущев, давший им понять на XX съезде: «Сталин сам не спал и другим не давал. Я — не Сталин. Отныне будете спать и жить спокойно. Гарантирую». И, действительно, вводился в действие принцип ненаказуемости высшей партноменклатуры, за что она, естественно, была благодарна Хрущеву, готовая поддерживать его и помогать ему удерживаться у власти.

С той поры девиз «Во имя народа — все для себя», — был возведен в абсолют. А для обмана уже преданных ими «работяг» (в номенклатурном новоязе этим пренебрежительным «термином» стал обозначаться класс-гегемон, рабочий класс Страны Советов. — *Л. Б.*) был выдвинут на редкость лицемерный лозунг: «Народ и партия едины»...

В то же время нарастала кампания по неумеренному восхвалению Хрущева, и подобная лесть ему нравилась. Но стоило ему задеть стяжательскую жилку партноменклатуры, покуситься на ее «привилегии» (в частности, закрыть спецраспределители и перевести партаппаратчиков на обслуживание через обычную торговую сеть, резко сократить перечень лиц, имевших право пользоваться персональными автомобилями. — *Л. Б.*), как его трон зашатался. Партийная мафия, которая была обязана Хрущеву самим фактом своего процветания, была готова свергнуть и растоптать его.

Сталиновед Михаил Лобанов пишет: «Каким бы ни было отношение к Сталину, но одно не подлежит сомнению — его неколебимая верность идейным принципам. Кажется, что при нем (в послевоенное время) невозможно было и представить, чтобы партократы, десятилетиями орудовавшие на вершинах власти, вплоть до членов Политбюро, переметнулись бы вдруг на сторону тех, кого сами еще вчера клеймили классовыми врагами. Ныне это стало фактом. Когда-то сами «сталинисты», сегодня эти оборотни уже обвиняют в сталинизме других, всех тех, кто не отрекся, как они, от своей истории, от всего того, что было сделано, пережито — за годы новой (надо бы: Советской. — *Л. Б.*) России, до пресловутой «перестройки» (*Лобанов М.* Сталин: в воспоминаниях современников и документах эпохи. М., Алгоритм, 2002, С. 630).

И в том, что сегодня мы в таком «дерьме», мы должны покорнейше поблагодарить высшую компартноменклатуру от начала эпохи Хрущева до конца эпохи Горбачева: «Спасибочки вам, родненькие!».

Всего за семь с небольшим лет партийная номенклатура превратилась, по определению М. Джиласа, в новый класс, настолько мощный, что «съесть» ставшего неуправляемым Никиту Хрущева партаппаратчикам не составило особого труда.

17 апреля 1964 года был днем 70-летнего юбилея Хрущева. И хотя ему маршальский жезл получить так и не довелось, но звание Героя Советского Союза все-таки в этот день ему присвоили.

Известно, что «на другой день после парада (имеется в виду Парад Победы в июне 1945 года. — *А. Б.*) Указом Президиума Верховного Совета Союза ССР И. В. Сталину было присвоено звание Героя Советского Союза. Инициативу в этом проявил Маленков, но Сталин от этой высокой чести отказался, да еще с Калининым, подписавшим Указ, поговорил круто — я, мол, в боевых действиях участия не принимал, подвигов не совершал, я просто руководитель» (*Аллилуев В. Ф.* Хроника одной семьи: Аллилуевы — Сталин. М., Мол. гвардия, 1995. С. 195).

За какие же подвиги присвоили это звание Никите Сергеевичу? Вы только вникните, читатель: «За заслуги перед КПСС и за исключительные заслуги в борьбе с гитлеровскими захватчиками». «За заслуги перед... и за исключительные заслуги в...». Не за беспримерный подвиг, а просто за какие-то мифические «заслуги»... Не беда, что эта формулировка ни с правой, ни с левой, и ни с какой иной стороны не соответствовала «Положению о присвоении звания Героя Советского Союза», не беда, что никаких особых заслуг за политическим пигмеем в борьбе с гитлеровскими захватчиками не числилось, скорее, наоборот, и уж, во всяком случае, в эти «заслуги» никто не верил (Г. Жуков: «Хрущев вместе с Тимошенко драпали. Привели одну группу немцев на Волгу, а другую группу на Кавказ» — (Цит. по: Гордиенко А. Н. Маршал Жуков. Минск: Литература, 1998. С .216); О. Пеньковский: «Вчера еще никто не знал, что Хрущев защищал Сталинград, а сегодня ему присвои-

ли звание «Герой Сталинграда» (*Пеньковский* О. Записки из тайника. М., Центрполиграф, 2000. С. 217).

Но надо было усыпить бдительность Никиты, поскольку против самодержца уже зрел заговор, во главе которого стояли секретарь ЦК КПСС Брежнев, 1-й заместитель Председателя Совмина Полянский, бывший председатель КГБ Шелепин, действующий шеф КГБ Семичастный, заговор, который, спустя полгода, приведет к новому партноменклатурному перевороту.

Учтя опыт поражения «антипартийной группы» в 1957 году, выдвиженцы Хрущева смогли заставить его в октябре 1964 года подписать отречение от партийного престола. Взращенная Хрущевым номенклатурная мафия уже достаточно окрепла как класс, чтобы заменить неуправляемого Никиту Сергеевича на вполне предсказуемого, покладистого и тишайшего Леонида Ильича, который не будет мешать им обогащаться сверх всякой меры, не будет мешать им беспутничать и издеваться над простыми людьми до той поры, пока они не приведут первую в мире страну рабочих и крестьян и все восточноевропейское социалистическое содружество к краху, чтобы уже в новых экономических условиях капитализма навечно утвердить свое господство над «быдлом», каковым они без зазрения совести считали советский народ.

Секретарь ЦК КПСС Н. Подгорный вспоминает, как испугался Л. Брежнев, когда Хрущев как-то невзначай бросил: «Что-то вы, друзья, против меня замышляете?!» Леонид Ильич тогда сказал Подгорному: «Коля, Хрущеву все известно. Нас всех расстреляют». Информация о заговоре до Никиты, конечно, доходила, но он ее всерьез не воспринимал.

Отрезвление у Хрущева произошло лишь на заседании Президиума 13 октября. Вначале он вел себя в своей обычной манере — самоуверенно, напористо, перебивал выступающих, бросал язвительно-уничижительные реплики, но когда ему стало ясно, что его конец заранее был предрешен,

он сник, так и просидел до конца заседания за столом Президиума, опустив голову. Только после того, как все единогласно проголосовали за его смещение, он сказал: «Вот вы меня кругом говном обмазали, но разве я — «культ»?» На что Брежнев ответил: «Ты, Никита, боролся с культом личности Сталина после его смерти, а мы вот культ твоей персоны разгромили при твоей жизни».

Брежнева антисталинисты обвиняют в том, что он фактически стал на путь очищения имени И. В. Сталина. Но это не так. Наоборот, Л. И. Брежнев и его окружение сами не понимали всего величия сталинской эпохи, и сопротивлялись любым попыткам выйти за рамки постановления ЦК КПСС от 30 июня 1956 года «О преодолении культа личности и его последствий», в котором И. В. Сталин был представлен и как «злодей», и как «герой». Заняв позицию «человека в футляре», брежневское руководство сознательно «проспало» юбилейную дату — 100-летие со дня рождения И. В. Сталина, когда можно было воздать «кесарю кесарево».

А на Западе быстро смекнули, какую «золотую жилу» представляет из себя сталинская тема для подрывной работы против СССР и других стран социализма. В психологической войне против Советского Союза она обещала сыграть такую же роль, какую сыграла в деле победы над нацизмом «катюша» в годы Второй мировой.

В зарубежных советологических центрах началось глубокое изучение литературы о И. В. Сталине, его биографии, «специалисты-советологи» придумывали различные мифы и версии хорошо известных исторических событий с целью дискредитации И. В. Сталина, фабриковались фальшивые документы эпохи, публиковались псевдонаучные «исследования» биографии вождя и его времени.

Известный российский историк Ю. В. Емельянов приводит по этому поводу высказывание видного американского советолога Стивена Коэна: «Сталинский вопрос... имеет отношение ко всей советской и даже российской исто-

рии, пронизывает и заостряет современные политические вопросы... Сталинский вопрос запугивает как высшие, так и низшие слои общества, сеет распри среди руководителей, влияя на принимаемые ими политические решения, вызывает шумные споры в семьях, среди друзей, на общественных собраниях. Конфликт принимает самые разнообразные формы, от философской полемики до кулачного боя».

Далее Ю. В. Емельянов высказывает суждение, что «под влиянием таких оценок внешнеполитические стратеги США рассматривали сталинскую историю как советское поле боя, на котором разыгрывались решающие сражения «холодной войны». В «трудах» американских и вообще западных исследователей-сталиноведов Сталин представлен как руководитель тоталитарного режима, столь же чудовищного, как и нацистский. Соответственным образом авторы подобных «портретов» Сталина постарались использовать все наветы, высказанные политическими противниками Сталина — от Троцкого до Хрущева, а также жертвами репрессий 1930 — 1950-х годов и их детьми. Смонтированный для нужд «холодной войны» образ Сталина стал активно использоваться для внедрения в сознание советских людей через средства радиопропаганды и иные каналы...» (*Емельянов Ю. В.* Сталин. На вершине власти. М., Вече, 2002. С. 522).

Итак, в то время, как в Советском Союзе не было проведено ни одного позитивного исследования по «сталинской тематике» за 18 лет брежневского правления, Запад за этот же период уже имел солидную негативную библиографию по данной проблеме, которая в 1987—1991 годах мутным потоком вылилась на страницы наших газет и журналов, а также полилась по каналам радио и телевидения, отравляя и опошляя сознание советского народа.

Единственное, что сделал Л. И. Брежнев — и на том спасибо ему большое! — это то, что он поставил бюст на могиле И. В. Сталина, которого сентиментальный Леонид Ильич при открытии даже поцеловал, а также дал возмож-

ность Маршалам Советского Союза Г. К. Жукову, А. М. Василевскому, К. К. Рокоссовскому, К. А. Мерецкову, А. И. Еременко, генералу армии С. М. Штеменко и другим полководцам Великой Отечественной опубликовать свои мемуары, а кинорежиссеру Ю. Н. Озерову — создать многосерийный фильм о войне — «Освобождение», в которых Иосиф Виссарионович Сталин и его деятельность в те годы представлена такой, какой она была в реальности. Вот тут-то впервые были нанесены маршальские удары по хрущевским мифам, но только тем, что касались роли И. В. Сталина в организации Великой Победы. Оставалась еще целая огромная куча хрущевской брехни, на которую наложилось вранье конца горбачевской эпохи о И. В. Сталине, и разгрести которую не так-то просто. Но надо!..

Часть 2

КУЛЬТ ЛИЧНОСТИ

Наш народ за Сталиным идет

То, что Хрущев назвал на XX съезде словосочетанием «культ личности» и что дало мощный импульс антисталинистским нападкам на непогрешимого вождя в течение всей второй половины XX столетия, настоятельно требует осмысления и расшифровки, так как именно в него, в этот термин была заложена громадной разрушительной силы мина, взорвавшая любимое детище Иосифа Виссарионовича Сталина — СССР.

Что подразумевается под этим выражением — «культ личности»? Если любовь, огромный авторитет харизматической личности И. В. Сталина, то да, такая глубочайшая всенародная любовь не только была, но и есть, несмотря на то, что прошло уже более пятидесяти лет, как Сталина не стало, и несмотря на тот «ниагарский водопад» помоев, которые были вылиты на его доброе имя за этот период.

Между тем, американский ученый-антисталинист Роберт К. Такер в работе «Сталин как революционер» утверждает, что «личность Сталина является решающим фактором в понимании хода советской истории в сталинскую эру вплоть до 1953 года — года его смерти. Когда он умер, внешние составляющие еще весьма длительное время сохранялись, но личность Сталина отсутствовала. Она перестала быть действующим фактором (чем очень искусно воспользовались Никита Хрущев и его команда)».

Другой американский ученый-антисталинист Д. Ранкур-Лаферриер, автор гнусной книжонки «Психика Сталина», считает тем не менее, что грандиозные титулы, использовавшиеся средствами массовой информации по отношению к Сталину при его жизни, отражают подлинное величие Сталина: «Сталин действительно был «Преобразователем природы» и «Великим мастером смелых революционных решений и крутых поворотов», «Продолжателем дела Ленина» и «Творцом Сталинской Конституции»... Только из-за его действительного могущества миллионы людей верили в него, как в бога» (не станем забывать, что попытки искусственно создать «сверху» культ личности Хрущева, а потом и Брежнева, которые не имели и тысячной доли сталинского авторитета и влияния, а потому опирались на взращенный ими паразитический класс партноменклатуры, потерпели фиаско. — *Л. Б.*).

В издательстве «Молодая гвардия» в 1928 году был издан роман Сергея Малашкина с довольно длинным названием «Сочинения Евлампия Завалишина о народном комиссаре и о нашем времени», где есть такие строки о работе XV съезда ВКП(б), который проходил в конце 1927 г: «Докладчик вышел вперед, держа в руке небольшую пачку бумаги, размером не больше восьмушки листа, и стал дожидаться окончания овации, которая при появлении его превратилась в сплошной гул, похожий на прибой моря. Докладчик был среднего роста, с приподнятыми кверху крутыми плечами, с бледно-желтым и немного рябоватым лицом, с блестящими, то и дело вспыхивающими черным огнем глазами, с обвислыми черными, с едва заметной проседью усами, с низко подстриженными зачесанными назад черно-серебристыми жесткими волосами; одет он был просто, обычно, как всегда: на нем был не то светло-зеленый, не то светло-синий военный френч, но без всяких военных знаков, застегнутый на все пуговицы; на нем были такого же цвета военные брюки, но не галифе, и были за-

правлены в мягкие светлые и высокие до самых колен сапоги. Сейчас он стоял ровно, неподвижно, как скала, дожидался окончания овации. Казалось, что этому гулу не будет конца».

Какой же была реакция делегатов партийного съезда на окончание доклада, который был прочитан с «немного восточным акцентом»? «Рукоплескания слились в одну громкокипящую бурю, которая продолжалась долго-долго, напоминало собой солнечное, с тяжелыми волнами, море, только что растревоженное весенней радостной грозой».

Так было! И от этого никуда не денешься. И зная, что именно так воспринимала партийная масса товарища Сталина, трудно всерьез рассматривать утверждения, будто ему была какая-то альтернатива на посту генсека. Никакой альтернативы И. В. Сталину не было!

По свидетельству писателя А. Письменного, рассказавшего о своих личных ощущениях в 25-летнем возрасте, людей охватывало искреннее ощущение радости даже тогда, когда им просто удавалось вблизи увидеть И. В. Сталина: «Сегодня в Колонном зале Дома Союзов на торжественном заседании, посвященном открытию метро, выступил Сталин. У подъезда Дома Союзов стояло много машин, а на трамвайной остановке толпился народ, такой же догадливый, как и я, ожидая, что он выйдет...

Показались двое в кожаном. Потом тесной группой вышли Сталин, Молотов, Ворошилов, Ягода. Они медленно пошли к станции метро на углу Дмитровки и Охотного ряда, направляясь, очевидно, к Большому театру. Тогда я и вся публика с трамвайной остановки побежала за ними.

Они шли спокойно и медленно. Загорелые, довольные. Сталин казался менее утомленным, чем выглядел в кинохронике, снятой в 33-м году. Шинели прекрасно сидели на них. Особенно на Сталине. На Сталине шинель сидела, словно литая, точь-в-точь как на изображавших его стату-

ях. Я заметил внимательный, настороженный взгляд Ягоды. Очевидно, он понимал, что Сталин подвергается опасности. Кто-то зааплодировал. Я крикнул: «Ура!». Все это получилось нестройно. Сталин улыбнулся и поднес руку к фуражке. Мы начали кричать снова. Они все улыбались, и Сталин козырял. У меня мурашки побежали по телу от благоговейного восторга перед Сталиным... Подходя к Большому театру, они снова улыбались, и толпа вокруг них вопила «ура!».

Ликование на Театральной площади было всенародным. Возникало желание поднять его на руки и нести...

Как я все это увидел, я не знаю. И после того, как они прошли, толпа долго не расходилась, кричала «ура!»».

Я привел это пространное признание в любви к вождю как типичное явление советской действительности в 30-е годы. На громадных просторах Советского Союза для миллионов людей не было более высокого авторитета, чем И. В. Сталин. Все победы социализма, реальные изменения в своей жизни к лучшему простые люди связывали с этим именем и с этой личностью.

В 1946 году Герой Социалистического Труда Мария Денисовна Кошевая, звеньевая колхоза «Червоный гигант» Харьковской области в журнале «Огонек» писала: «Почему я голосую за Сталина? Потому что я, малограмотная женщина, вырастила троих сыновей, из которых один пал смертью храбрых в боях за Советскую Родину будучи в звании полковника, второй — окончил на агронома, работает у нас в колхозе, третий — учительствует в городе. В какой капиталистической стране дети простой крестьянки могут «выбиться в люди» сами, без родительской помощи? Такое возможно только при Советской власти, только при социализме.

Со Сталиным мы победили фашизм. Со Сталиным мы построим коммунизм. Я верю в Сталина. И поэтому я голосую за Сталина».

Можно сказать красивее. Проще и убедительнее — невозможно!

Венгерские биографы И. В. Сталина Ласло Белади и Тамаш Краус приводят в книге «Сталин» (М., Политиздат, 1989. С. 203) описание Ильей Эренбургом его впечатлений от присутствия на первом Всесоюзном совещании стахановцев: «Вдруг все встали и начали неистово аплодировать: из боковой двери, которой я не видел, вышел Сталин, за ним шли члены Политбюро... Зал аплодировал, кричал. Это продолжалось долго, может быть, десять или пятнадцать минут. Сталин тоже хлопал в ладоши. Когда аплодисменты начали притихать, кто-то крикнул: «Великому Сталину ура!» — и все началось сначала. Наконец все сели, и тогда раздался отчаянный женский выкрик: «Сталину слава!». Мы вскочили и снова зааплодировали». Эренбург чуть позже отмечает: «Я поймал себя на том, что плохо слушаю — все время гляжу на Сталина. Оглянувшись, я увидел, что тем же заняты и другие».

«Ни одно «ego» в истории человечества не восхвалялось столь высоко и столь многими людьми», — пишет Ранкур-Лаферриер (например, на XVII съезде партии имя Сталина прозвучало 1580 раз, причем иудушка Хрущев произнес это имя 28 раз, а хрущевец Микоян — аж 49 раз, и при этом «великий» и «гениальный» были в их речах не самыми сильными эпитетам. — *Л. Б.*).

Такер признается: «Теперь, когда я вместе со Сталиным пережил события 30-х годов, пытаясь воссоздать его действия в том виде, как они формировались в его сознании, я считаю, что знаю его достаточно хорошо, чтобы быть в состоянии думать за него и, в этом смысле, быть Сталиным при поиске ключевых решений и проведении их в жизнь. В нас, кто когда-либо испытывал глубокий научный интерес к Сталину, живет потребность быть Сталиным, потому что через эту личность мы в какой-то мере познаем самих себя».

Югославский государственный деятель Милован Джилас в книге «Беседы со Сталиным» тоже отмечал нечто подобное:

«Сталин — это призрак, который бродит и долго еще будет бродить по свету. От его наследия отреклись все, хотя немало осталось тех, кто черпает оттуда силы. Многие и помимо собственной воли подражают Сталину. Хрущев, порицая его, одновременно им восторгался. Сегодняшние советские вожди не восторгаются, но зато нежатся в лучах его солнца. И у Тито спустя пятнадцать лет после разрыва со Сталиным ожило уважительное отношение к его государственной мудрости. А сам я разве не мучаюсь, пытаясь понять, что же это такое — мое «раздумье» о Сталине? Не вызвано ли оно живучим его присутствием во мне?»

«Мы так Вам верили, товарищ Сталин, как, может быть, не верили себе», — скажет Михаил Исаковский в стихотворении «Слово к товарищу Сталину»...

И вот подорвав веру в И. В. Сталина как символ социализма, Хрущев всего «десять лет спустя» подорвет у широких масс веру в партию и веру в коммунизм. «Шестидесятник» Владимир Буковский пишет: «Конечно, после того шока, который дало нам всем разоблачение Сталина, ни один коммунистический вождь никогда уже любим народом не будет и ничего, кроме насмешек и анекдотов, не заслужит. Но никто, видимо, и не вызовет столь единодушной и лютой ненависти, как Хрущев. Все раздражало в нем людей. И его неумение говорить, неграмотность, и его толстая ухмыляющаяся рожа — кругом недород, нехватка продуктов, а он ухмыляется, нашел время веселиться! До него тоже бывал голод, была безысходность, но была вера в усатого бога, которая заслоняла все. Он отнял эту веру... и вся горечь, вся ненависть, вызванная смертью бога, обрушилась на Хрущева. Лишив людей иллюзий... он тотчас же оказался для всех виновен».

Нужен ли был Сталину культ личности?

В августе 1930 года состоялся обмен письмами между Сталиным и членом партии Шатуновским. Критически оценивая обстановку в стране, последний не удержался от славословия в адрес генсека. Как же отреагировал Иосиф Виссарионович на фразу о преданности лично ему? «Это не по-большевистски. Имейте преданность рабочему классу, его партии, его государству... Но не смешивайте ее с преданностью лицам, с этой пустой и ненужной интеллигентской побрякушкой».

2 июня 1933 года заведующий агитмассовой группой Главного архивного управления С. Лашевич обратился к помощнику И. В. Сталина А. Н. Поскребышеву с просьбой от имени старых большевиков предоставить в их распоряжение материалы (фотоархивные документы) для организации в их клубе выставки «О деятельности тов. Сталина за период гражданской войны». И. В. Сталин наложил резолюцию, которая осудила «культ личности» (!). На письме он написал размашисто: «Я ПРОТИВ (подчеркнуто дважды. — *Л. Б.*), так как подобные начинания ведут к несовместимости с курсом нашей партии».

Беседуя со Сталиным в 1937 году, Лион Фейхтвангер сказал ему «о безвкусном, преувеличенном преклонении перед его личностью». На это И. В. Сталин «пожал плечами. Он извинил своих крестьян и рабочих тем, что они были слишком заняты другими делами и не могли развить в себе хороший вкус, и слегка пошутил по поводу сотен тысяч увеличенных размеров портретов человека с усами — портретов, которые мелькают перед глазами во время демонстраций». Писателя шутка не удовлетворила, и он сказал, что даже люди, несомненно обладающие вкусом, выставляют его бюсты и портреты в совсем неподходящих

местах, например, на выставке Рембрандта. В ответ на это Сталин стал серьезен и сердито заговорил о «подхалимствующих дураках», которые приносят вреда больше, чем враги. Всю эту шумиху он терпит, заявил он, только потому, что знает, какую наивную радость доставляет праздничная суматоха ее устроителям, и знает, что все это относится к нему не как к отдельному лицу, а как к представителю течения, утверждающего, что построение социалистического хозяйства в Советском Союзе важнее, чем перманентная революция.

16 февраля 1938 года И. В. Сталин пишет известное письмо в Детиздат ЦК ВЛКСМ: «Я решительно против издания «Рассказов о детстве Сталина». Книжка изобилует массой искажений, преувеличений, незаслуженных восхвалений. Автора ввели в заблуждение охотники до сказок, брехуны, подхалимы. Жаль автора, но факт остается фактом. Книжка имеет тенденцию вкоренить в сознание советских детей (и людей вообще) культ личности вождей, непогрешимых героев. Это опасно, вредно. Советую сжечь книжку».

В декабре 1938 года в письме драматургу Афиногенову И. В. Сталин делает приписку: «Зря распространяетесь о «вожде». Это нехорошо и, пожалуй, неприлично. Не в «вожде» дело, а в коллективном руководителе — в ЦК партии».

Просматривая макет тома по истории гражданской войны, И. В. Сталин дал директиву включить фотопортреты Дзержинского, Фрунзе, Урицкого, Володарского, Куйбышева, Иоффе, Орджоникидзе, Слуцкого, Антонова-Овсеенко. Есть и такая приписка: «Нужен портрет Троцкого, игравшего роль в Октябрьской революции, Каменева, Зиновьева, Лашевича (он играл положительную роль), Бубнова, портреты членов ЦК, избранных на апрельской конференции, на VI съезде».

Авиаконструктор А. Яковлев вспоминал: «Иногда Сталин получал деловые бумаги, авторы которых считали не

только уместным, но и позволительным в конце письма добавлять всяческие излияния чувств и уверения в своей преданности. При чтении такого письма вслух, дойдя до концовки, Сталин либо пропускал ее, либо говорил: «Ну, а здесь, как полагается: «Ура! Ура! Да здравствует ВКП(б) и ее вождь великий Сталин». И, лукаво прищурившись, добавлял: «Думает меня этим подкупить, заручиться поддержкой...»

Немало гнусной демагогии было выплеснуто Хрущевым и его последышами по поводу И. В. Сталина как «автора-редактора», «одного из главных составителей своей хвалебной биографии». Но вот, недавно была открыта запись беседы авторского коллектива этого труда со Сталиным, сделанная историком В. Мочаловым 23 декабря 1946 года (*Сталин И. В.* Соч. Т. 16, С. 70—90).

Говорит И. В. Сталин: «Очень много ошибок. Тон нехороший, эсеровский. У меня всякие учения, вплоть до какого-то учения о постоянных факторах войны. Оказывается, у меня есть учение о коммунизме, как будто Ленин, видите ли, говорил только о социализме и ничего не говорил о коммунизме. А я, видите ли, сказал о коммунизме. Дальше, будто у меня есть учение об индустриализации страны, о коллективизации сельского хозяйства и т. п. и т. п. На самом деле именно Ленину принадлежит заслуга постановки вопроса об индустриализации нашей страны, так же и относительно вопроса о коллективизации сельского хозяйства и т. п.

Похвал много в этой биографии, возвеличения роли личности. Что должен делать читатель после прочтения этой биографии? Стать на колени и молиться на меня...

Вот относительно Баку говорится, что, дескать, до моего приезда там у большевиков ничего не было, и стоило мне появиться, как все сразу переменилось. Хотите — верьте, хотите — не верьте! На самом деле как было дело? Надо было создать кадры. Такие кадры большевиков в Баку сло-

жились. Имена этих людей я в соответствующем месте перечислил.

То же касается и другого периода. Ведь такие люди, как Дзержинский, Фрунзе, Куйбышев, жили, работали, а о них не пишут, они отсутствуют...

Это же относится и к периоду Отечественной войны. Надо было взять способных людей, собрать их, закалить. Такие люди собрались вокруг главного командования Красной Армии.

Нигде не сказано ясно, что я ученик Ленина... На самом деле я считал и считаю себя учеником Ленина. Об этом я ясно сказал в известной беседе с Людвигом... Я ученик Ленина, Ленин меня учил, а не наоборот. Он проложил дорогу, а мы по этой проторенной дороге идем».

И. В. Сталин, как мы видим, пресекал неоднократно попытки восхваления своей личности, и поэтому утверждать, как это делал Хрущев и его последыши, что он сам способствовал возвеличиванию собственной личности, является, по словам Энвера Ходжи, грязной клеветой, блефом.

Э. Ходжа пишет в своих «Воспоминаниях»: «Достоверная информация и практика общения с хрущевцами позволяют мне дать им в целом верную политическую оценку, проследить принципиальную направленность их контрреволюционной деятельности». «Сила партии и ее вождей заключается в тесной, неразрывной связи с народными массами. При жизни товарища Сталина хрущевским ревизионистам не удавалось обозвать заслуженный авторитет Сталина и искреннее уважение к нему со стороны трудовых масс «культом личности».

Во всех своих выступлениях товарищ Сталин всегда обращался к советскому народу и всегда особо подчеркивал решающую роль трудящихся масс в судьбе пролетарской страны и авангардную роль политической партии, никогда не отделял руководителей партии от рядовых ее членов. Об этом документально свидетельствуют его многочисленные выступления».

Смысл сталинского понимания ситуации с «культом личности» раскрывается как нельзя лучше в сценке, может, даже вымышленной, когда И. В. Сталин бранит своего сына Василия, позволявшего себе много лишнего. «Ты думаешь, ты — Сталин? — в сердцах спрашивает отец. — Ты думаешь, я — Сталин? Указывает на свой портрет и произносит: «Сталин — он!».

И сам Иосиф Виссарионович старался быть достойным этого светлого имени, соразмеряя каждый свой шаг и каждое сказанное слово с вечностью, которой он и принадлежит.

Часть 3

ЗАГАДКА СМЕРТИ КИРОВА

«Только такой уголовный тип, как Никита...»

Из досье:

«Костриков Сергей Миронович (27 марта 1886 — 1 декабря 1934). Партийная кличка — Киров. Место рождения — г. Уржум Вятской губернии.

Профессия — революционер. Пламенный борец за счастье трудового народа: видный участник трех русских революций и Гражданской войны. Неоднократно подвергался арестам и тюремному заключению.

Большевистский стаж — 30 лет (с 1904 г). Выдающийся деятель Коммунистической партии и Советского государства, верный ученик В. И. Ленина, ближайший соратник и друг товарища И. В. Сталина.

С 1921 года — секретарь ЦК КП(б) Азербайджана.

После XIV съезда ВКП(б) (1925) вместе с В. М. Молотовым, К. Е. Ворошиловым, М. И. Калининым, Г. К. Орджоникидзе был направлен И. В. Сталиным в Ленинград для разоблачения двурушнической, предательской политики троцкистско-зиновьевской группы.

С 1926 г. — 1-й секретарь Ленинградского губкома и горкома партии и Северо-Западного бюро ЦК ВКП(б), одновременно с 1930 года — член Политбюро ЦК ВКП(б).

С 1934 г. — секретарь ЦК ВКП(б)».

Существует три версии гибели С. М. Кирова: 1. Он был убит террористом-одиночкой Николаевым из личной мести. 2. Киров был убит по прямому указанию либо с ведо-

ма И. В. Сталина (версия Хрущева и его клевретов). 3. Террористический акт против Кирова был организован Троцким через внутреннюю оппозицию, которая понимала, что единственный путь к власти лежит через физическое уничтожение испытанной ленинской гвардии в лице прежде всего И. В. Сталина и С. М. Кирова, поднятого вождем до уровня второго человека в государстве (имею в виду избрание С. М. Кирова на XVII съезде в 1934 году секретарем ЦК ВКП(б), факт, который также будет мерзко извращен фальсификаторами хрущевской школы, так называемой «комиссией Ольги Шатуновской». — *Л. Б.*).

И хотя фактически истинна одна лишь, а именно, третья версия, фальсификаторы истории утверждают, что она имеет так же мало сторонников, как и доказательств.

Как раз, наоборот, доказательств сколько угодно. Просто фальсификаторам нет резона их приводить, куда легче обвинять покойного И. В. Сталина, исходя из презумпции виновности («Ты виноват уж тем, что хочется мне кушать»), в надежде, что никто за него не заступится.

Вот в тех же бредовых «Воспоминаниях» Хрущев мутит чистую воду ядовитыми помоями: «В то время в партии занимал видное место секретарь Северо-Кавказского краевого парткома Шеболдаев. Этот Шеболдаев — старый большевик... во время XVII съезда партии пришел к товарищу Кирову и сказал ему: «Старики поговаривают о том, чтоб возвратиться к завещанию Ленина и реализовать его, то есть передвинуть Сталина, как рекомендовал Ленин, на какой-нибудь другой пост, а на его место выдвинуть человека, который более терпимо относится к окружающим. Народ поговаривает, что хорошо бы выдвинуть тебя на пост Генерального секретаря»... Что ответил на это Киров, я не знаю, но стало известно, что Киров пошел к Сталину и рассказал об этом разговоре с Шеболдаевым. Сталин якобы ответил Кирову: «Спасибо, я тебе этого не забуду». (Словом, Хрущев вновь в своем репертуаре: «Что ответил, я не знаю, но якобы ответил так...» — *Л. Б.*)

В. М. Молотов в одной из бесед с Ф. Чуевым сказал: «Говорить о Кирове, как о каком-то его заместителе в этом деле, — это такой абсурд для каждого грамотного, знающего дело коммуниста! Это настолько противоречило взаимоотношениям между Сталиным и Кировым и, прежде всего, мнению самого Кирова о своих возможностях! Это настолько противоречило, что только такой уголовный тип, как Никита, мог договориться до того, что Сталин будто бы имел специальную цель покончить с Кировым...».

А ведь существует в природе такой исключительной важности документ эпохи, как «Закрытое письмо ЦК ВКП(б) «О террористической деятельности троцкистско-зиновьевского контрреволюционного блока», где приводятся собственные признания главарей терроризма в СССР.

«Из протокола допроса Г. Зиновьева от 23—25 июля 1936 года:

Я действительно являлся членом объединенного троцкистско-зиновьевского центра, организованного в 1932 году.

Троцкистско-зиновьевский центр ставил главной своей задачей убийство руководителей ВКП(б), и в первую очередь убийство Сталина и Кирова. Через членов центра И. Н. Смирнова и Мрачковского центр был связан с Троцким, от которого Смирновым были получены указания по подготовке убийства Сталина...

Я также признаю, что участникам организации Бакаеву и Кареву от имени объединенного центра мною была поручена организация террористических актов над Сталиным и Кировым в Ленинграде. Это поручение мною было дано осенью 1932 года в Ильинском, на даче Зиновьева, где проходило учредительное совещание троцкистско-зиновьевского центра, совещание, в котором участвовали Зиновьев и его сторонники — Каменев, Евдокимов, Бакаев, Куклин, а также троцкистские руководители И. Н. Смирнов, Мрачковский, Тер-Ваганян, и где было принято решение, что единственным средством, с помощью которого они могут

надеяться на приход к власти, является организация террористических актов против руководителей ВКП(б), в первую очередь против Сталина.

Находившийся в изгнании в Константинополе Лев Троцкий настаивал на физическом устранении Сталина, ненависть к которому у него была не менее сильной и стойкой, чем у его последыша Никиты Хрущева. Так, близкий Троцкому человек, несший в свое время его личную охрану, Дрейцер на следствии признал, что в 1934 году (до XVII съезда партии) он получил директиву Троцкого о ликвидации Сталина и Ворошилова (тогда речь о Кирове не шла). Вот содержание письма-директивы Троцкого:

«Дорогой друг! Передайте, что на сегодняшний день перед нами стоят следующие основные задачи: первая — убрать Сталина и Ворошилова, вторая — развернуть работу по организации ячеек в армии, третья — в случае войны использовать всякие неудачи и замешательства для захвата руководства» (протокол допроса от 23 июля 1936 года).

Почему же именно после «съезда победителей» Троцкий дал команду ликвидировать Кирова? Тому несколько причин, но главных — две: первая — на быстрейшем устранении человека, занимавшего в Смольном кресло, в котором до 1926 года сидел их «вождь» Зиновьев, настаивали он сам и его сторонники, с которыми Троцкий не мог не считаться, и второе — это то, что С. М. Киров имел неосторожность с трибуны съезда сказать слова, которые вызвали у «демона революции» бурю негодования: «Товарищи, когда-то Троцкий (произносишь это имя, и нехорошее сразу настроение делается, будь он трижды проклят, чтоб его поминать на таких наших съездах) обвинял нашу партию в «национальной ограниченности», в измене интернационализму. Теперь больше, чем когда-либо видно, чего стоит эта контрреволюционная болтовня».

Вся практическая работа по организации покушения на жизнь Сергея Мироновича в соответствии с решением объ-

единенного троцкистско-зиновьевского блока была возложена на Бакаева и Карева. В Ленинграде было организовано несколько террористических групп, в том числе группа Румянцева — Котолынова — Николаева, которая и совершила злодейское и подлое убийство Кирова.

Вот этот подлинно исторический факт современные исследователи вопроса игнорируют, отдавая предпочтение хрущевской лжи, которая, однако, сама себя разоблачает.

Комиссия Ольги Шатуновской

Хрущеву, придумавшему тезис о том, что «убийство Кирова — сталинская провокация для развязывания большого террора», нужно было во что бы то ни стало доказать, что ликвидация Кирова была делом рук самого И. В. Сталина. С этой целью им была создана специальная комиссия во главе с Ольгой Шатуновской (по одержимости эту даму можно сравнить разве что с небезызвестной Валерией Новодворской. — *Л. Б.*). Однако никакого компромата на И. В. Сталина Шатуновской найти не удалось, хотя она и землю рыла носом, чтобы добыть хоть что-нибудь. Как известно, доводы, основанные на домыслах, «к делу не пришьешь». Тем не менее, Хрущева это не останавливает, и в своих мемуарах он пишет (при этом подтверждая официальное видение обстоятельств дела, хотя сам и не отдает себе отчета в этом): «Прежде всего, оказалось, что Николаева незадолго до убийства Кирова задержали около Смольного. Он вызвал какие-то подозрения охраны и был обыскан. У него был обнаружен пистолет. В те времена очень строго относились к этому, но, несмотря на это и на то, что он был задержан в районе, который особо охранялся, Николаев был тут же освобожден.

Я особо обращаю внимание и на эти обстоятельства и на то, что ведь Николаев не на улице стрелял в Кирова. Нет.

Он проник в Смольный, притом в подъезд, которым пользовался только Киров, и убил его, когда тот поднимался по лестнице. Это сразу рождало подозрение (у Хрущева и у «комиссии Ольги Шатуновской», разумеется. — *Л. Б.*) что Николаев был подослан для совершения террористического акта людьми, занимающими высокое положение. А задерживали его охранники, которые не были ни о чем информированы и не должны были быть, а просто этот человек показался подозрительным. Они его задержали, но отпустили по указанию сверху. Больше того: затем этот Николаев получил доступ в Смольный, на лестничную клетку обкома партии, где работал Киров. Без помощи людей, обладавших властью, это было сделать нельзя, невозможно, хотя бы потому, что все подходы к Смольному, охранялись, а особенно подъезд, которым пользовался Киров. (Сам Хрущев хоть понимал, что это означает — «получить доступ на лестничную клетку обкома партии»? — *Л. Б.*)

Стали разбираться дальше... Комиссия (Ольги Шатуновской, разумеется. — *Л. Б.*) доложила, что есть данные о допросе Николаева Сталиным. Об этом рассказал кто-то из старых большевиков(?), но, конечно, документальных свидетельств на этот счет быть не могло(!). Якобы, когда к Сталину привели Николаева, тот бросился на колени и стал говорить, что убил Кирова по поручению и от имени партии.

Так или иначе, до разговора со Сталиным Николаев отказывался отвечать на вопросы следователей и требовал, чтобы его передали представителям центрального аппарата НКВД. Он утверждал, что ни в чем не виноват, а почему так поступил, знают в Москве».

Основания видеть в этом «сталинский след» могут быть у многих историков, которые не знакомы со стенограммами открытого процесса 2 — 13 марта 1938 года над участниками антисоветского правотроцкистского блока, где в числе обвиняемых был и бывший шеф НКВД Генрих Ягода, но сам Хрущев, внимательно следивший за процес-

сом, безусловно, не мог не знать о неблаговидной роли Ягоды во всем этом грязном деле, и наводить тень на плетень спустя годы он просто не имел морального права.

Из допроса подсудимого Буланова (вечернее заседание 8 марта 1938 года):

«В начале 1936 года я узнал впервые, что в свое время Ягоде было известно о том, как было организовано убийство Кирова... Он сказал, что в Ленинграде у него был верный человек, посвященный во все, — заместитель начальника управления НКВД по Ленинградской области Запорожец, и что тот организовал дело так, что убийство Николаевым Кирова было облегчено, проще говоря, было сделано при прямом попустительстве, а значит и содействии Запорожца... (Он отвечал за организацию охраны секретаря обкома Кирова, и, как пишет публицист Эрик Котляр, второй заместитель начальника НКВД Ф. Т. Фомин, о котором речь ниже, явившись на место преступления и задержавший убийцу, «был немало поражен царившими в Смольном разгильдяйством и халатностью». Или все-таки злостным вредительством? — *Л. Б.*). Был случай чуть ли не провала, когда по ошибке охрана, за несколько дней до убийства Кирова, задержала Николаева и у того в портфеле была найдена записная книжка и револьвер, но Запорожец вовремя освободил его.

Ягода далее рассказал мне, что сотрудник Ленинградского управления НКВД Борисов был причастен к убийству Кирова. Когда Сталин и другие члены правительства приехали в Ленинград и вызвали в Смольный этого Борисова, чтобы допросить его как свидетеля убийства Кирова, Запорожец, будучи встревожен этим и опасаясь, что Борисов выдаст тех, кто стоял за спиной Николаева, решил Борисова убить. По указанию Ягоды Запорожец устроил так, что машина, которая везла Борисова в Смольный, потерпела аварию. Борисов при этой аварии был убит, и таким образом они избавились от опасного свидетеля».

«Из допроса подсудимого Ягоды (вечернее заседание 8 марта 1938 года):

Мне стало известно, что троцкистско-зиновьевские террористические группы ведут конкретную подготовку этого убийства... В силу этого я вынужден был предложить Запорожцу не препятствовать совершению террористического акта над Кировым».

Хрущев, прикидываясь «шнурком», которому это все якобы неизвестно, пишет: «Во время пребывания Сталина, Молотова и Ворошилова в Ленинграде в связи с расследованием убийства Кирова, как нам стало известно, Сталин потребовал привести к нему комиссара (Хрущев говорит о Борисове. — *Л. Б.*), который в тот день охранял Кирова. Но, как объяснили активу (то есть «комиссии Ольги Шатуновской». — *Л. Б.*), когда этого комиссара везли на допрос, то в результате неисправности рулевого управления машина ударилась об угол дома — и он погиб. Везли его в грузовой машине.

Мы поручили комиссии (Ольги Шатуновской, разумеется. — *Л. Б.*) допросить тех, кто вез этого комиссара, чтобы они рассказали, при каких обстоятельствах произошла эта авария и как при аварии был убит комиссар, начальник охраны Кирова. Стали искать людей. Их было трое, фамилии известны. Двое сидели в кузове грузовика с комиссаром, а третий в кабине с шофером. Всех троих не оказалось в живых: они были расстреляны. Это вызвало еще большее подозрение, что все организовано, что и авария машины была не случайная». (Она, действительно, была не случайная, но была организована заговорщиками, в чем они сами признались. — *Л. Б.*)

Однако шофера отыскать Ольге Шатуновской все-таки удалось. Хрущев вспоминает показания этого шофера: ««Рядом со мной сидел чекист и все время меня понукал, чтобы быстрее ехать, скорее доставить арестованного. На такой-то улице при повороте он выхватил у меня из рук

руль и направил машину на угол дома, но я крепкий был, молодой, и вырвал у него руль, вывернулся и только помял крыло у машины. Никакой аварии не произошло, но я слышал, как раздался наверху какой-то стук. Потом объявили, что в аварии погиб этот комиссар». По словам шофера Кузина, Борисова убили камнем по голове».

Однако и сам Хрущев отлично понимал, что его шаткая версия слаба и бездоказательна. Да, переводя эту историю на современный язык, можно сказать, что это политическое убийство осуществлено «спецслужбами» (окопавшимися в органах НКВД врагами народа: на допросе Николаев заявил Сталину, что к убийству его четыре месяца склоняли сотрудники НКВД), но вот кто был заказчиком?

Хрущев, обладавший прекрасной памятью, не мог забыть их имена: Троцкий, Зиновьев, Каменев... Но ему очень хотелось их преступление свалить на Сталина. Не удалось!

Эрик Котляр, исследовавший эту трагедию, пишет, что бывший второй заместитель начальника Ленинградского управления НКВД, один из приближенных дружинников Ф. Э. Дзержинского Федор Тимофеевич Фомин, отсидев в карельских лагерях десять лет (значит, не все, кто был причастен к делу об убийстве Кирова, были уничтожены? — *Л. Б.*) и попав в поле зрения «комиссии Ольги Шатуновской», стал настолько желанным объектом ее домогательств, что он попадал на прием к Суслову в ЦК и в особняк к тогдашнему секретарю Ленинградского обкома Козлову, где его, вдовца, познакомили с подругой жены Козлова, на которой вскоре бывший чекист и женился. И все «хором» по-домашнему уговаривают Фомина помочь «комиссии Ольги Шатуновской» подтвердить хрущевскую версию убийства Кирова. Но добропорядочный дзержинец настаивает на своем: «Таких доказательств у меня нет, а врать я не умею».

Когда Хрущеву доложили об упрямом Фомине, который не пожелал исказить исторический факт, разъяренный

пигмей обозвал его «старым дураком» и велел лишить генеральской пенсии, оставив только персональную старого большевика, в результате чего материальное положение Фомина сразу резко ухудшилось.

Эрик Котляр приводит и такой любопытный факт. Фомин предложил ему соавторство, и они обратились в «Политиздат» с пожеланием написать правдивую брошюру под названием «Выстрел в Смольном», но их предложение в ЦК КПСС поддержано не было.

Значит, правда Хрущеву была не нужна. Ему нужно было его собственное видение истории, искаженное ненавистью к И. В. Сталину.

Косвенным подтверждением вины заговорщиков из лагеря троцкистов и зиновьевцев может служить то обстоятельство, что в 1989 году горбачевско-яковлевская комиссия по реабилитации жертв политических репрессий не нашла возможным реабилитировать Генриха Ягоду, а в декабре 1990 года пленум Верховного суда СССР, действуя по принципу «ни вашим, ни нашим» решил, что террористический акт в отношении С. М. Кирова задуман и совершен одним Николаевым...

И в заключение, несколько слов о первой версии — о террористе-одиночке, убившем Кирова из личной мести. Ее сторонники, реализовывая принцип Солженицына о том, что каждый может писать о Сталине все, что ему заблагорассудится, тиражируют следующий бред своего больного воображения: «Киров сделал красивую жену инструктора обкома Николаева своей секретаршей. Поговаривали об их связи. Николаев учинил в обкоме скандал, и его арестовали. Просидел он недолго. С ним встречался Сталин.(??? — *Л. Б.*) Он сказал: «То, что Киров большой человек, ничего не значит. Вы имеете право на месть, и мы поймем вас, как мужчину».

30 ноября 1934 года Киров находился в Москве. Серго Орджоникидзе уговаривал его остаться, но он рвался в Ленинград. Когда на машине он поехал на вокзал, машина

испортилась — Киров пересел на трамвай и все-таки добрался до вокзала. Утром он был в Ленинграде. А вечером в примыкающем к правительственной ложе коридоре, куда вход посторонним был закрыт, Николаев разрядил в него свой пистолет. Телохранителя Кирова при этом кто-то задержал у входа (так, значит, все-таки убийца действовал не в одиночку? — *Л.Б.*)

Выстрелив, Николаев бросил пистолет и якобы произнес: «Так будет с каждым, кто захочет спать с моей женой».

На таких мерзопакостных писак воистину нужна не только жесткая цензура, но и вся мощь государства диктатуры пролетариата.

Часть 4

ПОРТРЕТ ХРУЩЕВА БЕЗ ПРИКРАС

Круглый «троечник»

В одном из июньских номеров газеты «Версия» за 2000 год впервые опубликован документ из «Личного дела» Никиты Хрущева, «комиссара запаса». Вот он:

«Аттестация за период с 21 июня по 1 сентября 1930 г.

Личные данные: энергичен и решителен, дисциплинирован; походы вынес с оценкой удовлетворительно.

Служебные данные: военная подготовка, стрелковое дело усвоил удовлетворительно; стрельбы выполнил; политзанятия «Наши западные соседи» усвоил с оценкой удовлетворительно.

Тактическая подготовка: в обстановке разбирается вполне, язык имеет, нет системы в мышлении по оценке обстановки и принятию решений.

Командир роты старшина политсостава Страшненко. 3 сентября 1930 г.

С «Аттестацией» и выводами согласен. Нач. политодела див. Исаенко. 17 октября 1930 г».

Итак, из данной характеристики мы видим, что «комиссар запаса» звезд с неба явно не хватал и даже не дотягивал по своим личным и служебным данным до «отличника боевой и политической подготовки».

Но вот в том же 30-м году, будучи слушателем Промышленной академии имени И. В. Сталина в Москве, он избирается (вот что значит «иметь язык». — *Л. Б.*) секретарем парткома Промакадемии. Вскоре Хрущев узнал, что его 29-

летняя однокурсница Надежда Аллилуева, хотя она того и не афишировала, является — кто бы мог подумать? — «первой красной леди» Советского государства, женой самого товарища Сталина, который был аж на целых 22 года старше своей супруги.

Понимая, что для его карьеры это уникальный шанс, Хрущев пускает в ход замеченные в нем старшиной политсостава Страшненко «энергичность и решительность», а также умение «вполне разбираться в обстановке» и берет курс на сближение с Надеждой Сергеевной, в которой он видит теперь тот «золотой ключик», тот магический «Сезам, отворись», что приведет его в Коридоры Верховной Власти. И он не ошибся в своих расчетах! Ему удалось добиться того, что Надежда Аллилуева замолвила за него словечко (а, может, и не одно) перед вождем.

И с этого момента начинается стремительный взлет Хрущева на политический Олимп. С января 1931 года Хрущев — секретарь Бауманского, а затем Краснопресненского райкомов партии г. Москвы. И уже в его «Личном деле» возникает новая бумажка — «Особое замечание комиссии по аттестации», где наш «круглый троечник» переводится как «выросший на партработе в высшую группу политсостава».

Профессор Промакадемии имени И. В. Сталина Александр Соловьев в своем дневнике в январе 1931 года сделал запись: «Меня и некоторых других удивляет быстрый скачок Хрущева. Очень плохо учился в Промакадемии. Теперь второй секретарь, вместе с Кагановичем. Но удивительно недалекий и большой подхалим».

«Большой подхалим» был в первых рядах прославляющих «испытанного гениального вождя и руководителя партии и всех трудящихся товарища Сталина», создавая тем самым культ его личности, который потом сам же будет «ниспровергать», а что касается «недалекости», то, как замечал зять Хрущева, о котором вся Москва говорила — «Не имей

сто друзей, а женись, как Аджубей»: «Он только казался простоватым человеком и даже хотел выглядеть таким».

Секрет «большого скачка» Хрущева в том, что И. В. Сталин поверил любимой жене, не зная, какую свинью она ему подложила...

Однако 7 ноября 1932 года для Хрущева еще места на Олимпе, Правительственной трибуне, не нашлось, и он униженно стоял в группе «партактива» в стороне от Мавзолея. Этот эпизод Хрущев вспоминает так: «Надя Аллилуева была рядом со мной, мы разговаривали. Было прохладно. Сталин на Мавзолее, как всегда, — в шинели. Крючки шинели были расстегнуты, полы распахнулись. Дул сильный ветер. Надежда Сергеевна глянула и говорит: «Вот мой не взял шарф, простудится и опять болеть будем». Вышло очень по-домашнему и никак не вязалось с представлением о Сталине, о вожде, уже вросшем в наше сознание...».

На следующий день Н. С. Аллилуева покончила жизнь самоубийством. В докладе на XX съезде и позже в своих «мемуарах» он обвинит И. В. Сталина и в этом — тоже: «Она наложила на себя руки при загадочных обстоятельствах. Но как бы она ни умерла, причиной ее смерти были какие-то действия Сталина... Ходил даже слух, что Сталин застрелил Надю...».

Во всяком случае, на дальнейшей карьере Никиты Сергеевича смерть Н. Аллилуевой никак не отразилась. Пожалуй, даже наоборот: И. В. Сталин еще более приблизил к себе «верного Яго». В 1934 году, на «съезде победителей», Хрущев уже на правах «испытанного сына большевистской партии, выдающегося партийного работника, воспитанника и ближайшего соратника товарища Сталина» вводится в состав членов ЦК ВКП(б).

И, выливая ушаты помоев на доброе имя И. В. Сталина спустя 22 года, понося его за «расправу» с так называемой «ленинской гвардией» — делегатами XVII партсъезда, он не стал утруждать себя объяснением ошарашенной ау-

дитории, за какие такие «особые заслуги перед Родиной и партией» лично он сам не был репрессирован.

Крупнейший государственный деятель сталинской эпохи Л. М. Каганович вспоминал, что сразу же после XX съезда в 1956 году В. М. Молотов сказал ему: «Это сейчас Хрущев выступает против репрессий, а когда он был секретарем Московского горкома, он отправил в тюрьму свыше 50 тысяч партийцев. В 1938 году, после снятия Косиора, И. В. Сталин послал Хрущева на Украину. Многие делегаты съезда Компартии Украины проголосовали против его избрания первым секретарем. Так он всех их посадил».

«Нужно уничтожать этих негодяев. Уничтожая одного, двух, десяток, мы делаем дело миллионов. Поэтому нужно, чтобы не дрогнула рука, нужно переступить через трупы врага на благо народа», — говорил Хрущев в мае 1937 года на пленуме МГК партии.

Однако, в докладе И. В. Сталина, носившем название «О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников», который был прочитан им 3 марта 1937 года, не только не содержалась какая-либо ориентация партии на массовый террор, но, наоборот, выдвигались требования «в этом вопросе, как и во всех других вопросах, соблюдать индивидуальный, дифференцированный подход. Нельзя стричь всех под одну гребенку. Такой огульный подход может только повредить делу борьбы с действительными троцкистскими вредителями и шпионами».

В этой же речи присутствовавший на том Пленуме ЦК в 1937 году Хрущев услышал, но почему-то не принял на свой счет такие слова И. В. Сталина: «Дело в том, что некоторые наши партийные руководители страдают отсутствием внимания к людям, к членам партии, к работникам. Более того, они не изучают членов партии, не знают, чем они живут и как они растут, не знают вообще работников. Поэтому у них нет индивидуального подхода к членам пар-

тии, к работникам партии. И именно потому, что у них нет индивидуального подхода при оценке членов партии и партийных работников, они обычно действуют наобум: либо хвалят их огулом, без меры, либо избивают их также огулом и без меры, исключают из партии тысячами и десятками тысяч.

Такие руководители вообще стараются мыслить десятками тысяч, не заботясь о «единицах», об отдельных членах партии, об их судьбе. Исключить из партии тысячи и десятки тысяч людей они считают пустяковым делом, утешая себя тем, что партия у нас двухмиллионная и десятки тысяч исключенных не могут что-либо изменить в положении партии. Но так могут подходить к членам партии лишь люди, по сути дела, глубоко антипартийные.

В результате такого бездушного отношения к людям, к членам партии и партийным работникам искусственно создается недовольство и озлобление в одной части партии, а троцкистские двурушники ловко подцепляют таких озлобленных товарищей и умело тащат их за собой в болото троцкистского вредительства»

Да, И. В. Сталин предупредил, что «надо помнить: никакие успехи не могут аннулировать факта капиталистического окружения. Пока есть капиталистическое окружение, будут и вредительство, террор, диверсии, шпионы, засылаемые в тылы Советского Союза.

Надо разбить и отбросить гнилую теорию о том, что с каждым нашим продвижением вперед классовая борьба у нас будет затухать. Нам не хватает готовности ликвидировать свою собственную беспечность, свое собственное благодушие... Неужели мы не сумеем разделаться с этой смешной идиотской болезнью, мы, которые свергли капитализм, построили, в основном, социализм и подняли высоко знамя мирового коммунизма?».

В речи И. В. Сталина, как мы видим, нет призыва к «массовым репрессиям», а выдвигается вполне целесообразное для защиты дела революционных преобразований

как от внешних, так и от внутренних врагов, требование мобилизовать все силы Советской власти, в том числе и карательные органы, на борьбу с «пятой колонной», при условии неукоснительного соблюдения социалистической законности, индивидуального, дифференцированного подхода в каждом отдельном случае, как выразился сам Сталин, «не стричь всех под одну гребенку».

«Массовые репрессии» явились как раз результатом вредительских действий и причиной бесславного падения многих партийных деятелей, причисляющих себя к так называемой «ленинской гвардии», которые на самом деле представляли собой глубоко законспирированное подполье «товарища Троцкого», действовавшее по принципу «чем хуже, тем лучше». В своих «Воспоминаниях» спустя годы Хрущев пишет, оправдывая троцкизм: «Оппозиционные настроения — это еще не значит антисоветские, антимарксистские, антипартийные настроения. Нет, просто эти люди хотели замены Сталина в руководстве. Но этого хотел еще Ленин. Следовательно, это не антиленинцы, а люди, которые стояли на позициях Ленина, считая, что Сталин по своему характеру не может долее пребывать на прежнем посту и его следует заменить... И Сталин уничтожил их. Почему? Потому что он себя считал незаменимым, тем единственным человеком, который действительно является марксистом и имеет право на руководство страной».

Вряд ли этот бред нуждается в комментариях!

В другом месте своих «мемуаров» он прямо пишет: «Мы решили не поднимать вопроса об открытых процессах в моем докладе на XX съезде партии. Известная двусмысленность в такой позиции несомненно была. Но на заседаниях суда над Рыковым, Бухариным и другими руководящими деятелями, закончившихся осуждением их, присутствовали представители братских коммунистических партий. Эти представители, возвратившись домой, в свои страны, засвидетельствовали, что обвинения были оправданными.

Мы не хотели дискредитировать представителей братских партий, которые присутствовали на открытых процессах. Поэтому решили отложить на неопределенное время реабилитацию Бухарина, Зиновьева, Рыкова и остальных. Теперь я отдаю себе отчет в том, что это решение было ошибочным». (Зачем врать-то? Хрущев не раз публично заявлял, что И. В. Сталин сыграл положительнуюроль в борьбе с троцкистами, зиновьевцами и бухаринцами. — *Л. Б.*).

Позволительно спросить, а кто же на том Пленуме ЦК ВКП(б) 1937 года яростнее всех требовал расстрелять Бухарина и Рыкова, а затем бахвалился, что больше выявил вредителей в своих парторганизациях? Это самые настоящие двурушники и иудушки — Павел Постышев, Станислав Косиор, Роберт Эйхе, Влас Чубарь, Александр Косарев и... неразоблаченный троцкист Никита Хрущев — пожалуй, единственная роковая политическая ошибка непогрешимого вождя.

Ну не сумел разглядеть за маской внешнего благодушия «рубахи-парня» и напускной придурковатости коварного и в высшей степени злобного и мстительного врага...

Зачинатель «массовых репрессий»

Одним из основных зачинателей «массовых репрессий» в СССР, которые после пресловутого доклада на XX съезде будут именоваться не иначе, как «сталинские репрессии», был сам Никита Хрущев. Еще в январе 1936 года он заявил в одной своей речи: «Арестовано только 308 человек; для нашей Московской организации — это мало». В своем выступлении на февральско-мартовском (1937) Пленуме ЦК ВКП(б) он сказал: «Сидит иногда человек, копошатся вокруг него враги, чуть ли не на ноги лезут, а он не замечает и пыжится, у меня, мол, в аппарате чужаков нет. Это от глухоты, слепоты политической, от идиотской болезни — беспечности».

Ему вторит одна из первых реабилитированных «жертв» политических репрессий — Роберт Эйхе, с 1929 года первый секретарь Сибирского и Западно-Сибирского крайкомов и Новосибирского горкома ВКП(б), кандидат в члены Политбюро ЦК. Это он говорил: «Мы в Западной Сибири вскрыли много вредителей. Мы вскрыли вредительство раньше, чем в других краях».

Кстати, именно это чрезмерное усердие, массовость необоснованных арестов, поощрение доносительства и фальсификации уголовных дел на местах и было поставлено им в вину, что особенно видно на примере того же троцкиста-двурушника Павла Постышева, распустившего в Куйбышевской области 30 райкомов, члены которых были объявлены врагами народа и репрессированы только за то, что на обложках ученических тетрадей в орнаменте они не разглядели изображение фашистской свастики! Как было не репрессировать Постышева, несмотря на все его прошлые заслуги?

Словом, в выигрыше оказался, наш «герой», тогдашний «новый выдвиженец» Никита Хрущев, который с радостью великой занял место Косиора на Украине и место в сталинском Политбюро. Уже в июне 1938 года, то есть спустя ровно шесть месяцев после назначения Хрущева, один из делегатов съезда Компартии Украины, будущий начальник Совинформбюро, генерал-полковник А. Щербаков, замечал: «Настоящий беспощадный разгром врагов народа на Украине начался после того, как ЦК прислал руководить большевиками Украины товарища Хрущева. Теперь трудящиеся Украины могут быть уверены, что разгром агентуры польских панов и немецких баронов будет доведен до конца».

Выступая на этом съезде, Хрущев напомнил слова Тараса Бульбы о сыне-изменнике: «Я тебя породил, я тебя и убью!». К этому он добавил: «И сейчас мы не дадим дышать всяким андреям-изменникам. Они будут уничтожены, все до одного».

В феврале 1940 года Хрущев делает такое заявление: «Враги у нас еще не передохли и не передохнут, пока существует капиталистическое окружение. Это надо помнить. Мы на Украине здорово почистили врагов. Но некоторые еще остались. Они чувствуют себя одиноко, боятся голову поднять, но они есть. Поэтому смотреть надо в оба».

А вот выдержки из еще одного документа, который впервые был опубликован в первом номере журнала «Вестник Архива Президента Российской Федерации» за 1995 год: «С января 1938 года Хрущев возглавлял партийную организацию Украины... Всего за 1938 — 1940 годы было арестовано 167 тысяч 565 человек (то есть и после того, как новый глава НКВД Лаврентий Берия с санкции И. В. Сталина начал свою деятельность с реабилитаций, в результате которых были освобождены 327,4 тысячи человек, как незаконно осужденные, а среди них были и репрессированные ранее военные, которых в преддверии войны вновь возвращали в армию, на «самостийной» хрущевской Украине репрессии продолжались почти аж до самого начала Великой Отечественной войны. — *Л. Б.*).

Лично Хрущевым были санкционированы репрессии в отношении нескольких сот человек, которые подозревались в организации против него террористического акта (это как раз те делегаты съезда Компартии Украины, о которых упоминал В. М. Молотов. — *Л. Б.*). Летом 1938 года, с санкции Хрущева, была арестована большая группа руководящих работников партийных, советских, хозяйственных органов, и в их числе — заместители председателя Совнаркома УССР, наркомы, секретари областных комитетов партии. Все они были осуждены к высшей мере наказания и длительным срокам заключения».

В газете «Аргументы и факты» (№ 25, июнь 2003) можно найти такой пассаж: «Уже в наши дни приговором Хрущеву стали слова А. Н. Яковлева (деятель эпохи Горбачева, ярый антисталинист и антикоммунист. — *Л. Б.*), руководи-

теля Комиссии по реабилитации жертв незаконных репрессий: «Крови на совести Хрущева не меньше, а по сравнению кое с кем (намек на И. В. Сталина. — *Л. Б.*) и больше!»

Вопрос о том, были «политические репрессии» или их не было, не стоит, они были, и это факт, получивший свое историческое оправдание в ходе Великой Отечественной войны, когда государство диктатуры пролетариата выстояло, в том числе и потому, что изолировало и ликвидировало свою «пятую колонну» — потенциальных изменников Родины.

Но на вопрос о том, правомерно ли говорить, что это были именно «сталинские репрессии», и почему они стали «массовыми», ответил сам Хрущев на XX съезде: «Используя установку Сталина о том, что чем ближе к социализму, тем больше будет и врагов, используя резолюцию февральско-мартовского Пленума ЦК по докладу Ежова, *провокаторы*, пробравшиеся в органы государственной безопасности, а также *бессовестные карьеристы* (выделено мною. — *Л. Б.*) стали прикрывать именем партии и Советского государства (читай: именем Сталина) массовый террор против кадров партии и Советского государства, против рядовых советских граждан. Достаточно сказать, что количество арестованных по обвинению в контрреволюционных преступлениях увеличилось в 1937 году по сравнению с 1936 годом более чем в десять раз».

Но кто ж в этом повинен — И. В. Сталин, именем которого прикрывались беззакония, или провокаторы-троцкисты и бессовестные карьеристы-террористы?

Как бы ни хотелось Никите Сергеичу скрыть, что одним из таких «бессовестных карьеристов» был он сам, сколько бы он, уже будучи у власти, ни чистил архивы, ему не удалось сохранить тайну своего участия в организации «массовых репрессий», которые с полным правом можно назвать вовсе не «сталинскими», а «хрущевскими массовыми политическими» репрессиями.

В частности, сохранилась записка Хрущева из Киева на имя И. В. Сталина, спустя полгода после избрания первым секретарем Украинской парторганизации, датированная июнем 1938 года (вспомним, именно на лето 1938 года приходится взлет (но еще не пик!) хрущевских репрессий на Украине. — *Л. Б.*): «Дорогой Иосиф Виссарионович! Украина ежемесячно посылает 17—18 тысяч репрессированных, а Москва утверждает не более 2—3 тысяч. Прошу Вас принять срочные меры. Любящий Вас Н. Хрущев».

Из данной записки следует:

— вопреки лживым заявлениям Хрущева на XX съезде, инициировал репрессии в СССР (либо контролировал их. — *Л. Б.*) не И. В. Сталин, если к нему обращена просьба «принять срочные меры»;

— «срочные меры», которые предлагал Хрущев, могли означать только одно — дескать, в Москве окопались враги «массовых репрессий», которые препятствуют проведению крупномасштабных карательных операций, а И. В. Сталин должен был распорядиться, чтобы этих «врагов» выявили и наказали;

— «любящий» «дорогого Иосифа Виссарионовича» бессовестный карьерист Хрущев своим неуемным рвением хотел создать у вождя благоприятное впечатление о своей работе;

А когда И. В. Сталин укоризненно спросил у нашего «героя», не слишком ли много он нашел врагов на Украине, тот, скромно потупив взор, ответил, что «на самом деле их гораздо больше». (Ф.Чуев. Молотов. С. 513)

Таким ловкачом был Хрущев, что самому И. В. Сталину «вешал лапшу на уши».

Как раз в январе 1938 года, когда Хрущев, благополучно занял место генсека Украинской парторганизации и в Политбюро ЦК ВКП(б), в Москве собрался Пленум ЦК партии, где было принято собственноручно написанное И. В. Сталиным Постановление Пленума ЦК ВКП(б) «Об ошибках парторганизаций при исключении коммунистов из пар-

тии, о формально-бюрократическом отношении к апелляциям исключенных из ВКП(б) и о мерах по устранению этих недостатков»: «Пора разоблачить таких, с позволения сказать, коммунистов и заклеймить их, как карьеристов, старающихся выслужиться на исключениях из партии, старающихся перестраховаться при помощи репрессий против членов партии... Такой замаскированный враг — гнусный двурушник — всячески стремится создать в парторганизациях обстановку излишней подозрительности, при которой каждого члена партии, выступившего в защиту другого коммуниста, оклеветанного кем-либо, немедленно обвиняют в отсутствии бдительности и в связях с врагами народа. Такой замаскированный враг — подлый провокатор — в тех случаях, когда парторганизация начинает проверять поданное на коммуниста заявление, всячески создает провокационную обстановку для этой проверки, создает вокруг коммуниста атмосферу политического недоверия и тем самым, вместо объективного разбора дела, организует на него поток новых заявлений».

Бывший сталинский министр сельского хозяйства И. А. Бенедиктов в своих воспоминаниях пишет: «Сталин, без сомнения, знал о допускаемом произволе и беззакониях в ходе репрессий, и принимал конкретные меры для исправления допущенных ошибок и освобождения из тюрем невинных людей. Еще январский Пленум ЦК ВКП(б) в 1938 году открыто признал, что допущены беззакония по отношению к честным коммунистам и беспартийным, приняв по этому поводу особое постановление, опубликованное во всех центральных газетах. Также открыто перед всей страной обсуждался вред от необоснованных репрессий на XVIII съезде ВКП(б) в 1939 году... Сразу же после январского Пленума были освобождены из лагерей тысячи незаконно репрессированных граждан, в том числе и видные военачальники. Все они были официально реабилитированы, а некоторым из них Сталин лично принес извинения».

17 ноября того же 1938 года за подписью Председателя Совнаркома В. Молотова и Секретаря ЦК ВКП(б) И. Сталина на имя наркомов внутренних дел союзных и автономных республик, начальников УНКВД краев и областей, начальников окружных, городских и районных отделений НКВД, а также на имя прокуроров союзных и автономных республик, краев и областей, окружных, городских и районных прокуроров, а также — секретарям ЦК нацкомпартий, крайкомов, обкомов, окружкомов, горкомов и райкомов ВКП(б) было направлено Постановление Совета Народных комиссаров СССР и Центрального Комитета ВКП(б) «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия», где осуждались многочисленные факты грубейшего нарушения социалистической законности и выражались жесткие требования немедленного устранения имеющихся серьезнейших недостатков в методах ведения следствия, в частности осуждалось:

— применение практики массовых арестов, невысокое качество расследования;

— упрощенный порядок расследования, при котором следователь ограничивается получением от обвиняемого признания своей вины и совершенно не заботится о подкреплении этого признания показаниями свидетелей, актами экспертизы, вещественными доказательствами и пр.

В данном Постановлении говорилось: «Работники НКВД настолько отвыкли от кропотливой, систематической агентурно-осведомительной работы и так вошли во вкус упрощенного порядка производства дел, что до самого последнего времени возбуждают вопросы о предоставлении им так называемых «лимитов» для проведения массовых арестов... Такого рода безответственным отношением к следственному производству и грубым нарушением установленных законом процессуальных правил нередко умело пользовались пробравшиеся в органы НКВД и Прокуратуры — как в центре, так и на местах — враги народа. Они

сознательно извращали советские законы, совершали подлоги, фальсифицировали следственные документы, привлекая к уголовной ответственности и подвергая аресту по пустяковым основаниям и даже вовсе без всяких оснований создавали с провокационной целью «дела» против невинных людей, а в то же время принимали все меры к тому, чтобы укрыть и спасти от разгрома своих соучастников по преступной антисоветской деятельности».

Всего за 1938 год было принято целых шесть постановлений ЦК ВКП(б) по фактам нарушения социалистической законности. Кроме приведенного выше, это были: «Об изменении структуры ГУГБ НКВД СССР» (28 марта), «Об изменении структуры НКВД СССР» (13 сентября), «О структуре НКВД СССР» (23 сентября), «Об учете, проверке и утверждении работников НКВД» (14 ноября), «О порядке согласования арестов» (совместно с СНК СССР 1 декабря). «Тройки» и «двойки» при НКВД были упразднены приказом наркома внутренних дел СССР (Л. П. Берия. — *Л. Б.*) 26 ноября 1938 года.

1 февраля 1939 года прокурор СССР А. Я. Вышинский доложил И. В. Сталину и В. М. Молотову, что Главной военной прокуратурой по просьбе секретаря Вологодского обкома выявлены факты особо опасных преступлений, совершенных рядом сотрудников Вологодского УНКВД. Как было установлено, «фальсификаторы уголовных дел составляли подложные протоколы допросов обвиняемых, якобы сознавшихся в совершении тягчайших государственных преступлений... Сфабрикованные таким образом дела были переданы на тройку при УНКВД по Вологодской области, и более ста человек были расстреляны... Во время допросов доходили до изуверства, применяя к допрашиваемым всевозможные пытки. Дошло до того, что во время допросов этими лицами четверо допрашиваемых были убиты».

Данное дело о тягчайшем преступлении против соцзаконности слушалось в закрытом заседании Военного трибу-

нала Ленинградского военного округа в присутствии узкого состава оперативных работников вологодского управления НКВД и вологодской прокуратуры. Обвиняемые Власов, Лебедев и Роскуряков, как инициаторы и организаторы данных вопиющих преступлений были приговорены к высшей мере наказания — расстрелу, а остальные семь их подельников — к длительным срокам лишения свободы.

И таких вот власовых, лебедевых и роскуряковых было по всей стране 11 тысяч 842 репрессированных негодяя, которых даже в пору безоглядного горбачевского всепрощенчества, пресловутая комиссия Александра Яковлева не сочла возможным реабилитировать. (И. Рашковец. Несудебные органы. В кн. Расправа. Прокурорские судьбы. М: 1990. С. 317). Именно на совести этих фальсификаторов уголовных дел, обвиненных в производстве необоснованных массовых арестов, применении незаконных методов следствия, которым даже полвека спустя было отказано в реабилитации по Указу Верховного Совета Союза ССР от 16 января 1989 года — лежит ответственность за те самые «тысячи и тысячи невинно репрессированных», которых Хрущев, а затем и его выдвиженец и выученик Горбачев благополучно «навесили» на покойного И. В. Сталина.

Возвратимся вновь на XX съезд КПСС. Мы слышим из уст Хрущева о том, что якобы существовала «телеграмма» секретарям обкомов, крайкомов, ЦК Компартий национальных республик от 10 января 1939 года, подписанная И. В. Сталиным: «ЦК ВКП(б) разъясняет, что применение физического воздействия в практике НКВД было допущено с 1937 года с разрешения ЦК...

ЦК ВКП(б) считает, что метод физического воздействия должен обязательно применяться и впредь, в виде исключения, в отношении явных и неразоружившихся врагов народа, как совершенно правильный и целесообразный метод». (Когда в одной из бесед с В. М. Молотовым поэт и публицист Феликс Чуев задал ему в лоб вопрос о санкциях на пытки: «Я слышал такой разговор, что Сталин и вы

дали директиву органам НКВД применять пытки», — В. М. Молотов ответил отрицательно, не признав этот грех за собой. — *Л. Б.*).

Я не берусь категорически утверждать, была ли в природе такая телеграмма или ее не было. Но можете мне поверить на слово: сколько бы раз и где бы ни встречал я эту «шифрограмму», всегда при ней стояла сноска, которая отсылала к одному и тому же источнику — вы догадались правильно — к докладу Н. С. Хрущева на XX съезде КПСС! Хоть бы раз, приличия ради, был указан архив, где хранится пусть один-единственный экземпляр подлинника подобного «документа» особой важности.

Ни разу! Нет ни подлинника, ни даже фальшивки. А это доказывает: Хрущев нагло врал!

Часть 5

ЗАГОВОР В РККА

Анатомия большой лжи

На XX съезде Хрущев говорил: «Весьма тяжкие последствия, особенно для начального периода войны имело то обстоятельство, что на протяжении 1937—1941 годов, в результате подозрительности Сталина, по клеветническим обвинениям истреблены многочисленные кадры армейских командиров и политработников».

Знал ли Хрущев, готовя к реабилитации головку военно-троцкистского центра в Рабоче-Крестьянской Красной Армии (РККА), что заговор Тухачевского и его сподвижников в 1937 году отнюдь не был сфальсифицированной расправой И. В. Сталина над «невинными жертвами», а имел место в действительности? Безусловно, знал. Причастность германской разведки к «расправе» И. В. Сталина над маршалом Тухачевским — это миф. Если бы такие компрометирующие Тухачевского и якобы переданные И. В. Сталину документы были, Хрущев извлек бы их из архивов, как один из самых мощных аргументов в своей борьбе с «культом личности» И. В. Сталина. Все, что он смог предъявить делегатам XX съезда, это была скользкая фраза: «Как-то в зарубежной печати проскочило сообщение, будто бы... Этот документ, якобы секретный...». Ни в представленной Ежову 13 мая 1937 года справке по всем иностранным и внутренним агентурным материалам в отношении Тухачевского, ни в судебном деле нет упоминаний о сфабрикованной абвером (органом немецкой разведки и контрразведки в 1919—

1944 гг. — *Л. Б.*), фальшивке, якобы на основании которой «легковерный» И. В. Сталин начал проводить «массовые репрессии» в Красной Армии, чем будто бы «обескровил» ее накануне войны. Но вот ведь какая незадача — германской фальшивки не было, а заговор был!

На закрытом процессе было установлено, что Тухачевский разработал несколько вариантов военного переворота, один из которых предусматривал проникновение заговорщиков в Кремль и ликвидацию руководителей партии и правительства. А свергнув Сталина и Советское правительство, а также все органы партии и Советской власти, заговорщики должны были установить военную диктатуру. В дальнейшем, создать «антикоммунистическое национальное правительство, связанное с Германией» и имевшее целью «предоставить Германии за ее помощь особые привилегии внутри Советского Союза» и сделать ей «территориальные уступки» на Украине.

Наличие сотрудничества с немцами было полностью доказано. И на суде тот же Тухачевский обстоятельно рассказывал, что на протяжении ряда лет имели место постоянные контакты с рейхсвером как в самой Германии, так и в СССР, немцам показывалась наша военная техника, они имели возможность наблюдать за изменениями, происходящими в организации войск, их оснащении. И какое значение могло иметь то обстоятельство, что все это, как говорил на судебном процессе Тухачевский, было еще до прихода Гитлера к власти. Ведь у фюрера не было нового генералитета, а большинство его генералов, которые будут участвовать в войне против СССР и были теми «дружками» Тухачевского и его команды, которых заговорщики, будучи завербованными абвером, усиленно просвещали о состоянии обороны СССР (В частности, на расширенном заседании Военного совета при наркоме обороны СССР с участием членов Политбюро ЦК ВКП(б), происходившем с 1 по 4 июня 1937 года в Кремле, выступивший при обсуждении доклада К. Е. Ворошилова «О раскрытом органами

НКВД контрреволюционном заговоре в РККА» И. В. Сталин сказал о Тухачевском: «Он оперативный план наш, оперативный план — наше святая святых — передал немецкому рейхсверу. Имел свидания с представителями рейхсвера. Шпион? Шпион»... — *Л. Б.*).

Аналогичные показания дали на процессе «бывшие»: кандидат в члены ЦК ВКП(б) и член ЦИК СССР, командарм 1-го ранга, Уборевич, член ЦИК СССР, начальник Военной академии имени М. В. Фрунзе, командарм 2-го ранга Корк, начальник одного из Главных управлений Красной Армии, комкор Фельдман, член ЦК ВКП(б) и ЦИК СССР, командующий войсками Киевского военного округа, командарм 1-го ранга Якир и военный атташе в Великобритании (по 1936 год), комкор Путна. Кроме того, Якир учился в 1929 году в академии генерального штаба Германии, читал там лекции о Красной Армии, а Корк некоторое время исполнял обязанности военного атташе в Германии. Все они были завербованы абвером и направлялись своим шефом — бывшим «вождем» Красной Армии Троцким.

По поводу участия во вредительстве, Тухачевский, Якир, Корк, Уборевич разъяснили, что не без их ведома (на самом деле, они организовывали вредительство) замедлялись темпы строительства военных объектов, реконструкции желдорузлов, формирования воздушно-десантных частей, было немало недостатков и упущений в боевой подготовке войск, в чем во всем они видели свою прямую вину. (Известно, что Тухачевский был против введения новых образцов боевой техники, например, знаменитой 76-мм пушки В. Г. Грабина, что вынудило конструктора обратиться за помощью к И. В. Сталину. — *Л. Б.*).

В последнем слове подсудимые заявляли о своей преданности делу революции, Красной Армии, лично товарищу Сталину. Раскаивались. Просили о снисхождении. Но все это выглядело неубедительно.

Последнее слово комкора Примакова, по существу, стала обвинительной речью против остальных подсудимых: «Я должен сказать последнюю правду о нашем заговоре. Ни

в истории нашей революции, ни в истории других революций не было такого заговора, как наш, ни по целям, ни по составу, ни по тем средствам, которые заговор для себя выбрал. Из кого состоит заговор? Кого объединило фашистское знамя Троцкого? Оно объединило все контрреволюционные элементы, все, что было контрреволюционного в Красной Армии, собралось в одно место, под одно знамя, под фашистское знамя Троцкого. Какие средства выбрал себе этот заговор? Все средства: измена, предательство, поражение своей страны, вредительство, шпионаж, террор. Для какой цели? Для восстановления капитализма. Путь один — ломать диктатуру пролетариата и заменять фашистской диктатурой. Какие же силы собрал заговор для того, чтобы выполнить этот план? Я назвал следствию больше 70 человек-заговорщиков, которых я завербовал сам или знал по ходу заговора... Я составил себе суждение о социальном лице заговора, то есть из каких групп состоит наш заговор, руководство, центр заговора. Состав заговора из людей, у которых нет глубоких корней в нашей Советской стране потому, что у каждого из них есть своя вторая родина. У каждого из них персонально есть семья за границей. У Якира — родня в Бессарабии, у Путны и Уборевича — родня в Литве, Фельдман связан с Южной Америкой не меньше, чем с Одессой, Эйдеман связан с Прибалтикой не меньше, чем с нашей страной...».

Занимавшаяся вопросами реабилитации по заданию Хрущева «комиссия Шверника» систематически информировала своего шефа о ходе своих изысков и знакомила его с наиболее важными документами. Как, например, вот с этим заявлением, написанным Тухачевским собственноручно:

«Народному Комиссару Внутренних Дел Н. И. Ежову.

Будучи арестован 22-го мая, прибыв в Москву 24-го, впервые допрошен 25-го и сегодня, 26 мая, заявляю, что признаю наличие антисоветского заговора и то, что я был во главе его.

Обязуюсь самостоятельно изложить следствию все, касающееся заговора, не утаивая никого из его участников, ни одного факта или документа.

Основание заговора относится к 1932 году. Участие в нем принимали: Фельдман, Алафузов, Примаков, Путна и др., о чем я подробно покажу дополнительно.

Тухачевский.

26. 5. 37.

Заявление отбирал: Пом. нач. 5-го отдела ГУГБ
капитан госуд. без. УШАКОВ *(подпись)*».

К этому заявлению прилагались собственноручные показания Тухачевского на шести с половиной страницах, где бывший маршал признал наличие в армии группы лиц высшего командного состава, подобранных «кадровиком» наркомата обороны Фельдманом и готовых выполнить любой приказ Тухачевского. Связь с Троцким поддерживалась через Примакова и Путну. Цель заговора — захват власти в армии и в стране, ликвидация И. В. Сталина и К. Е. Ворошилова. На следующий день, 27 мая, Тухачевский обращается к следователю Ушакову с просьбой предоставить возможность продиктовать стенографистке дополнения к своим прежним показаниям, причем заверил его честным словом, что ни одного факта не утаит.

А что же было 25 мая, в день первого допроса Тухачевского? В первый день бывший маршал во время очных ставок с Примаковым, Путной и Фельдманом отрицал участие в заговоре. Но отрицал он предъявленное обвинение очень своеобразно. В заявлении, написанном им сразу же после очных ставок, мы встречаем такие удивительные строки: «Прошу представить мне еще пару показаний других участников этого заговора, которые также обвиняют меня. Обязуюсь дать чистосердечные показания без малейшего утаивания чего-либо из своей вины в этом деле, а равно из вины других лиц заговора».

В этот же день членам и кандидатам в члены ЦК была направлена анкета для голосования, в которой И. В. Сталин предлагал от имени Политбюро на основании изобличающих данных исключить Тухачевского из партии и передать их дела в НКВД. Все высказались «за». И. В. Сталин лично следил за ходом следствия по этому делу. Ежедневно принимал Ежова, читал протоколы допросов подследственных.

Тухачевского, Якира и их «однодельников» назвал Фельдман в своих показаниях, отобранных следователем Ушаковым, который в отчете в НКВД писал: «Взяв личное дело Фельдмана и изучив его, я понял, что Фельдман связан личной дружбой с Тухачевским, Якиром и рядом крупных командиров... Вызвал Фельдмана в кабинет, заперся с ним в кабинете и к вечеру 19 мая (1937 г) Фельдман написал заявление о заговоре с участием Тухачевского, Якира, Эйдемана и других». В этом же заявлении Ушаков высказал обвинение в адрес следователя Глебова, который стал сбивать Якира на отказ от показаний. «Я, — пишет Ушаков, — восстановил Якира. Вернул его к прежним показаниям, а Глебов был отстранен от дальнейшего участия в следствии... Мне дали допрашивать Тухачевского, который уже 26 мая сознался у меня... Я также уверенно шел на Эйдемана и тут также не ошибся...».

Шверник ознакомил своего шефа Хрущева и с содержанием «записки» «расколовшегося» арестованного комкора Фельдмана своему следователю:

«Помощнику начальника 5 отдела ГУГБ НКВД
Союза ССР тов. Ушакову.

Зиновий Маркович! Начало и концовку заявления я написал по собственному усмотрению. Уверен, что Вы меня вызовите к себе и лично укажете, переписать недолго. Благодарю за Ваше внимание и заботливость — я получил 25-го печенье, яблоки и папиросы и сегодня папиросы, откуда, от кого, не говорят, но я-то знаю, от кого.

Фельдман.

31.5.37 г.».

В деле Фельдмана есть и другие свидетельства того, что он сам, без всякого принуждения, давал «чистосердечные показания».

И, наконец, последний документ, который был грубо сфальсифицирован и обнародован на XXII съезде по личному указанию Хрущева 43-летним шефом КГБ Шелепиным, документ, который заставил содрогнуться от возмущения и негодования всех без исключения 5 тысяч делегатов, и благодаря которому в значительной степени они единогласно приняли резолюцию о выносе тела И. В. Сталина из Мавзолея, как «недостойного лежать рядом с Великим Лениным».

Так о чем же вещал Шелепин на XXII партсъезде? А вот о чем: «О жестоком отношении к людям, к руководящим товарищам, оказавшимся под следствием, говорит ряд циничных резолюций Сталина, Кагановича, Молотова, Маленкова и Ворошилова на письмах и заявлениях заключенных. Например, в свое время Якир — бывший командующий военным округом — обратился к Сталину с письмом, в котором заверял его в своей полной невиновности. Вот, что он писал: «...я честный и преданный партии, государству, народу боец, каким я был многие годы. Вся моя сознательная жизнь прошла в самоотверженной, честной работе на виду партии и ее руководителей... Я честен каждым своим словом, я умру со словами любви к Вам, к партии и стране, с безграничной верой в победу коммунизма». На этом письме Сталин начертал: «Подлец и проститутка», Ворошилов добавил: «Совершенно точное определение», Молотов под этим подписался, а Каганович приписал: «Предателю, сволочи и б... одна кара — смертная казнь». (XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет. Госполитиздат. М. 1962. С. 403).

А теперь попробуем показать, что реакция И. В. Сталина и его соратников была вполне адекватной содержанию письма. Ради торжества исторической истины письмо Якира должно было прозвучать на съезде полностью, без

купюр. Но разве историческая истина интересовала тогда могильщиков И. В. Сталина?

Вот оно, это письмо. Полностью. Без купюр: «Родной, близкий тов. Сталин. Я смею так к Вам обращаться, ибо я все сказал, все отдал и мне кажется, что я снова честный и преданный партии, государству, народу боец, каким я был многие годы. Вся моя сознательная жизнь прошла в самоотверженной, честной работе на виду партии и ее руководителей — потом провал в кошмар, в непоправимый ужас предательства... Следствие закончено. Мне предъявлено обвинение в государственной измене, я признал свою вину, я полностью раскаялся. Я верю безгранично в правоту и целесообразность решения суда и правительства. Теперь я честен каждым своим словом, я умру со словами любви к Вам, партии и стране, с безграничной верой в победу коммунизма». (Н. А. Зенькович. Маршалы и генсеки. Смоленск. Русич. 1998. С. 594).

Версия Хрущева — Шелепина обрела безоговорочного сторонника в лице Волкогонова, который почти дословно повторяет эту байку об «абсолютной невиновности» Якира, впрочем не приводя ни самого письма, ни даже шелепинской урезанной части его. Волкогонов, перед тем, как солгать, употребляет, как правило, словесную формулу «как теперь установлено».

Вот, например, он пишет: «Как теперь установлено, по отношению ко всем этим видным советским военачальникам было применено в полном объеме физическое воздействие». На самом же деле, как мы видели только что, ни в полном объеме, ни в усеченном, Тухачевского, как и его подельников, никто не пытал: не бил, не истязал; и в чистосердечности показаний, которые они сами добровольно давали, наперегонки разоблачая друг друга, у нас нет никаких оснований сомневаться. Как образчик бессовестного вранья Волкогонова может служить следующий пассаж: «В деле Тухачевского особенно отличился следователь по особо важным делам Ушаков (он же Ушиминский). В своих объяс-

нениях, которые он дал после XX съезда комиссии по реабилитации, Ушаков писал ...».

Стоп! — Не будем вдаваться в то, что якобы писал Ушаков. Здесь важно другое: во-первых, не Ушиминский, а Ушамирский была подлинная фамилия Ушакова, во-вторых, писал Ушаков это для НКВД в 1938 году, а вовсе не для комиссии Хрущева — Шверника в 1956. Ну, просто физически не мог писать, так как к тому времени прошло уже 17 лет со дня его смерти.

В другом месте Волкогонов со ссылкой на слова дочери Гамарника, покончившего жизнь самоубийством, утверждает, что этот «выстрел был ответом на предложение Сталина стать членом трибунала над своими боевыми товарищами», хотя Гамарник фигурировал в деле (и об этом историк ранга Волкогонова просто обязан был знать. — *Л. Б.*), как один из участников контрреволюционного заговора в РККА. Как сообщала газета «Правда» 1 июня 1937 года, «бывший член ЦК РКП(б) Я. Б. Гамарник, запутавшись в своих связях с антисоветскими элементами и видимо боясь разоблачения, 31 мая покончил жизнь самоубийством».

Истинные цифры «массовых репрессий» в РККА

Поскольку идет большая спекуляция по вопросу о «массовых репрессиях» в Красной Армии, на этом следует остановиться подробнее. Волкогонов пишет: «По имеющимся данным, с мая 1937 года по сентябрь 1938 года, то есть в течение полутора лет, в армии подверглись репрессиям 36 761 человек. Часть из них была, правда, лишь уволена из РККА».

Передо мной отчет начальника управления по командному составу РККА Наркомата обороны СССР Е. А. Щаденко по годам. Из отчета видно, что в 1937 году было уволено из РККА всего 18 658, а в 1938 — всего 16 362 военнослужащих. Итого — 35 020 человек уволенных, а не репрессиро-

ванных, как юридически безграмотно утверждает генерал-полковник Волкогонов.

Вот из числа уволенных было арестовано (то есть репрессировано) за различные преступления в 1937—1938 годах — 9506, за связь с заговорщиками — 14 684 военнослужащих. Остальные были уволены за пьянство, моральное разложение, по причине смерти, по инвалидности и по болезни. Таких за два года оказалось в РККА 6 тысяч 692 человека. Приведя эти данные, Щаденко пишет: «В общем числе уволенных как за 1936—1937 гг., так и за 1938—1939 гг. было большое количество арестовано и уволено несправедливо. Поэтому много поступило жалоб в Наркомат Обороны, в ЦК ВКП(б) и на имя тов. Сталина.

Мною в августе 1938 года была (понятное дело, с санкции И. В. Сталина. — *Л. Б.*) создана специальная комиссия для разбора жалоб уволенных командиров, которая тщательно проверяла материалы уволенных путем личного вызова их, выезда на места работников Управления, запросов парторганизаций, отдельных коммунистов и командиров, знающих уволенных, через органы НКВД и т. д. Комиссией было рассмотрено около 30 тысяч жалоб, ходатайств и заявлений. В результате восстановлено 11 178 военнослужащих». (Известия ЦК КПСС. 1990. № 1. С. 186—192).

Поскольку нас интересует число восстановленных военнослужащих после увольнения в связи с заговором в РККА, то постараемся уточнить эту цифру. Она составляет 7202 человека. Следовательно, подлинное количество осужденных за связь с заговорщиками составляет 7482 командира. Вот это и есть истинная цифра «масштабов» репрессий (не расстрелов!) в Красной Армии накануне Великой Отечественной войны.

Таковы мои подсчеты, и они не намного разнятся с данными заместителя председателя Военной коллегии Верховного суда Российской Федерации генерал-майора юстиции А. Т. Углова и подполковника В. И. Ивкина. По их раскладу, опубликованному в «Военно-историческом журнале» (1993.

№ 1. С. 57, 59) эта цифра равна 7211 (то есть еще меньше — *Л. Б.*). Углов и Ивкин приходят к заключению: «Проведенный анализ судебной статистики позволяет сделать вывод о том, что число жертв политических репрессий в РККА во второй половине 30-х годов примерно в десять (!) раз меньше, чем приводят современные публицисты и исследователи». При этом, как я уже говорил, речь идет не о расстрелянных, а лишь об осужденных за участие в заговоре. По данным Архива Военной коллегии Верховного суда СССР к высшей мере наказания в 1938 году были приговорены 52 военнослужащих, в 1939 году — 112 и в 1940 году — 528 военнослужащих.

К сожалению, данными о количестве расстрелянных в 1937 году я не располагаю, но в целом картина ясна. Речь может идти о десятках и о сотнях — не о тысячах или десятках тысяч «истребленных» командных кадров.

А вот взгляд военного историка А. Филиппова на степень готовности Красной Армии к войне в июне 1941 года: «Мнение, что репрессированные высшие командиры были лучшими, а в армии остались худшие — бездоказательно. Лучшие из репрессированных (М. Н. Тухачевский и др.) нередко в печати сравниваются с худшими из оставшихся... А идеи, связанные с именем Тухачевского, не были отвергнуты, как пишут, они не всегда оправданно внедрялись в армию перед войной, отражались в уставах. В частности, идея «ответного удара» стала стержнем плана войны вместо более подходящей для нашей армии идеи стратегической обороны; теория глубокого боя и операции заслонили для нашей армии вопросы обороны, маневренной войны, встречных операций...

Последствия репрессий 1937—1938 гг. против комсостава были частично преодолены к лету 1941 г., поэтому их нельзя отнести к главным причинам неудач нашей армии в начале войны».(Военный вестник. АПН.1992. № 9. С. 3—8).

По мнению Уинстона Черчилля, выраженному в книге «Вторая мировая война», И. В. Сталин своими репрессиями

не ослаблял, а, напротив, укреплял Красную Армию. «Для Сталина Тухачевский, Блюхер и другие военные, чей боевой опыт исчерпывался главным образом участием в Гражданской войне, не представляли особой ценности. Они, как бывшие сторонники Троцкого, были его политическими противниками, и он поступал с ними по законам борьбы того времени...

Уже в 1937 году Сталин предвидел то, что для его менее удачливых противников стало ясным спустя лишь семь лет — после заговора военных против Гитлера, которые в случае поражения Германии собирались возложить всю вину за это на фюрера. Заговор немецких генералов имел место 20 июля 1944 года, то есть в самый критический для Германии момент...

Подобная участь могла ожидать и Сталина в октябре 1941 года, когда, казалось, не было силы, способной остановить фашистов под Москвой. Однако этого не случилось» (Новейшая история Отечества. М. Владос. 1998. Т. 2. С. 117—118).

Константин Симонов в своей знаменитой книге о И. В. Сталине «Глазами человека моего поколения» приводит взгляд Маршала Советского Союза И. С. Конева на проблему «уничтожения» головки армии перед войной: «Изображать дело так, что если бы эти десять, двенадцать, пять или семь человек не погибли бы в 37—38 годах, а были бы во главе армии к началу войны, то вся война выглядела бы по-другому, — это преувеличение... Абстрактно говорить, что вот были бы эти 15 человек во главе армии, то в 41-м было бы все в порядке, — неправильно». И еще: «Ответить на то, кто из погибших тогда людей как воевал бы с немцами, как мы и в какой бы срок победили бы немцев, будь живы эти люди, — все это вопросы, к сожалению, умозрительные. В то же время существует факт непреложный, что те люди, которые остались, выросли в ходе войны и оказались у руководства армией, именно они и выиграли войну, находясь на тех постах, которые они постепенно заняли».

И. С. Конев говорил и о том, как после тридцать седьмого года И. В. Сталин приглядывался к оставшимся кадрам и брал на заметку людей, которых он собирался выдвигать, на которых собирался делать ставку в будущей войне. Сам он, Конев, по собственному признанию, ощущал себя одним из таких людей, ощущал на себе заботу и внимание И. В. Сталина.

Замечательна и глубока мысль Константина Симонова: «Война отбирала и отобрала кадры. И людям, во главе дивизий, армий и фронтов отступавшим до Москвы, до Ленинграда, до Сталинграда, но не отдавшим ни того, ни другого, ни третьего, а потом перешедшим в наступление, научившимся воевать и в конце концов разгромившим сильнейшую армию мира — германскую армию — и дошедшим до Берлина, — им, этим людям, не надо противопоставлять ни Тухачевского, ни Якира...» (Симонов К. Глазами человека моего поколения. М., АПН, 1988).

Часть 6

МИФ И ПРАВДА О КАТЫНИ

Как создавался миф о Катынской трагедии?

XX съезд имел разрушительные последствия не только внутри СССР, но и для всего мирового коммунистического движения, ибо Москва утратила роль цементирующего идеологического центра, и каждая из стран народной демократии (за исключением КНР и Албании) начала искать свой собственный путь к социализму, и под этой личиной фактически стала на путь ликвидации диктатуры пролетариата и реставрации капитализма.

Первой серьезной международной реакцией на «секретный» доклад Хрущева были последовавшие вскоре после смерти лидера польских коммунистов Болеслава Берута антисоветские выступления в Познани — историческом центре великопольского шовинизма. Вскоре смута начала распространяться и на другие города Польши и даже перекинулась на другие восточноевропейские страны, в большей степени — Венгрию, в меньшей — Болгарию. В конце концов польским антисоветчикам под дымовой завесой «борьбы с культом личности Сталина» удалось не просто освободить из тюрьмы правонационалистического уклониста Владислава Гомулку и его сотоварищей, но и привести их к власти.

И хотя Хрущев пытался поначалу как-то противодействовать, но, в конце концов, вынужден был принять польские требования, чтобы разрядить сложившуюся обстановку, готовую было выйти из-под контроля. Эти требования

содержали такие малоприятные моменты, как безусловное признание нового руководства, роспуск колхозов, некоторую либерализацию экономики, гарантии свободы слова, собраний и манифестаций, отмену цензуры, а, главное, официальное признание гнусной гитлеровской лжи о причастности Компартии Советского Союза к Катынскому расстрелу военнопленных польских офицеров. Сгоряча дав такие гарантии, Хрущев отозвал советского маршала Константина Рокоссовского, поляка по происхождению, занимавшего пост министра обороны Польши, и всех советских военных и политических советников.

Пожалуй, самым неприятным для Хрущева было требование признать причастность своей партии к Катынскому расстрелу, но согласился он на это лишь в связи с обещанием В. Гомулки навести на след Степана Бандеры, злейшего врага Советской власти, руководителя военизированных формирований украинских националистов, боровшихся против Красной Армии в Великую Отечественную войну и продолжавших свою террористическую деятельность на Львовщине до 50-х годов XX века.

Организация украинских националистов (ОУН), возглавляемая С. Бандерой, сделала ставку на сотрудничество с разведками США, Англии, ФРГ, на постоянно действующие связи с различными подпольными кружками и группами на Украине. Для этого туда нелегальными путями проникали ее эмиссары, имевшие целью создание подпольной сети и провозившие антисоветскую и националистическую литературу.

Не исключено, что во время своего неофициального визита в Москву в феврале 1959 года Гомулка сообщил, что его спецслужбы обнаружили Бандеру в Мюнхене, и поторопил с признанием «катынской вины». Так или иначе, но по заданию Хрущева 15 октября 1959 года сотрудник КГБ Богдан Сташинский ликвидирует, наконец, в Мюнхене Бандеру, а суд, состоявшийся над Сташинским в Карлсруэ (ФРГ) сочтет возможным определить убийце относительно мяг-

кое наказание — всего несколько лет тюремного заключения, поскольку основную вину возложит на организаторов преступления — хрущевское руководство.

Выполняя взятое обязательство, Хрущев, опытный потрошитель секретных архивов, отдает соответствующие распоряжения председателю КГБ Шелепину, пересевшему в это кресло год назад с поста первого секретаря ЦК ВЛКСМ, и он начинает лихорадочно «работать» над созданием материального обоснования гитлеровской версии мифа о Катыни.

Первым делом Шелепин заводит «особую папку» «О причастности КПСС (уже один этот прокол говорит о факте грубейшей фальсификации — до 1952 года КПСС именовалась ВКП(б). — *Л. Б.*) к Катынскому расстрелу, где, как он считает, должны храниться четыре главных документа: а) списки расстрелянных польских офицеров; б) доклад Берия Сталину; в) Постановление ЦК партии от 5 марта 1940 года; г) письмо Шелепина Хрущеву (родина должна знать своих «героев»!)

С содержанием наспех состряпанных А. Шелепиным «секретных документов» из той «особой папки» сегодня может ознакомиться любой желающий. Они опубликованы в первом номере журнала «Вопросы истории» за 1993 год.

Именно эта «особая папка», созданная Хрущевым по заказу нового польского руководства, подстегивала все антинародные силы ПНР, вдохновляемые папой римским Иоанном Павлом II (бывшим архиепископом Кракова и кардиналом Польши), а также помощником президента США Джимми Картера по национальной безопасности, бессменным директором «исследовательского центра, именуемого «институтом Сталина» при Калифорнийском университете, поляком по происхождению, Збигневом Бжезинским ко все более и более наглым идеологическим диверсиям.

В конце концов, по прошествии еще трех десятилетий, история с визитом руководителя Польши в Советский

Союз повторилась, только на сей раз в апреле 1990 года прибыл с официальным государственным визитом в СССР президент республики Польша В. Ярузельский с требованием покаяния за «катынское злодеяние» и вынудил Горбачева сделать следующее заявление: «В последнее время найдены документы (имелась в виду хрущевская «особая папка». — *Л. Б.*), которые косвенно, но убедительно свидетельствуют о том, что тысячи польских граждан, погибших в смоленских лесах ровно полвека назад, стали жертвами Берии и его подручных. Могилы польских офицеров — рядом с могилами советских людей, павших от той же злой руки».

Если учесть, что «особая папка» — фальшивка, то и заявление Горбачева и гроша ломаного не стоило. Добившись от бездарного горбачевского руководства в апреле 1990 года позорного публичного покаяния за гитлеровские грехи, то есть публикации «Сообщения ТАСС» о том, что «советская сторона, выражая глубокое сожаление в связи с Катынской трагедией, заявляет, что она представляет одно из тяжких преступлений сталинизма», контрреволюционеры всех мастей благополучно воспользовались этим взрывом «хрущевской мины замедленного действия» — фальшивыми документами о Катыни — в своих низменных подрывных целях.

Первым «откликнулся» на горбачевское «покаяние» лидер пресловутой «Солидарности» Лех Валенса (палец в рот положили — руку покусал. — *Л. Б.*). Он предложил разрешить еще и другие важные проблемы: пересмотреть оценки послевоенных польско-советских отношений, включая и роль созданного в июле 1944 года Польского комитета национального освобождения, заключенные с СССР договоры, ибо якобы все они основывались на преступных принципах, наказать виновных в геноциде, разрешить свободный доступ к местам захоронения польских офицеров, а самое главное, разумеется само собой, возместить материальный ущерб семьям и близким погибших. 28 апреля 1990

года в сейме Польши выступил представитель правительства с информацией, что переговоры с правительством СССР по вопросу о денежных компенсациях уже ведутся и что в данный момент важно составить список всех претендующих на такого рода выплаты (по официальным данным, таких «родственников» насчиталось до 800 тысяч).

А завершилась подлая акция Хрущева — Горбачева разгоном Совета Экономической Взаимопомощи, роспуском военного союза стран Варшавского Договора, ликвидацией восточноевропейского социалистического лагеря. Причем считалось: Запад в ответ распустит НАТО, но — «фиг вам»: НАТО делает «дранг нах Остен», нагло поглощая страны бывшего восточноевропейского социалистического лагеря.

Однако вернемся к кухне создания «особой папки». А. Шелепин начал с того, что, сорвав пломбу, проник в опечатанное помещение, где хранились учетные дела на 21 тыс. 857 пленных и интернированных лиц польской национальности с сентября 1939 года. В письме Хрущеву от 3 марта 1959 года, обосновывая бесполезность этого архивного материала тем, что «все учетные дела не представляют ни оперативного интереса, ни исторической ценности», новоиспеченный «чекист» приходит к выводу: «Исходя из изложенного, представляется целесообразным уничтожить все учетные дела на лиц (внимание!!!), расстрелянных в 1940 году по названной операции». Так возникли «списки расстрелянных польских офицеров» в Катыни. Впоследствии сын Лаврентия Берия резонно заметит: «Во время официального визита Ярузельского в Москву Горбачев передал ему лишь копии найденных в советских архивах списков бывшего Главного управления по делам военнопленных и интернированных НКВД СССР. В копиях значатся фамилии польских граждан, находившихся в 1939—1940 годах в Козельском, Осташковском и Старобельском лагерях НКВД. Ни в одном из этих документов речь об участии НКВД в расстреле военнопленных не идет».

Второй «документ» из хрущевско-шелепинской «особой папки» сфабриковать было совсем не трудно, так как существовал подробный цифровой доклад Народного комиссара Внутренних дел Союза ССР Л. Берия И. В. Сталину «О польских военнопленных». Шелепину оставалось одно — придумать и допечатать «постановляющую часть», где Берия якобы требует расстрела для всех военнопленных из лагерей и заключенных, содержащихся в тюрьмах западных областей Украины и Белоруссии «без вызова арестованных и без предъявления обвинения», — благо пишущие машинки в бывшем НКВД СССР еще не были списаны. Однако подпись Берия Шелепин подделать не рискнул, так и оставив этот «документ» дешевой анонимкой. Зато его «постановляющая часть», слово в слово скопированная, ляжет в следующий «документ», который «грамотей» Шелепин назовет в своем письме к Хрущеву «Постановлением ЦК КПСС (?) от 5 марта 1940 года», и сей lapsus calami, эта описка в «письме» до сих пор торчит, как шило из мешка (и, действительно, как можно исправлять «архивные документы», даже если они придуманы спустя два десятилетия после события? — *Л. Б.*).

Правда, сам сей главный «документ» о причастности партии обозначен как «выписка из протокола заседания Политбюро ЦК. Решение от 5.03.40.» (ЦК какой партии? Во всех без исключения партийных документах всегда указывалась вся аббревиатура полностью — ЦК ВКП(б). — *Л. Б.*). Удивительнее всего, что и этот «документ» остался без подписи. И на этой анонимке вместо подписи всего два слова — «секретарь ЦК». И все!

Так расплатился Хрущев с польским руководством за голову своего злейшего личного врага Степана Бандеры, попортившего ему много крови в бытность Никиты Сергеевича первым руководителем Украины.

Не понял Хрущев другого: что цена, которую ему пришлось заплатить Польше за этот, в общем-то неактуальный к тому времени теракт была неизмеримо выше — фактиче-

ски она была равна пересмотру решений Тегеранской, Ялтинской и Потсдамской конференций о послевоенном устройстве государственности Польши и других восточноевропейских стран.

Тем не менее, покрытая архивной пылью фальшивая «особая папка», сфабрикованная Хрущевым и Шелепиным, дождалась своего часа спустя три десятилетия. На нее клюнул, как мы уже убедились, враг советского народа Горбачев. На нее клюнул и ярый враг советского народа — Ельцин. Последний попытался использовать катынские фальшивки на заседаниях Конституционного суда РСФСР, посвященных инициированному им «делу КПСС». Представляли эти фальшивки небезызвестные «деятели» ельцинской эпохи — Шахрай и Макаров. Однако даже покладистый Конституционный суд не смог признать эти фальшивки за подлинные документы и нигде в своих решениях о них не упомянул. Грязно сработали Хрущев с Шелепиным!

Парадоксальную позицию по Катынскому «делу» занял Серго Берия. Его книга «Мой отец — Лаврентий Берия» подписана к печати 18. 04. 94 г., а «документы» из «особой папки» были, как мы уже знаем, обнародованы в январе 1993 года. Маловероятно, что сыну Берия об этом не было известно, хотя он и делает подобный вид. Но его «шило из мешка» — это почти точное воспроизведение рисунка цифры хрущевского количества расстрелянных в Катыни военнопленных — 21 тыс. 857 (Хрущев) и 20 тыс. 857 (С. Берия).

В своей попытке обелить отца он признает «факт» Катынского расстрела советской стороной, но при этом обвиняет «систему» и договаривается до того, что его отцу якобы приказали в недельный срок передать пленных польских офицеров Красной Армии, а саму экзекуцию будто бы поручено было провести руководству Наркомата обороны, то есть Климу Ворошилову, и добавляет, что «это та правда, которую тщательно скрывают и по сей день... Факт остается фактом: отец отказался участвовать в преступлении,

хотя и знал, что спасти эти 20 тыс. 857 жизней уже не в силах... Знаю совершенно точно, что отец мотивировал свое принципиальное несогласие с расстрелом польских офицеров и в письменной форме. Где эти документы?»

Правильно заявлял покойный Серго Лаврентьевич — этих документов нет. Потому что никогда и не было. Вместо того, чтобы доказать несостоятельность признания причастности советской стороны к гитлеровско-геббельсовской провокации по «Катынскому делу» и разоблачить хрущевскую дешевку, Серго Берия усмотрел в этом корыстный шанс отомстить партии, которая, по его словам, «всегда умела приложить руку к грязным вещам и при удобном случае переложить ответственность на кого угодно, только не на высшее партийное руководство». То есть, в большую ложь о Катыни, как мы видим, внес свою лепту и Серго Берия.

При внимательном чтении «Доклада руководителя НКВД Лаврентия Берия» обращает на себя внимание следующая несуразность: в «Докладе» даются цифровые выкладки о находящихся в лагерях для военнопленных 14 тыс. 700 человек из числа бывших польских офицеров, чиновников, помещиков, полицейских, разведчиков, жандармов, осадников и тюремщиков (отсюда — цифра Горбачева — «около 15 тысяч расстрелянных польских офицеров». — *Л. Б.*), а также об арестованных и находящихся в тюрьмах западных областей Украины и Белоруссии в количестве 11 тысяч человек — членов различных контрреволюционных и диверсионных организаций, бывших помещиков, фабрикантов и перебежчиков».

Всего, стало быть, 25 тысяч 700. Эта же цифра фигурирует и в упомянутой выше якобы «Выписке из заседания Политбюро ЦК», так как была переписана в фальшивый документ без должного критического осмысления. Но в этой связи трудно понять утверждение Шелепина о том, что в «тайной опечатанной комнате» хранилось 21 тыс. 857

учетных дел и что расстреляны были все 21 тыс. 857 польских офицеров.

Во-первых, как мы видели, не все они были офицерами. По подсчетам Лаврентия Берия, вообще было только чуть свыше 4 тысяч собственно армейских офицеров (генералов, полковников и подполковников — 295, майоров и капитанов — 2080, поручиков, подпоручиков и хорунжих — 604). Это в лагерях для военнопленных, а в тюрьмах бывших польских военнопленных было 1207. Всего, следовательно — 4 тыс. 186 человек. В «Большом энциклопедическом словаре» издания 1998 года так и записано: «Весной 1940 года органы НКВД уничтожили в Катыни свыше 4 тысяч польских офицеров». И тут же: «Расстрелы на территории Катыни проводились в период оккупации Смоленской области немецко-фашистскими войсками».

Так кем же, в конце концов, проводились эти злополучные расстрелы — гитлеровцами, НКВД, или, как утверждает сын Лаврентия Берия, частями регулярной Красной Армии?

Во-вторых, явное несоответствие между количеством «расстрелянных» — 21 тыс. 857 и количеством людей, которых «велено» было расстрелять — 25 тыс. 700. Позволительно спросить, как могло получиться, что 3843 польских офицера оказались неучтенными, какое ведомство их кормило при жизни, на какие средства они жили? И кто их посмел пощадить, если «кровожадный» «секретарь ЦК» велел расстрелять всех «офицеров» до единого?

И последнее. В сфабрикованных в 1959 году материалах по «Катынскому делу» утверждается, что судилищем для несчастных являлась «тройка». Хрущев «забыл», что в соответствии с Постановлением ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 года «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия» судебные «тройки» были ликвидированы. Это произошло за полтора года до инкриминируемого органам Советской власти Катынского расстрела.

Правда о Катыни

После позорно провалившегося похода на Варшаву, предпринятого одержимым троцкистской идеей мирового революционного пожара Тухачевским, к буржуазной Польше от Советской России отошли по Рижскому мирному договору 1921 года западные земли Украины и Белоруссии, а это скоро привело к насильственному ополячиванию населения столь нежданно-негаданно на халяву приобретенных территорий: к закрытию украинских и белорусских школ; к превращению православных церквей в католические костелы; к экспроприации у крестьян плодородных земель и к передаче их польским помещикам; к беззаконию и произволу; к гонениям на национальной и религиозной почве; к жестокому подавлению любых проявлений народного недовольства.

Поэтому нахлебавшиеся буржуазного великопольского беспредела, истосковавшиеся по большевистской социальной справедливости и подлинной свободе западные украинцы и белорусы, как своих освободителей и избавителей, как родных, встречали Красную Армию, когда та пришла в их края 17 сентября 1939 года, и все ее действия по освобождению Западной Украины и Западной Белоруссии продолжались 12 дней.

Польские воинские части и соединения войск, почти не оказывая сопротивления, сдавались в плен. Польское правительство Козловского, удравшее в Румынию накануне взятия Гитлером Варшавы, фактически предало свой народ, а новое эмигрантское правительство Польши во главе с генералом В. Сикорским было сформировано в Лондоне 30 сентября 1939 года, т. е. спустя две недели после национальной катастрофы.

К моменту вероломного нападения фашистской Германии на СССР в советских тюрьмах, лагерях и местах ссылки содержалось 389 тыс. 382 поляка. Из Лондона очень

внимательно следили за судьбой польских военнопленных, которые использовались, в основном, на дорожно-строительных работах, так что если бы они были расстреляны органами Советской власти весной 1940 года, как об этом протрубила на весь мир лживая геббельсовская пропаганда, это стало бы своевременно известно через дипломатические каналы и вызвало бы большой международный резонанс.

К тому же Сикорский, добиваясь сближения с И. В. Сталиным, стремился выставить себя в наилучшем свете, играл роль друга Советского Союза, что опять же исключает вероятность «кровавой расправы», «учиненной» большевиками над польскими военнопленными весной 1940 года. Ничто не указывает на наличие исторической ситуации, которая могла бы явиться стимулом для проведения подобной акции советской стороной.

В то же время у немцев такой стимул в августе — сентябре 1941 года возник после того, как советский посол в Лондоне Иван Майский заключил с поляками 30 июля 1941 года договор о дружбе между двумя правительствами, в соответствии с которым генерал Сикорский должен был сформировать из военнопленных соотечественников в России армию под командованием военнопленного польского генерала Андерса для участия в боевых действиях против Германии. Вот это-то и было для Гитлера стимулом к ликвидации военнопленных поляков, как врагов германской нации, которые, как он знал, были уже амнистированы Указом Президиума Верховного Совета СССР от 12 августа 1941 года — 389 тыс. 41 поляк, в том числе и будущие жертвы немецко-фашистских злодеяний, расстрелянные в Катынском лесу.

Процесс формирования Национальной польской армии под командованием генерала Андерса шел полным ходом в Советском Союзе, и в количественном отношении она за полгода достигла 76 10 человек.

Однако, как выяснилось впоследствии, Андерс получил инструкцию от Сикорского: «России ни в коем случае не помогать, а использовать ситуацию с максимальной выгодой для польской нации». Одновременно Сикорский убеждает Черчилля в целесообразности переброски армии Андерса на Ближний Восток, о чем английский премьер пишет И. В. Сталину, и вождь дает свое добро, причем не только на эвакуацию в Иран самой армии Андерса, но также и членов семей военнослужащих в количестве 43 тыс.755 человек. И Сталину, и Гитлеру было ясно, что Сикорский ведет двойную игру. По мере того, как возрастала напряженность в отношениях между Сталиным и Сикорским, происходило потепление между Гитлером и Сикорским. Советско-польская «дружба» завершилась откровенным антисоветским заявлением главы польского эмигрантского правительства от 25 февраля 1943 года, где говорилось, что оно не желает признать исторические права украинского и белорусского народов на объединение в своих национальных государствах». Иными словами, налицо был факт наглых притязаний польского эмигрантского правительства на советские земли — Западную Украину и Западную Белоруссию. В ответ на это заявление И. В. Сталин сформировал из поляков, лояльных Советскому Союзу, дивизию имени Тадеуша Костюшко численностью 15 тысяч человек. В октябре 1943 года она уже сражалась плечом к плечу с Красной Армией.

Для Гитлера это заявление явилось сигналом к взятию реванша за проигранный им коммунистам Лейпцигский процесс по делу о поджоге рейхстага, и он активизирует деятельность полиции и гестапо Смоленщины по организации катынской провокации.

Уже 15 апреля Германское информбюро передало по берлинскому радио, что немецкие оккупационные власти обнаружили в Катыни близ Смоленска могилы 11 тысяч польских офицеров, расстрелянных еврейскими комиссарами. На следующий день Советское информбюро разоблачило кровавую махинацию гитлеровских палачей, а 19 апре-

ля газета «Правда» в передовой статье писала: «Гитлеровцы изобретают каких-то еврейских комиссаров, якобы участвовавших в убийстве 11 тысяч польских офицеров. Опытным мастерам провокации нетрудно придумать несколько фамилий никогда не существовавших людей. Таких «комиссаров», как Лев Рыбак, Авраам Борисович, Павел Броднинский, Хаим Финберг, названных германским информационным бюро, немецко-фашистские жулики просто выдумали, так как подобных «комиссаров» ни в Смоленском отделении ГПУ, ни вообще в органах НКВД не было и нет».

28 апреля 1943 года в «Правде» была опубликована «нота Советского правительства о решении прервать отношения с Польским правительством», в которой, в частности, говорилось, что «эта враждебная кампания против Советского государства предпринята Польским правительством для того, чтобы путем использования гитлеровской клеветнической фальшивки произвести нажим на Советское правительство с целью вырвать у него территориальные уступки за счет интересов Советской Украины, Советской Белоруссии и Советской Литвы».

Сразу же после изгнания немецко-фашистских захватчиков из Смоленска (25 сентября 1943 года) И. В. Сталин посылает на место преступления специальную комиссию по установлению и расследованию обстоятельств расстрела немецко-фашистскими захватчиками в Катынском лесу военнопленных польских офицеров. В состав комиссии входили: член Чрезвычайной Государственной комиссии (ЧГК занималась расследованием злодеяний гитлеровцев на оккупированных территориях СССР и скрупулезно подсчитывала ущерб, причиненный ими. — *Л. Б.*), академик Н. Н. Бурденко (председатель Спецкомиссии по Катыни), члены ЧГК: академик Алексей Толстой и митрополит Николай, председатель Всеславянского комитета, генерал-лейтенант А. С. Гундоров, председатель исполкома Союза обществ Красного Креста и Красного Полумесяца С. А. Колесников, нарком просвещения СССР, академик В. П. Потемкин, началь-

ник Главного военно-санитарного управления РККА генерал-полковник Е. И. Смирнов, председатель Смоленского облисполкома Р. Е. Мельников. Для выполнения поставленной перед нею задачи комиссия привлекла лучших судебно-медицинских экспертов страны: главного судмедэксперта Наркомздрава СССР, директора НИИ судебной медицины В. И. Прозоровского, зав. кафедрой судебной медицины 2-го Московского мединститута В. М. Смольянинова, старших научных сотрудников НИИ судебной медицины П. С. Семеновского и М. Д. Швайкову, главного патолога фронта, майора медицинской службы, профессора Д. Н. Выропаева.

Денно и нощно, не покладая рук, в течение четырех месяцев авторитетная комиссия добросовестно исследовала детали «Катынского дела». 26 января 1944 года во всех центральных газетах было опубликовано убедительнейшее сообщение специальной комиссии, которое камня на камне не оставило от гитлеровского мифа о Катыни и раскрыло перед всем миром подлинную картину злодеяний немецко-фашистских захватчиков в отношении польских военнопленных офицеров.

Однако в самый разгар «холодной войны» Конгресс США вновь предпринимает попытку реанимировать «Катынский вопрос», даже создает т. н. «Комиссию по расследованию «Катынского дела»» во главе с конгрессменом Мэдденом.

3-го марта 1952 года «Правда» опубликовала ноту Госдепартаменту США от 29 февраля 1952 г., где, в частности, говорилось: «...возбуждение вопроса о Катынском преступлении через восемь лет после заключения официальной комиссии может преследовать лишь цель оклеветать Советский Союз и реабилитировать таким образом общепризнанных гитлеровских преступников». (Характерно, что специальная «катынская» комиссия Конгресса США была создана одновременно с утверждением ассигнования 100

миллионов долларов на диверсионно-шпионскую деятельность в ПНР. — *Л. Б.*).

К ноте был приложен вновь опубликованный в «Правде» от 3 марта 1952 года полный текст сообщения комиссии Бурденко, собравшей обширный материал, полученный в результате подробного исследования извлеченных из могил трупов и тех документов и вещественных доказательств, которые были обнаружены на трупах и в могилах. Одновременно спецкомиссия Бурденко произвела опрос многочисленных свидетелей из местного населения, показаниями которых точно устанавливаются время и обстоятельства преступлений, совершенных немецкими оккупантами.

Прежде всего в сообщении дается справка о том, что представляет собой Катынский лес.

«Издавна Катынский лес был излюбленным местом, где население Смоленска обычно проводило праздничный отдых. Окрестное население пасло скот в Катынском лесу и заготовляло для себя топливо. Никаких запретов и ограничений доступа в Катынский лес не существовало.

Еще летом 1941 года в этом лесу находился пионерлагерь Промстрахкассы, который был свернут лишь в июле 1941 года с захватом Смоленска немецкими оккупантами, лес стал охраняться усиленными патрулями, во многих местах появились надписи, предупреждавшие, что лица, входящие в лес без особого пропуска, подлежат расстрелу на месте.

Особенно строго охранялась та часть Катынского леса, которая именовалась «Козьи горы», а также территория на берегу Днепра, где на расстоянии 700 метров от обнаруженных могил польских военнопленных находилась дача — дом отдыха Смоленского управления НКВД. По приходе немцев на этой даче расположилось немецкое военное учреждение, скрывавшееся под условным наименованием «Штаб 537-го строительного батальона (которое фигурировало и в документах Нюрнбергского процесса. — *Л. Б.*)».

Из показаний крестьянина Киселева, 1870 года рождения: «Офицер заявил, что по имеющимся в гестапо сведениям, сотрудники НКВД в 1940 году на участке «Козьих гор» расстреляли польских офицеров, и спросили меня, какие я могу дать по этому поводу показания. Я ответил, что вообще никогда не слыхал, чтобы НКВД производило расстрелы в «Козьих горах», да и вряд ли это вообще возможно, объяснил я офицеру, так как «Козьи горы» совершенно открытое многолюдное место и, если бы там расстреливали, то об этом бы знало все население близлежащих деревень...».

Киселев и другие рассказали, как из них буквально выбивали резиновыми дубинками и угрозами расстрела ложные показания, потом фигурировавшие в великолепно изданной германским МИДом книге, в которой были помещены сфабрикованные немцами материалы по «Катынскому делу». Кроме Киселева, в этой книге были названы в качестве свидетелей Годезов (он же Годунов), Сильверстов, Андреев, Жигулев, Кривозерцев, Захаров.

Комиссией Бурденко было установлено, что Годезов и Сильверстов умерли в 1943 г., до освобождения Смоленской области Красной Армией. Андреев, Жигулев и Кривозерцев ушли с немцами. Последний из названных немцами «свидетелей» — Захаров, работавший при немцах старостой в деревне Новые Батеки, рассказал комиссии Бурденко, что его сначала избили до потери сознания, а потом, когда он пришел в себя, офицер потребовал подписать протокол допроса и он, смалодушничав, под воздействием побоев и угроз расстрела дал ложные показания и подписал протокол.

Гитлеровское командование понимало, что для такой крупномасштабной провокации «свидетелей» явно маловато. И оно распространило среди жителей Смоленска и окрестных деревень «Обращение к населению», которое было помещено в издававшейся немцами в Смоленске газете «Новый путь» (№ 35 (157) от 6 мая 1943 г.: «Вы може-

те дать данные про массовое убийство, совершенное большевиками в 1940 г. над пленными польскими офицерами и священниками (? — это что-то новое. — *Л. Б.*) в лесу «Козьи горы», около шоссе Гнездово — Катынь. Кто наблюдал автотранспорт от Гнездово в «Козьи горы» или кто видел, или слышал расстрелы? Кто знает жителей, которые могут рассказать об этом? Каждое сообщение будет вознаграждено».

К чести советских граждан, на награду за дачу нужных немцам ложных показаний по Катынскому делу не клюнул никто.

Из обнаруженных судмедэкспертами документов, относящихся ко второй половине 1940 и весне — лету 1941 г., заслуживают особое внимание следующие:

1. На трупе № 92.

Письмо из Варшавы, адресованное Красному Кресту в ЦБ военнопленных, — Москва, ул. Куйбышева, 12. Письмо написано на русском языке. В этом письме Софья Зигонь просит сообщить местопребывание ее мужа, Томаша Зигоня. Письмо датировано 12.09.1940 г. На конверте штамп — «Варшава. 09.1940» и штамп — «Москва, почтамт, 9 экспедиция, 8.10.1940 г.», а также резолюция красными чернилами «Уч. установить лагерь и направить для вручения — 15.11.40 г». (Подпись неразборчива).

2. На трупе № 4

Почтовая открытка, заказная № 0112 из Тарнополя с почтовым штемпелем «Тарнополь 12.11.40 г.» Рукописный текст и адрес обесцвечены.

3. На трупе № 101.

Квитанция № 10293 от 19. 12.39 г., выданная Козельским лагерем о приеме от Левандовского Эдуарда Адамовича золотых часов. На обороте квитанции имеется запись от 14 марта 1941 г. о продаже этих часов «Ювелирторгу».

4. На трупе № 53.

Неотправленная почтовая открытка на польском языке с адресом: Варшава, Багателя, 15, кв. 47, Ирине Кучинской. Датирована 20 июня 1941 года.

Надо сказать, что, готовясь к своей провокации, немецкие оккупационные власти для работ по разрытию могил в Катынском лесу, извлечению оттуда изобличающих их документов и вещественных доказательств, использовали до 500 русских военнопленных, которые после выполнения этой работы были немцами расстреляны.

Из сообщения «Специальной Комиссии по установлению и расследованию обстоятельств расстрела немецко-фашистскими захватчиками в Катынском лесу военнопленных польских офицеров»: «Выводы из свидетельских показаний и судебно-медицинской экспертизы о расстреле немцами военнопленных поляков осенью 1941 года, полностью подтверждаются вещественными доказательствами и документами, извлеченными из «Катынских могил».

Это и есть правда о Катыни. Неопровержимая правда факта.

Часть 7

О ПОВЕДЕНИИ СТАЛИНА В ПЕРВЫЕ ДНИ ВОЙНЫ

«Если бы да кабы...»

В своем неукротимом стремлении оболгать великую личность И. В. Сталина, вытеснить ее из исторического пространства и заполнить это пространство собственной персоной, Никита Хрущев, по сути дела, был самым первым в СССР, кто замахнулся на правду о Великой Отечественной войне, положив начало школе фальсификаций и мифотворчества об этой войне. И хотя к настоящему моменту документально установлена историческая истина по каждому пункту «обвинений» И. В. Сталина Хрущевым, открыты новейшие архивные документы, которые разваливают, как карточный домик, пресловутый хрущевский доклад на XX съезде, однако массовое сознание, пережившее еще и вторую целенаправленную атаку антисталинистов горбачевской эпохи, уже настолько отравлено, что оздоровить его может лишь время.

Вот образчики хрущевского очернительства, разбросанные тут и сям по страницам его «мемуаров»:

«И сейчас еще (цитата относится к 1966 году, т. е. спустя 10 лет после XX съезда и 5 — после выноса тела И. В. Сталина из Мавзолея. — *Л. Б.*) остались люди, которые буквально дрожат перед загаженными кальсонами Сталина, по-прежнему становятся перед ним во фронт».

О Маршале Советского Союза И. С. Коневе: «Не могу примириться с тем, как это мог культурный человек согласиться с бредом, который был выдуман Сталиным».

«Открыл «движение сталинистов» с середины 60-х годов маршал Захаров. По его пути идет маршал Конев, а за ними плетется в хвосте Гречко на своих длинных ходулях. Это позор!»...

Или вот такие перлы:

«Если бы Сталина не было, то война развивалась бы для нас удачнее» (под разными соусами это словесное блюдо — излюбленное «на кухне» Хрущева. — *Л. Б.*).

О якобы неподготовленности СССР к войне: «Я объясняю это провалом воли Сталина, его деморализацией. Он был деморализован победами, которые Гитлер одержал на Западе, и нашей неудачей в войне с финнами. Он уже стоял перед Гитлером, как кролик перед удавом, был парализован в своих действиях».

«Сталин перед войной стал как бы мрачнее. На его лице было больше задумчивости, он больше сам стал пить и спаивать других. Буквально спаивать!».

«Если бы Сталин умер к началу второй мировой войны, то есть к 1939 году, то и Великая Отечественная война могла пойти по другому руслу».

«Если бы послушались совета Ленина и отстранили Сталина от власти, то война за спасение СССР стоила бы нам во много раз меньше, чем стоила при «отце родном, величайшем и гениальном вожде».

«Мемуары» Хрущева буквально напичканы предложениями в сослагательном наклонении и по количеству «если бы, да кабы» могли бы войти в книгу рекордов Гиннесса!

В течение 34 лет, прошедших после XX съезда, миллионными тиражами книг, многочисленными статьями в газетах и журналах, по радио и телевидению, как истина в последней инстанции, внедрялась в массовое сознание и безраздельно господствовала в истории антиисторическая версия Хрущева, который все беды начала войны связывал с «бездействием» и «параличом воли» вождя, а все победы в Великой Отечественной войне либо позорно замалчивал, либо кощунственно утверждал, что «они были со-

вершены советским народом не благодаря, а вопреки воле Сталина».

Наконец, в 6-м номере журнала «Известия ЦК КПСС» за 1990 год появилась публикация под заголовком «Из тетради записи лиц, принятых И. В. Сталиным 21—28 июня 1941 года», которая начисто опровергла клеветнические измышления Хрущева о «прострации», «растерянности» и «бездействии» И. В. Сталина в первые дни войны. Привожу запись от 22 июня 1941 года (всего побывало в этом кремлевском кабинете 15 ответственных работников, но в тетради было в этот день 29 записей, так как некоторые были приняты Сталиным по нескольку раз):

1. Т. Молотов вход в 5.45 — выход 12.05.
2. Т. Берия вход 5.45 — выход 9.20.
3. Т. Тимошенко вход 5.45 — выход 8.30.
4. Т. Мехлис вход в 5.45 — выход 8.30.
5. Т. Жуков вход в 5.45 — выход 8.30.
6. Т. Маленков вход 7.30 — выход 9.20.
7. Т. Микоян вход 7.55 — выход 9.30.
8. Т. Каганович Л. вход в 8.00 — выход 9.35.
9. Т. Ворошилов вход 8.00 — выход 10.15.
10. Т. Вышинский вход 7.30 — выход 10.40.
11. Т. Кузнецов вход в 8.15 — выход 8.30.
12. Т. Димитров вход 8.40 — выход 10.40.

(Глава Коминтерна Георгий Димитров сделал в своем дневнике 22 июня 1941 года такую запись: «На встрече в кабинете И. В. Сталина находились Молотов, Ворошилов, Каганович и Маленков. Удивительное спокойствие, твердость и уверенность у Сталина и у всех остальных». — *Л. Б.*)

13. Т. Мануильский вход 8.40 — выход 10.40.
14. Т. Кузнецов вход 9.40 — выход 10.20.
15. Т. Микоян вход 9.50 — выход 10.30.
16. Т. Молотов вход в 12.25 — выход 16.45.
17. Т. Ворошилов вход в [11]. 40 — выход 12.05.
18. Т. Берия вход в 11.30 — выход 12.00.
19. Т. Маленков вход 11.30 — выход 12.00.

20. Т. Ворошилов вход 12.30 — выход 16.45.
21. Т. Микоян вход в 12.30 — выход 14.30.
22. Т. Вышинский вход в 13.05 — выход 15.25.
23. Т. Шапошников вход в 13.15 — выход 16.00.
24. Т. Тимошенко вход в 14.00 — выход 16.00.
25. Т. Жуков вход 14.00 — выход 16.00.
26. Т. Ватутин вход 14.00 — выход 16.00.
27. Т. Кузнецов вход 15. 20 — выход 15.45.
28. Т. Кулик вход 15. 30 — выход 16.00.
29. Т. Берия вход в 16.25 — выход 16.45.

Последние вышли в 16.45».

Вот так: сидел за столом технический секретарь и, глядя на часы, отмечал в журнальчике поминутно, кто и когда в кабинет И. В. Сталина зашел, кто и когда вышел. И спасибо ему, потому что это очень помогает в разоблачении Большой Лжи, которая с легкой руки Хрущева громоздилась вокруг имени и дел Иосифа Виссарионовича Сталина. (Так было заведено, и в 1994—1997 годах в журнале «Исторические архивы» опубликованы «Тетради посетителей кремлевского кабинета И. В. Сталина» за все годы его правления, которые помогут будущим исследователям-сталиноведам сокрушать «бастионы лжи», которые, говоря словами И. В. Сталина, охраняют Правду. — *Л. Б.*).

Итог работы первого дня войны — «Директива Народного Комиссара Обороны СССР Военным советам Ленинградского, Прибалтийского, Киевского и Одесского военных округов об отражении нападения со стороны Германии на СССР». Отправлена в 7 часов 15 минут. Подписана Наркомом Обороны Тимошенко, Членом Главного Военного Совета Маленковым и Начальником Генштаба Красной Армии Жуковым.

Заместитель Председателя Совета Народных Комиссаров и Народный Комиссар Иностранных Дел В. М. Молотов, покинувший кабинет в 12.05 и вернувшийся в 12.55, выступил по радио с подготовленным в кабинете Стали-

на «Обращением к советскому народу», в котором оповестил «граждан и гражданок Советского Союза, что Советское Правительство и его глава тов. Сталин поручили ему сделать заявление о том, что сегодня, в 4 часа утра, без предъявления каких-либо претензий к Советскому Союзу, без объявления войны, германские войска напали на нашу страну...». Молотов закончил свое выступление словами И. В. Сталина, которые стали девизом Великой Отечественной войны: «Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами». В этот же день 22 июня было подготовлено «Положение о военных трибуналах в местностях, объявленных на военном положении, и в районах военных действий» и издан Указ Президиума Верховного Совета Союза ССР об утверждении данного положения.

Итак, 22 июня, в первый день войны И. В. Сталин непрерывно работал в течение 11 часов подряд, после чего уехал отдохнуть, а в 3 часа ночи 23 июня он снова приступил к работе в своем Кремлевском кабинете, где провел трехчасовое ночное совещание с членами Политбюро — Молотовым, Ворошиловым, Берия, Кагановичем и с военными — Тимошенко, Ватутиным, Кузнецовым и Жигаревым. Итог этого совещания — подготовка и подписание И. В. Сталиным постановления Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) о создании Ставки Главного Командования Вооруженных Сил СССР в составе Наркома Обороны маршала Тимошенко (председатель), Начальника Генштаба Жукова, Сталина, Молотова, маршала Ворошилова, маршала Буденного и Наркома Военно-Морского Флота адмирала Кузнецова. Но этот орган в таком составе просуществует недолго. Уже 30 июня И. В. Сталин возьмет дело обороны страны в свои руки, подписав Постановление Президиума Верховного Совета Союза ССР, ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР об образовании Государственного Комитета Обороны.

Вечером того же дня, т. е. 23 июня Сталин снова приехал в Кремль и с 18.45 до половины второго ночи 24 июня

вел прием военных, наркомов и членов Политбюро. В тот же день с 16.20 до 21.30 он принял 20 человек. С часа ночи 25 июня почти до 6 часов утра он провел на работе в своем кабинете. Затем до 19 часов отдыхал, а в 19.40 технический секретарь впустил в кабинет И. В. Сталина Молотова и Ворошилова. Два последних посетителя — Вознесенский и Вышинский — вышли из кабинета в час ночи. 26 июня И. В. Сталин с Л. М. Кагановичем вошли в кабинет в 12.10. Через полчаса к ним присоединились Маленков, Буденный, Жигарев и Ворошилов. Всего в этот день было принято И. В. Сталиным 28 человек. Последние вышли в 23.20. Наиболее напряженный день И. В. Сталин провел в пятницу, 27 июня — работая без перерыва в течение 10 часов, он проводил совещания и обсуждения с 30 ответственными работниками. Закончился день около трех часов ночи. Вождь уехал на Ближнюю дачу только на рассвете.

28 июня И. В. Сталин вошел в кабинет вместе с Молотовым, Маленковым и Буденным в 19.35. Через 10 минут к ним присоединился министр госбезопасности Меркулов. В этот день вождь принял 21 человека. И в 00.50 минут из кабинета вместе со Сталиным вышли Молотов, Берия и Микоян.

29 и 30 июня И. В. Сталин в Кремле не принимал. В этот день им был подготовлен документ особой важности — «Директива Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) партийным и советским организациям прифронтовых областей о мобилизации всех сил и средств на разгром фашистских захватчиков» — сыгравший огромную роль в организации отпора фашистам. Многие положения этого документа лягут в основу исторической речи И. В. Сталина 3 июля 1941 года.

Следует сказать, что рабочие приемы в кремлевском кабинете И. В. Сталина продолжались все 1418 суток Великой Отечественной войны...

А вот как описывает И. В. Сталина в начальный период войны писатель Анатолий Марченко в своей книге «Сталин» (М., Армада, 1997. С. 419—420):

«Сталин и в мирные дни не признавал какого-либо бездействия, сейчас и вовсе забыл об отдыхе. Каждые прожитые им сутки были наполнены непрерывным действием, непрерывной работой мозга, непрерывным принятием решений, касающихся положения на фронтах, положения в тылу, положения во внешних сношениях. Нужно было в кратчайшие сроки остановить врага; в кратчайшие сроки наладить производство танков, самолетов, вооружений на заводах, эвакуированных из европейской части страны на Урал и в Сибирь; в кратчайший срок убедить, а то и принудить союзников открыть второй фронт в Европе; в кратчайший срок выковать новые кадры — в армии, в промышленности, в партии...

Двери его кабинета теперь практически не закрывались. Покидали кабинет командующие фронтами — приходили авиаконструкторы; уходили наркомы — появлялись конструкторы танков; уходили ученые — возникали зарубежные деятели и дипломаты.

То и дело шли заседания, встречи, совещания — то в узком, то в расширенном кругу, рождались директивы, приказы и распоряжения, подлежащие немедленному исполнению, за нарушение которых следовала самая жестокая кара...».

Даже Волкогонов вынужден был признать, что «в первый период войны Сталин работал по 16—18 часов в сутки... Ежедневно ему докладывали десятки документов военного, политического, идеологического и хозяйственного характера, которые после его подписи становились приказами, директивами, постановлениями, решениями. Документы, на которых стоит подпись Сталина, приводили в движение огромные массы людей» (*Д. Волкогонов.* Сталин. Политический портрет. Книга 2. М. 1997. С. 180—181).

Таков исторический И. В. Сталин, а не его карикатура, какую создали за полстолетия его недоброжелатели!

«Визит свиты»

Для правильной оценки доклада «О культе личности и его последствиях» важно помнить, что раздел о войне построен, в основном, на сплетнях, «с чужих слов», так как Хрущев не жил в Москве в то время, а потому не мог знать, как вел себя И. В. Сталин в первые дни войны.

Н. Хрущева начало войны застало в Киеве. Затем с Красной Армией он прошел путь до Сталинграда, а потом обратно до Киева, где и остался до празднования 70-летнего юбилея И. В. Сталина в декабре 1949 года, когда вождь, на свою беду, решив оставить его возле себя, сказал ему: «Ты превращаешься в обычного украинского агронома. Пора возвратиться на работу в Москву», — т. е. война для Хрущева окончилась не 9 мая 1945 года, а гораздо раньше, а именно, 6 ноября 1943 года, т. е в день освобождения Киева! (Неблагодарный Хрущев, говоря о факте отзыва его в Москву, в очередной раз скажет гадость о вожде в своих «надиктовках»: «Мотивировка отозвания меня с Украины в Москву в 1949 году, на мой взгляд, результат какого-то умственного расстройства у Сталина». — *Л. Б.*).

Основным источником информации для Хрущева выступает обычно, по его словам, уже «замоченный» им Берия, который ничего ни подтвердить, ни опровергнуть не мог. «Я часто вспоминаю рассказ Берии о поведении Сталина 22 июня 1941 года, когда ему доложили о начале войны». (Настолько часто, что в своей книге «воспоминаний» Хрущев почти дословно приводит его дважды (!): один раз — в главе «Тяжелое лето 1941 года», другой раз — в главе «Мои размышления о Сталине».

Итак, важнейшее событие для Никиты Сергеевича о войне, которое он «часто вспоминает», ну очень часто, гораздо чаще, чем следовало бы — не 9 мая 1945 года, не Парад Победы 24 июня 1945 года, не освобождение Киева, а

россказни о том, что делал Сталин в первые дни, недели, месяцы после нашествия Гитлера, как он выглядел, каким было его морально-психологическое состояние (будущим исследователям биографии Хрущева я посоветовал бы провести небольшую психоаналитическую экспертизу его отношения к И. В. Сталину. — *Л. Б.*).

Хрущев на XX съезде вещал: «Было бы неправильным не сказать о том, что после первых тяжелых неудач и поражений на фронтах Сталин считал, что наступил конец. В одной из бесед он заявил: «То, что создал Ленин, мы безвозвратно потеряли». После этого он долгое время фактически не руководил военными операциями и вообще не приступал к делам и вернулся к руководству только тогда, когда к нему пришли некоторые члены Политбюро («визит свиты» 30 июня. — *Л. Б.*) и сказали, что нужно безотлагательно принимать какие-то меры для того, чтобы поправить положение». (Н.С. Хрущев. Из доклада на XX съезде Цит. по: Известия ЦК КПСС. 1989. № 3.)

Дадим возможность вспомнить об этом «эпизоде» еще и хрущевцу Микояну: «Молотов сказал, что Сталин в последние два дня (имеется в виду 29 июня (воскресенье) и 30 июня (понедельник). — *Л. Б.*), в такой прострации, что ничем не интересуется, не проявляет никакой инициативы, находится в плохом состоянии. Тогда Вознесенский, возмущенный всем услышанным, сказал: «Вячеслав, иди вперед, мы за тобой пойдем», — то есть в том смысле, что если Сталин будет себя так вести и дальше, то Молотов должен вести нас, и мы пойдем за ним.

Другие члены Политбюро подобных высказываний не делали и на заявление Вознесенского не обратили внимания. У нас была уверенность в том, что мы сможем организовать оборону и сражаться по-настоящему. Однако это сделать будет не так легко. Никакого упадочнического настроения у нас не было».

Проанализируем этот текст.

Можно допустить, что к четырем названным руководителям присоединился Вознесенский, но слова Микояна в этой части текста признать достоверными невозможно, ибо они размывают временные границы и у читателя создается впечатление, что Вознесенский с 22 июня вообще не общался со Сталиным и поэтому был «возмущен услышанным», то есть о «бездействии» И. В. Сталина с начала нападения Гитлера на СССР.

Откуда же было активному хрущевцу, делегату XX съезда, Микояну знать, что через 12 лет после его смерти появится документ, который с неопровержимостью докажет, как плотно общался Сталин с Вознесенским все эти дни. Скорее всего, что фигура «Вознесенского» сыграла для фантазии Микояна такую же роль, какую сыграла для Хрущева фигура «Берия»: давно умер, и некому, стало быть, опровергать его, микояновскую,« ложь...

Если все же допустить присутствие Вознесенского на сталинской даче в тот день, то придавать политический смысл общежитейской фразе, мол, сначала иди ты, а мы зайдем после тебя, у Микояна не было никаких оснований, тем более, что, по его собственному признанию, другие «вожди», включая и самого Берия, подобных высказываний не делали и на заявление Вознесенского не обратили внимания.

Но вот это чисто субъективное восприятие сверхбдительного Микояна неожиданно дало эффект «мины замедленного действия» — через много лет историки хрущевской школы фальсификаций, во главе с Волкогоновым, сочинили миф о том, что «члены Политбюро были настроены решительно и готовы к выдвижению Молотова к руководству партией и страной в том случае, если Сталин не примет их план».

Так например, в серии книг «Энциклопедия военного искусства» в 1997 году вышла книга «Генералиссимусы», где в статье о И. В. Сталине говорится: «Растерянность Сталина

достигла такой степени, что он даже высказал мысль об отставке. Однако некоторые из современных исследователей утверждают, что подобный его трюк был очередной уловкой. Этим он демонстрировал своим соратникам свои собственные величие и незаменимость. 30 июня к нему приехали члены Политбюро. По одной из существующих версий, он якобы подумал, что его пришли арестовать...».

Так одна ложь породила другую...

Часть 8

ПОЛКОВОДЕЦ ИОСИФ СТАЛИН

«Он был достойным Верховным Главнокомандующим»

Именно Хрущевым было положено начало дискредитации И. В. Сталина как Верховного Главнокомандующего, о ком не нюхавший пороху генерал-полковник Волкогонов посмел отозваться как о «человеке негибкого ума», который «не знал военной науки и теории военного искусства», «не обладал опытом организации стратегической обороны» и «в полном смысле слова не был полководцем», и о ком другой ярый антисоветчик, писатель Астафьев изрек: «Конечно, Сталин — никакой не полководец. Это ничтожнейший человек, сатана, посланный нам за наши грехи». На XX съезде Хрущев злословил: «Сталин был очень далек от понимания той реальной обстановки, которая складывалась на фронтах, не знал природы ведения боевых операций, путался под ногами у военных». А в своих мемуарах Хрущев делает неуклюжую историческую параллель с Отечественной войной 1812 года, дескать, тогда Александр I оставил фронт и уехал в Петербург, назначив командовать Кутузова и, поскольку в ту пору средства связи были слишком ограничены, он был физически лишен возможности вмешиваться непосредственно в дела командования. А вот Сталин, мол, находясь в Москве, постоянно вмешивался во все и подчас его вмешательство стоило многих жизней на фронте.

Видя, какую чушь несет Хрущев и предвидя, какой катастрофой это может обернуться для страны в будущем, к

тому же униженные им, Хрущевым, Сталинские Маршалы Победы засели за мемуары, чтобы силой своего авторитета оградить Верховного Главнокомандующего от клеветнических выпадов и нападок.

Слово — им, организаторам Славной Победы.

Из неопубликованного во времена Хрущева интервью Главного интенданта Красной Армии, начальника тыла, генерала армии А. В. Хрулева.

«Сталин все стягивал на себя. Сам никуда не ходил. Приезжал, допустим, в четыре часа дня к себе в кабинет в Кремль и начинал вызывать. У него был список, кого надо пригласить. Раз он приехал, то сразу все члены ГКО (Государственный Комитет Обороны. — *Л. Б.*) вызывались к нему. Заранее никто не собирался. Он приезжал — и тогда Поскребышев (личный секретарь Сталина. — *Л. Б.*) начинал обзванивать тех, кто был нужен в данный момент...

Все члены ГКО имели в своем ведении определенные участки работы. Так, Молотов ведал танками, Микоян — делами интендантского снабжения, снабжения горючим, вопросами ленд-лиза (т. е. получения взаймы или в аренду вооружения и продовольствия из США. — *Л. Б.*), иногда выполнял отдельные поручения Сталина по доставке снарядов на фронт. Маленков занимался авиацией, Берия — боеприпасами и вооружением. Каждый приходил к Сталину со своими вопросами и говорил: я прошу принять такое-то решение по такому-то вопросу...

А что такое Ставка? Это был Сталин, члены Ставки, начальник или помощник начальника Генерального штаба по оперативным делам и весь наркомат обороны... И в Ставке, и в ГКО никакого бюрократизма не было. Это были исключительно оперативные органы. Руководство концентрировалось в руках Сталина... Жизнь во всем государственном и военном аппарате была напряженная, режим работы был круглосуточный, все находились на своих служебных местах. Никто не приказывал, что должно быть именно так, но так сложилось.

Стоило А. А. Новикову, командующему военно-воздушными силами, отдать приказ, в котором была такая преамбула: работать в те же часы, как Сталин, и Верховный тут же отреагировал: мало ли, что я так работаю. Сталин начинал и кончал работать в разные дни по-разному. Он мог один день прийти в 4 часа дня, а на следующий — в 8 часов вечера, мог кончить работу и в 4, и в 7 часов утра...

Сталин подписывал документы часто не читая — но это до тех пор, пока вы себя не скомпрометировали. Все было построено на доверии. Стоило Сталину только убедиться, что данный человек — мошенник, что он обманул, ловчит, — судьба такого работника тут же решалась... Я давал Сталину тысячи документов на подпись, но, готовя эти документы, за каждой буквой следил...

Если меня не вызывали, но было важное дело, я приезжал, заходил к Сталину в кабинет. И если шло какое-то заседание, то садился в ожидании подходящего момента. Меня ни разу не выгоняли. Да и никого не выгоняли» (Новая и новейшая история. 1995. № 2. С. 65—78).

Понятно, почему такое воспоминание пришлось не по нутру Хрущеву, и в годы его самодержавия так и не было опубликовано...

А вот, что писал в послевоенные годы в статье о сталинском стиле руководства Маршал Советского Союза Р. Я. Малиновский (будущий министр обороны СССР, сменивший на этом посту Г. К. Жукова в 1957 году. — *Л. Б.*): «В нашем присутствии товарищ Сталин решал многие важные вопросы, и каждый раз он спрашивал: «А как вы думаете по этому вопросу?»

Это был исключительно большой урок для нашего личного роста. Ясно, что товарищ Сталин имел по каждому возникшему вопросу свое глубоко продуманное и обоснованное решение, но он все же спрашивал мнение присутствовавших. Этим он учил нас прислушиваться к мнению подчиненных при выработке решения, учил, как военных

начальников, умению руководить людьми, стилю работать, драться и побеждать». (Знамя. 1950. № 9. С. 155).

Представляет большой интерес мнение первого заместителя министра обороны в правительстве Хрущева Маршала Советского Союза А. М. Василевского из его мемуаров «Дело всей жизни»:

«...Хорошие отношения были у меня с Н. С. Хрущевым и в первые послевоенные годы. Но они резко изменились после того, как я не поддержал его высказывания о том, что И. В. Сталин не разбирался в оперативно-стратегических вопросах и неквалифицированно руководил действиями войск как Верховный Главнокомандующий. Я до сих пор не могу понять, как он мог это утверждать. Будучи членом Политбюро ЦК партии и членом Военного совета ряда фронтов, Н. С. Хрущев не мог не знать, как был высок авторитет Ставки и Сталина в вопросах ведения военных действий. Он так же не мог не знать, что командующие фронтами и армиями с большим уважением относились к Ставке, Сталину и ценили их за исключительную компетентность руководства вооруженной борьбой...».

И далее: «По моему глубокому убеждению, И. В. Сталин... являлся самой сильной и колоритной фигурой стратегического командования. Он успешно осуществлял руководство фронтами и был способен оказывать значительное влияние на руководящих политических и военных деятелей союзных стран по войне. Работать с ним было интересно и вместе с тем неимоверно трудно, особенно в первый период войны. Он остался в моей памяти суровым, волевым военным руководителем, вместе с тем не лишенным и личного обаяния.

И. В. Сталин обладал не только огромным природным умом, но и удивительно большими познаниями. Его способность аналитически мыслить приходилось наблюдать во время заседаний Политбюро ЦК партии, Государственного Комитета Обороны и при постоянной работе в Ставке. Он неторопливо, чуть сутулясь, прохаживается,

внимательно слушает выступающих, иногда задает вопросы, подает реплики. А когда кончится обсуждение, четко сформулирует выводы, подведет итог. Его заключения являлись немногословными, но глубокими по содержанию и, как правило, ложились в основу постановлений ЦК партии или ГКО, а также директив или приказов Верховного Главнокомандующего».

Не мог при жизни опубликовать рукопись своих очень ценных мемуаров и Главный маршал артиллерии, командующий авиацией дальнего действия А. Е. Голованов: «Хочу остановиться на фигуре Верховного Главнокомандующего — И. В. Сталина. Он стоял во главе тяжелейшей мировой войны... Изучив того или иного человека и убедившись в его знаниях и способностях, он доверял таким людям, я бы сказал, безгранично. Но, как говорится, не дай бог, чтобы такие люди проявили себя где-то с плохой стороны. Сталин таких вещей не прощал никому... Отношение его к людям соответствовало, если можно так сказать, их труду, их отношению к порученному им делу...

Работать с И. В. Сталиным, прямо надо сказать, было не просто и не легко. Обладая сам широкими познаниями, он не терпел общих докладов, общих формулировок. Ответы на все поставленные вопросы должны были быть конкретны, предельно коротки и ясны...

Способность говорить с людьми, образно выражаясь, безо всяких обиняков, говоря прямо в глаза то, что он хочет сказать, то, что он думает о человеке, не могла вызвать у последнего чувство обиды или унижения. Это было особой, отличительной чертой Сталина.

Удельный вес Сталина в ходе Великой Отечественной войны был предельно высок как среди руководящих лиц Красной Армии, так и среди всех солдат и офицеров Вооруженных Сил Советской Армии. Это неоспоримый факт, противопоставить которому никто ничего не может» (Слово. 1994. № 9—10. С. 44—51).

Свою высочайшую оценку Верховному Главнокомандующему дал и его заместитель в годы Великой Отечественной войны и в буквальном смысле соратник Г. К. Жуков, который, принимая Парад Победы 24 июня 1945 года, произнес: «Мы победили потому, что нас вел от победы к победе наш великий вождь и гениальный полководец Маршал Советского Союза — Сталин!». Эта оценка не изменится и в его знаменитых мемуарах «Воспоминания и размышления», опубликованных уже после ухода Хрущева с политической сцены: «И. В. Сталин владел вопросами фронтовых операций и руководил ими с полным знанием дела. Он умел найти главное звено в стратегической обстановке и, ухватившись за него, оказать противодействие врагу, провести ту или иную наступательную операцию. Несомненно, он был достойным Верховным Главнокомандующим. Кроме того, в обеспечении операций, создании стратегических резервов, в организации производства боевой техники и вообще всего необходимого для фронта И. В. Сталин, прямо скажу, проявил себя выдающимся организатором. И будет несправедливо, если мы не отдадим ему за это должное».

А вот как запомнился светлый образ И. В. Сталина Маршалу Советского Союза И. Х. Баграмяну (его призывал в лжесвидетели Хрущев на XX съезде: «Здесь присутствует маршал Баграмян, который может подтвердить то, что я расскажу вам сейчас». — *Л. Б.*): «Зная огромные полномочия и поистине железную властность Сталина, я был изумлен его манерой руководить. Он мог кратко скомандовать: «Отдать корпус! — и точка». Но Сталин с большим тактом и терпением добивался, чтобы исполнитель сам пришел к выводу о необходимости этого шага. Мне впоследствии частенько самому приходилось уже в роли командующего фронтом разговаривать с Верховным Главнокомандующим, и я убедился, что он умел прислушиваться к мнению подчиненных. Если исполнитель твердо стоял на своем и выдвигал для обоснования своей позиции веские аргументы,

Сталин почти всегда уступал». (И. Х. Баграмян. Так начиналась война. М. 1977. С. 402.)

Касаясь истории разработки плана Белорусской операции, Маршал Советского Союза К. К. Рокоссовский, которого Сталин очень ценил и называл «мой Багратион», приводит такой эпизод: «Верховный Главнокомандующий и его заместители настаивали на том, чтобы нанести один главный удар (а не два, как предлагал Рокоссовский. — *Л. Б.*) — с плацдарма на Днепре (район Рогачева), находившегося в руках 3-й армии. Дважды мне предлагали выйти в соседнюю комнату, чтобы продумать предложение Ставки. После каждого такого «продумывания» приходилось с новой силой отстаивать свое решение. Убедившись, что я твердо настаиваю на нашей точке зрения, Сталин утвердил план операции в том виде, как мы его представили. «Настойчивость командующего фронтом, — сказал он, — доказывает, что организация наступления тщательно продумана. А это надежная гарантия успеха» (К. К. Рокоссовский. Солдатский долг. М.1997. С.313).

Адмирал флота Н. Г. Кузнецов, который, как известно, отличался твердостью и самостоятельностью суждений, уже будучи в отставке, писал: «За годы Великой Отечественной войны по военным делам с Верховным Главнокомандующим чаще других встречался маршал Г. К. Жуков, и лучше едва ли кто может охарактеризовать его, а он назвал его «достойным Верховным Главнокомандующим». С этим мнением, насколько мне известно, согласны все военачальники, коим приходилось видеться и встречаться со Сталиным» (Военно-исторический журнал. 1993. № 4. С. 51).

У многих маршалов и генералов, как и у адмирала флота Кузнецова, сложились в свое время непростые и нелегкие отношения с И. В. Сталиным. Хрущев об этом знал и пытался на этом сыграть. В своем пресловутом докладе он подленько напомнил Рокоссовскому и Мерецкову о том, что «они сидели при Сталине, но тем не менее, несмотря на тяжелые муки, которые они перенесли в тюрьмах, с пер-

вых же дней войны показали себя настоящими патриотами и беззаветно дрались во славу Родины». Думая, что тем самым он «купил» Рокоссовского, интриган Хрущев предложил ему пост замминистра обороны. Но когда в 1962 году, уже после перезахоронения И. В. Сталина, Хрущев попросил Рокоссовского написать что-нибудь да почерней о вожде, маршал отказал ему в этом, заявив: «Никита Сергеевич, товарищ Сталин для меня святой». На следующий день Константин Рокоссовский, придя, как обычно, на работу, увидел в своем кресле «хрущевского маршала» Москаленко, одного из палачей Берия.

Ложь о «сталинском глобусе»

Но «вернемся» на XX съезд. Вот Хрущев доходит в своем докладе до Василевского и говорит: «Я звоню Василевскому и умоляю его: «Возьмите карту, Александр Михайлович, (т. Василевский здесь присутствует), покажите товарищу Сталину, какая сложилась у нас обстановка. А надо сказать, что Сталин операции планировал по глобусу. (Оживление в зале). Да, товарищи, возьмет глобус и показывает на нем линию фронта...».

Ложь о мифическом «сталинском глобусе» опровергается наличием в военных архивах массы карт разных масштабов с пометками, сделанными рукой И. В. Сталина; воспоминаниями Маршала Советского Союза К. А. Мерецкова «На службе народу»: «В некоторых книгах у нас существует версия, будто И. В. Сталин руководил боевыми операциями «по глобусу». Ничего более нелепого мне никогда не приходилось читать»; статьей в «Военно-историческом журнале» (№ 3. 1995. С. 30) генерала армии А. И. Грибкова, работавшего в годы войны в Оперативном управлении Генштаба: «Н. С. Хрущев, развенчивая культ личности И. В. Сталина, утверждал, что, мол, тот руководил фронтами по глобусу. Разумеется, все это ложь. В военных архивах хранятся кар-

ты различных масштабов с пометками, сделанными рукой Верховного Главнокомандующего».

Опровержение злопыхательства Хрущева по вопросу о «глобусе» можно найти и у адмирала Н. Г. Кузнецова в его книге «Накануне»: «Совершенно неверно злобное утверждение, будто бы он по глобусу оценивал обстановку и принимал решения. Я мог бы привести много примеров, как Сталин, уточняя с военачальниками положение на фронтах, знал, когда нужно, вплоть до положения каждого полка»; в книге К. С. Москаленко «На Юго-Западном направлении»: «Когда Николай Федорович (Ватутин — командовавший фронтом. — *Л. Б.*) рассказал нам о своей беседе с Верховным, я не смог скрыть удивления по поводу той тщательности, с которой Ставка анализировала боевые действия, и у меня невольно вырвалось: «По каким же картам следит Верховный за нашими действиями, если видит больше и глубже нас?». Николай Федорович улыбнулся: «По двух- и пятисоттысячным за фронтом и по стотысячным за каждой армией. Главное же, на то он и Верховный, чтобы подсказывать нам, поправлять наши ошибки...».

Но, пожалуй, самую достойную отповедь дал Хрущеву Главный маршал авиации А. Новиков: «Чего, например, стоило заявление Хрущева, будто Сталин во время войны планировал операции и руководил ими по большому глобусу, находившемуся у него в кабинете. Одно только это утверждение автора доклада вызвало тогда довольно широкий (хотя и негласный) протест, особенно среди военных деятелей, да и многих рядовых ветеранов Великой Отечественной войны. (Вот вам и объяснение «оживления в зале», где проходил XX съезд. — *Л. Б.*)

Ведь давно известно, что ни одна из крупных войн прошлого не заканчивалась победой армии, во главе которой со всеми данными ему высокими полномочиями находился серый, придурковатый, безликий и трусливый главнокомандующий. Хотелось бы по этому поводу напомнить и такое изречение, приписываемое Наполеону: «Стадо ба-

ранов, руководимое львом, сильнее стада львов во главе с бараном».

Чтобы вызвать у делегата XX съезда, заместителя Верховного Главнокомандующего, Маршала Советского Союза Г. К. Жукова, который пока еще не знает, какую свинью ему подложит в самом скором времени «ниспровергатель Сталина», определенный негативный настрой, Хрущев с «высокой трибуны» рассказывает им же самим придуманный вздор, приписывая его И. В. Сталину: «Сталин проявлял большой интерес к моей оценке тов. Жукова как полководца. Он не раз спрашивал мое мнение о Жукове, и я ему говорил: «Жукова знаю давно, он хороший генерал, хороший командующий». После войны Сталин стал рассказывать о Жукове всякие небылицы, в частности, он говорил мне: «Вот вы хвалили Жукова, а ведь он этого не заслуживает. Говорят, что Жуков на фронте перед какой-либо операцией возьмет горсть земли, понюхает и говорит, что, мол, начинать наступление можно или, наоборот, дескать, нельзя проводить намеченной операции. Я на это ответил тогда: «Не знаю, товарищ Сталин, кто это выдумал, но это неправда». Видимо, сам Сталин выдумывал такие вещи, чтобы принизить роль и военные способности маршала Жукова».

Впоследствии, после расправы, учиненной Хрущевым над своим министром обороны Жуковым, прозревший Георгий Константинович скажет: «Сталин меня снимал, понижал, но не унижал. Попробуй меня кто-нибудь при нем обидь — Сталин за меня голову оторвет».

Что стоило Верховному Главнокомандующему самому принять капитуляцию поверженного монстра — гитлеровской Германии? А он поручил это Жукову. Принимать Парад Победы — ему же. Жукову дал два ордена «Победа», три Золотых Звезды Героя Советского Союза (у единственного из полководцев!). И только его одного вождь назначил своим — Верховного Главнокомандующего — заместителем (огромнейшая честь!).

Известно, что не Сталин, а именно Жуков считал, что Великую Отечественную войну выиграл он. А когда на Политбюро его обвинили в бонапартизме, он сказал: «Сравнение неверное: Наполеон проиграл войну, а я выиграл».

Большой интерес представляют в этой связи размышления Главного маршала авиации А. Е. Голованова:«Всю ответственность за внезапность неожиданного по времени нападения Гитлера на нашу страну мы возлагаем на И. В. Сталина, ибо он стоял во главе государства, хотя к этому имеют прямое отношение и С. К. Тимошенко — как нарком обороны и Г. К. Жуков — как начальник Генерального штаба и ряд других товарищей. К ним, как известно, каких-то особых претензий не предъявляется. Точно так же правомерно говорить и о стратегических, имеющих мировое значение победах и относить их тоже на счет тех людей, которые стояли во главе тех или иных кампаний или войны в целом и отвечали за их исход. Это логика. Великую всемирно-историческую победу во Второй мировой войне одержали страна, партия и армия, руководимые Сталиным».

Сталинские маршалы, не сговариваясь, разрушили пирамиду лжи, которую Хрущев, ничтоже сумняшеся, воздвиг в «секретном» докладе о «культе личности», вероятнее всего, не отдавая себе отчет, что под личиной борьбы с «культом» его наследнички похоронят коммунизм и приведут страну к страшной катастрофе, сделав бессмысленными все те жертвы, которые советский народ понес в той войне. (Смешно и грустно звучат сегодня слова недалекого Хрущева, зафиксированные в его «мемуарах»: «Что ж теперь, когда нет Сталина, мы подпадаем под немецкое, английское или американское влияние? Нет, никогда». — *Л. Б.*)

...Так до самой своей смерти Хрущев и не понял, почему полководцы Победы были против той карикатуры на И. В. Сталина, которую он так старательно малевал: «Удивляюсь некоторым крупным военачальникам, которые в своих воспоминаниях хотят обелить Сталина и представить его отцом народа, доказать, что если бы не он, то мы не

выиграли бы войну и подпали под пяту фашистов. Это глупые рассуждения, рабские понятия».

Так полагал исказитель Истории Никита Хрущев. Но вот какую оценку роли Сталина и «сталинского окружения», в которое, между прочим, входил и Хрущев, давал Гарри Ллойд Гопкинс, советник и специальный помощник президента США Ф. Рузвельта в период 2-й мировой войны, после Ялтинской конференции: «Никто из нас не мог предсказать, какие будут результаты, если что-нибудь случится со Сталиным. Мы были уверены в том, что можем рассчитывать на его разум, чувства и понимание, но мы совсем не распространяли свою уверенность на те обстоятельства и тех деятелей, которые находились за его спиной там, в Кремле». То есть, иными словами, если бы Сталин умер не в марте 1953 года, а в феврале 1945 года, когда проходила Крымская конференция, то у союзников еще не было бы уверенности в ее благополучном исходе для антигитлеровской коалиции. И эта мысль прозвучала всего за три месяца до победоносного окончания войны. Вот так!

Нет, не хотели уходить из жизни Сталинские маршалы с грузом хрущевской лжи. Они еще раз выполнили с честью свой солдатский долг перед Историей, оставив потомкам коллективный реалистический портрет своего Верховного Главнокомандующего, Генералиссимуса Советского Союза Иосифа Виссарионовича Сталина. Низкий поклон им за это!

Часть 9

ЦЕНА ПОБЕДЫ

Они и Мы

Мышиная возня вокруг цены Победы тоже была затеяна Хрущевым на XX съезде. Ведь именно с его подачи «большая кровь, которой стоил нам Сталин», стала предметом пристального внимания и бессовестной наглой спекуляции лжеисториков, которые рассуждали так: раз сам Хрущев в письме премьер-министру Швеции Эрландеру назвал цифру наших потерь «более 20 миллионов», сгодится любая цифра, которую мы назовем. Д. Волкогонов, к примеру, пишет: «В оценке Хрущева верно только слово — более». И пошла сатанинская свистопляска вокруг той самой «большой крови».

И вот уже фаворит Хрущева, недобитый враг народа Солженицын, он же сексот «ГУЛАГа» с кликухой «Ветров», изобретает и запускает в оборот невероятнейшую цифру наших потерь — 31 миллион солдат, а вскоре называет еще более «впечатляющую» — 44 миллиона. Его нисколько не смущает, что это без малого почти все мужское население страны (согласно переписи, численность населения СССР на 17 января 1939 года составляла 170 миллионов 467 тысяч 186 человек. — *Л. Б.*). Не станем забывать, что тот же протеже Хрущева «закопал» еще 66 миллионов «репрессированных в довоенные годы», итого 110 миллионов человек. А кто ж тогда строил, кто воевал? Неужели социализм строили одни лишь женщины, дети и старики? Лжепророк об этом как-то не подумал...

Подобная чудовищная ложь и по сей день кочует по различным публикациям, тиражируется в миллионных экземплярах, отравляя массовое сознание и оскорбляя общественную нравственность, хотя прошло десять лет, как были обнародованы официальные данные о числе людских потерь как с нашей, так и с противной стороны, все подсчитано и выверено. Речь идет о статистическом исследовании «Гриф секретности снят: Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах» под общей редакцией Г. Ф. Кривошеева (М., 1993. С. 128—129, 182, 337—338, 391, 393).

Согласно этим данным, за годы Великой Отечественной войны, включая потери на Дальнем Востоке против Японии в 1945 году фактическое число демографических потерь Красной Армии с учетом убитых, пропавших без вести, умерших от ран, болезней и несчастных случаев, составили за всю войну (запомним!!!) 8 миллионов 668 тысяч 400 человек. В то время, как вермахт потерял на своем Восточном фронте 6 миллионов 923 тысячи 700 человек. Это означает, что на каждые 4 убитых «фрица» приходилось 5 красноармейцев. И не надо «ля-ля», господа антисталинисты всех мастей, что «мы, дескать, победили потому, что завалили немцев трупами своих парней», что «на каждого одного убитого немца приходилось 10 (!) советских воинов», как об этом пишет Виктор Астафьев в своем клеветническом романе «Прокляты и убиты».

Сначала обгадили И. В. Сталина хрущевским тезисом: «Победил не Сталин, а народ», а теперь запомоили и сам советский народ, спасший человечество от тотального геноцида...

Хрущева давно уже нет. Но живы и пока еще в силе его наследнички. И это страшно!

Если говорить об общих потерях (включая мирное население) с нашей и их стороны, то соотношение будет — увы — 10:1 не в нашу пользу. Именно таковы результаты гитлеровской политики геноцида, планомерного истребле-

ния советского народа, которую современные наследники Хрущева фактически оправдывают, занимаясь очернительством истории Советского Союза вообще и истории Великой Отечественной войны, в частности.

И хотя в самые сложные периоды войны Сталин не возражал против лозунга «Убей немца!», лично для него, интернационалиста, на протяжении всей войны было ясно, и он неоднократно внедрял это в массовое сознание современников, что нельзя отождествлять нацистов с немецким народом, давшим миру величайших философов, ученых, композиторов, писателей. В своем выступлении 23 февраля 1942 года И. В. Сталин сказал: «Красная Армия уничтожает гитлеровцев не в виду их немецкого происхождения, а в виду того, что они хотят поработить нашу Родину. Красная Армия, как армия любого другого государства, имеет право и обязана уничтожать поработителей своей Родины независимо от их национальной принадлежности».

И именно Верховный Главнокомандующий был тем человеком, который не только не поставил задачу организованной мести немцам при взятии Берлина, но и выдвинул перед Жуковым жесткое требование самыми суровыми мерами пресекать любые малейшие эксцессы подобного рода (хотя чисто по-человечески И. В. Сталин не мог не понять солдат, которые горели желанием отомстить «проклятым немцам» за повешенных и поруганных родителей, за изнасилованных дочерей, за спаленные хаты — по статистике, 25 миллионов советских людей в результате войны остались без крова). Но И. В. Сталин, как мы знаем, на это не пошел, да и не мог пойти, поскольку такой шаг противоречил бы коммунистической морали, в основе которой лежит как-никак идея защиты общечеловеческих ценностей. Наоборот, он поил вражеских деток бесплатным молоком, быстро организовал продовольственную помощь населению Берлина, включавшую набор продуктов питания для рабочих тяжелого труда и вредных производств, рабочих иных производств, служащих, детей, иждивенцев и проче-

го населения, — таких продуктов, как хлеб, картофель, крупа, мясо, жиры, сахар в день в таком объеме, в каком и не снилось нашей сегодняшней «продовольственной корзине». (Постановление ГКО от 8 мая 1945 года).

Но наследнички Хрущева в упор не хотят знать Историю такой, какая она была. Им нужна такая «история», какая существует в их воспаленном сознании, в их больном воображении. Один из таких наследничков — Волкогонов — изрекает: «Сталин был бесчувственным к бесчисленным трагедиям войны. Стремясь нанести максимальный урон противнику (что ж тут плохого? — *Л. Б.*), никогда особенно не задумывался, какую цену заплатят за это советские люди (??? - *Л. Б.*). Тысячи, миллионы жизней для него давно стали сухой, казенной статистикой». В газете «Аргументы и факты» к 53-й годовщине Великой Победы выступил другой наследничек Хрущева, Виктор Астафьев, в ту пору — 72-летний автор романа «Прокляты и убиты», где в омерзительном свете изображены красноармейцы на войне — «жертвы бессмысленной жестокости советской репрессивной системы». Так вот, этот идейный власовец злословит в газетной заметке: «Да, до Берлина мы дошли, но как? Народ, Россию в костре сожгли, залили кровью. Воевать-то не умели, только в 1944 году навели порядок и стали учитывать расход снарядов, патронов, жизней (А кто же, спрашивается, бил немца под Москвой, в Сталинграде, на Курской дуге, в других наступательных операциях 1941—1943 года, включая и освобождение Киева, на 6 лет ставшего вотчиной Хрущева? — *Л. Б.*). И дальше Астафьев продолжает талдычить: «Наличие горючего, снарядов, патронов было на первом месте, а наличие людей — на последнем».

Лицемерие наших классовых врагов в том-то и состоит, что они, ненавидя и глубоко презирая советских людей, вешая на них ярлыки типа «совки», «коммуняки», выдают себя за их заступников, причем не от кого-нибудь — от самих их вождей. Досталось и В. И. Ленину, но больше всех шишек получает именно И. В. Сталин. С легкой руки само-

го наиглавнейшего наследничка Хрущева, в прошлом «тоже генсека» Михаила Горбачева, пытавшегося как-то объяснить деятелям литературы и искусства (где, кстати, присутствовал и Астафьев) причину «репрессий» 30 — 40-х годов тем, что к людям, дескать, относились как к винтикам: сломал и выбросил.

Но пора уже дать слово «товарищу Правде». 17 апреля 1940 года Сталин говорил на совещании начальствующего состава РККА: «Будете жалеть патроны и снаряды — будет больше потерь. Нужно жалеть своих людей, сохранять силы армии. Если хотите, чтобы у нас война была с малой кровью, не жалейте мин». И в годы Великой Отечественной войны товарищ Сталин проявлял серьезное внимание к проблеме потерь в Красной Армии.

Авиаконструктор А. Яковлев вспоминал: «Сталин не мог спокойно относиться к фактам безразличного отношения командиров к нуждам бойцов. Однажды, выслушав доклады нескольких высших командиров, прибывших с фронта, и узнав о плохом подвозе питания и обмундирования для солдат, Сталин вспылил и с возмущением сказал: «Стыдно! Вы — коммунисты! Смотрите, — он кивнул на висевшие у него в кабинете портреты Суворова и Кутузова, — дворяне, помещики Кутузов, Суворов проявляли больше заботы о своих солдатах, больше знали своего солдата, больше любили его, чем вы, советские командиры-коммунисты»...

Если о Вожде говорили: «Где Сталин, там победа», то о «Миките» справедливо было бы сказать: «Где Хрущев, там поражение». Вот пример: в телеграмме Тимошенко, Хрущеву и Бодину И. В. Сталин писал:

«Ставка считает нетерпимым и недопустимым, что Военный совет фронта вот уже несколько дней не дает сведений о судьбе 28, 38 и 57-й армий и 22-го танкового корпуса. Ставке известно из других источников, что штабы указанных армий отошли за Дон, но ни эти штабы, ни Военный совет фронта не сообщают Ставке, куда девались войска

этих армий и какова их судьба, продолжают ли они борьбу или взяты в плен. В этих армиях находилось, кажется, 14 дивизий — Ставка хочет знать: куда девались эти дивизии?». (ЦАМО. Ф. 3. Оп.11 556. Д. 9. Л. 16. С. 251).

В конце мая 1942 года, когда Харьков превратился в «мясорубку», где уже погибли 20 советских дивизий, раздраженный просьбами Тимошенко об усилении фронта, И. В. Сталин продиктовал следующую телеграмму Тимошенко, Хрущеву и Баграмяну:

«За последние 4 дня Ставка получает от вас все новые и новые заявки по вооружению, по подаче новых дивизий и танковых соединений из резерва Ставки.

Имейте в виду, что у Ставки нет готовых к бою новых дивизий, что эти дивизии сырые, необученные и бросать их теперь на фронт — значит доставлять врагу легкую победу.

Имейте в виду, что наши ресурсы по вооружению ограниченны, и учтите, что кроме вашего фронта есть еще у нас и другие фронты.

Не пора ли вам научиться воевать малой кровью, как это делают немцы? Воевать надо не числом, а умением... Учтите все это, если вы хотите когда-либо научиться побеждать врага, а не доставлять ему легкую победу. В противном случае вооружение, получаемое вами от Ставки, будет переходить в руки врага, как это происходит теперь. 21.50. 27.5.42 г. Сталин».(ЦАМО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 16. Л. 19. С. 289—290).

Так кто же солдат жалел — И. В. Сталин или его очернители?

Эта депеша опровергает, между прочим, миф о том, что И. В. Сталин с безразличием относился к людским потерям.

Принципиальное значение имеет и вопрос о «сталинских винтиках». Где и когда мог Иосиф Виссарионович Сталин так неуважительно отозваться о простых советских людях? Имел ли место подобный факт? Характерен ли он для товарища Сталина?

25 июня 1945 года в Кремле был устроен прием в честь участников Парада Победы, на котором присутствовали прославленные маршалы, генералы и адмиралы, рабочие и артисты, конструкторы всех видов боевой техники. В Георгиевском зале Кремля накрыты праздничные столы. Одна здравица сменяется другой. Видя, что забыты главные «виновники» этого торжества, творцы Победы, И. В. Сталин поднимается и произносит тост:

«Не думайте, что я скажу что-нибудь необычайное. У меня самый простой, обыкновенный тост. Я бы хотел выпить за здоровье людей, у которых чинов мало и звание невидное. За людей, которых считают «винтиками» великого государственного механизма, но без которых все мы — маршалы и командующие фронтами и армиями, грубо говоря, ни черта не стоим. Какой-нибудь «винтик» разладился и кончено. Я поднимаю этот тост за людей простых, обычных, скромных, за «винтики», которые держат в состоянии активности наш великий государственный механизм во всех отраслях науки, хозяйства и военного дела. Их очень много, имя им легион, потому что это десятки миллионов людей. Это скромные люди. Никто о них ничего не пишет, звания у них нет, чинов мало, но это люди, которые держат нас, как основание держит вершину. Я пью за здоровье этих людей, за наших уважаемых товарищей».

Не раз И. В. Сталин говорил о людях, о заботе по отношению к ним. Так, на выпуске слушателей военных академий Красной Армии в 1935 году он произнес: «Вместо того, чтобы изучать людей, нередко швыряются людьми, как пешками. У нас не научились еще ценить людей, ценить работников, ценить кадры».

Вот какие у товарища Сталина были «пешки» и «винтики»...

Золотыми буквами вписаны в скрижали Истории слова Иосифа Виссарионовича Сталина: «Из всех ценных капиталов, имеющихся в мире, самым ценным и самым решающим капиталом являются люди, кадры»...

Хрущевская школа фальсификаций

Есть еще одна проблема в теме «Цена Победы»: был или не был массовый героизм у советского народа? Или, действительно, как утверждают хрущевцы, «людей гнали, как стадо баранов, на убой, с помощью заградотрядов»?

На эти вопросы лучше всего, пожалуй, смогут ответить сами погибшие герои.

Им — слово.

Писатель Юрий Крымов — жене:

«Я всегда чувствовал, что буду вступать в партию в обстановке жестокой борьбы. Но действительность превзошла все мои предчувствия. Я вступил в партию в тот момент, когда все соединение находится в окружении, то есть накануне смертельного боя для меня и моих товарищей.

19 сентября 1941 года».

Завещание красноармейца С. Волкова:

«Дорогие братья по оружию! Если я погибну в этом сражении, назовите меня коммунистом. Да здравствует великий советский народ! Да здравствует товарищ Сталин! Передайте привет жене Марусе и дочери Тане.

12 февраля 1942 года».

Письмо красноармейца-связиста О. Нечитовского:

«Прощай, дорогая мамочка! Это мое предсмертное письмо, и, если ты его получишь, знай, что сына у тебя больше нет. Я погиб, как твой сын и как сын Родины. Я не пощадил своей жизни за благо и счастье людей, за вашу спокойную старость, за счастливую жизнь детей.

Март 1944 года».

Можно ли беззастенчиво и нагло глумиться, как это делают с легкой руки Хрущева его наследнички, над своей собственной историей, над светлой памятью этих нравственно чистых людей, которые шли в атаку и встречали смерть с возгласом «За Родину! За Сталина!»?

Решающее значение для хода и исхода всей Второй мировой войны имело, как известно, первое крупнейшее по-

ражение гитлеровских орд под Москвой. Исторический военный парад на Красной площади в Москве в 24-ю годовщину Великого Октября, когда И. В. Сталин произнес небольшую, но весьма емкую по содержанию речь, в которой напутствовал уходящих на фронт воинов, заканчивалась словами: «За полный разгром немецких захватчиков! Смерть немецким оккупантам! Да здравствует наша славная Родина, ее свобода, ее независимость! Под знаменем Ленина — вперед, к победе!» — получил колоссальный резонанс во всем мире.

«Без сталинского авторитета в то время, — писал известный историк Ю. Поляков («Свободная мысль». 1994. № 11. С. 74), — без жесткой требовательности и дисциплины вряд ли удалось бы в условиях тяжелейших поражений, потерь, неудач удержать от развала государственную машину и всю страну. Это практическая сторона. Но есть и другая — психологическая. В военных условиях важен был Сталин, как организатор, в руках которого сосредоточивались все бразды правления, а держал он их достаточно твердо. Однако не менее важен был Сталин как символ незыблемости государственной власти, твердости руководства, уверенности в победе, решимости одолеть врага, единства различных народов и различных слоев народа. Каждый, кто знаком с обстановкой первых месяцев войны, не станет отрицать значение выступлений Сталина 6 и 7 ноября 1941 года».

Со ссылкой на «показания», якобы полученные от Берия, Хрущев еще в годы своего бесславного правления пытался распространить клеветнические измышления о том, что якобы И. В. Сталин предложил Гитлеру прекратить начавшиеся военные действия за счет уступки фюреру территорий Прибалтики, Молдавии, значительной части Украины и Белоруссии. Эта фальшивка опровергается довольно просто.

Во-первых, алчный зверь Гитлер, успев отхватить за две недели все новые, вошедшие в состав СССР территории и перейдя 3 июля (когда И. В. Сталин обратился с историче-

ской мобилизационной речью к советскому народу. — *Л. Б.*) старые границы СССР (то есть пределы нашего государства до заключения Договора от 23 августа 1939 года. — *Л. Б.*), не нуждался в каком бы то ни было мире с И. В. Сталиным, а безудержно рвался к Москве, чтобы, завоевав столицу страны, поставить на колени весь Советский Союз.

Во-вторых, по мнению генерала П. Судоплатова, занимавшегося во время войны тайными операциями за рубежом, «Сталин и все руководство чувствовали, что попытка заключить сепаратный мир в этой беспрецедентно тяжелой войне автоматически лишила бы их власти. Не говоря уже об их подлинно патриотических чувствах, в чем я совершенно уверен, любая форма мирного соглашения являлась для них неприемлемой».

Добавлю от себя: И. В. Сталин отдавал себе отчет в том, что Гитлеру нужна только безоговорочная капитуляция, а в этом случае надеяться на милость победителя не приходилось.

И, наконец, в третьих, обвинение такого типа требует достаточно весомых доказательств, которых, у лжеисториков нет и быть не может, так как этот эпизод является вымыслом чистейшей воды, имеющим целью подло очернить многогранную полководческую деятельность организатора всех побед советского народа Иосифа Виссарионовича Сталина, чей личный вклад в достижение Великой Победы в самой страшной в истории человечества войне был воистину грандиозным.

Пора, наконец, прекратить гнусные измышления о И. В. Сталине, воздать ему должное! Пора, наконец, воздать должное советскому военному искусству, полководческому мастерству военачальников, героизму воинов Красной Армии и самоотверженности тружеников тыла! Пора, наконец, вернуть народу его подвиг!

Часть 10

ПОСЛЕ ВОЙНЫ. ХРУЩЕВ НА УКРАИНЕ

Голод 1946 года

Война усугубила положение села, валовая продукция которого в 1945 году не превышала 60% довоенного уровня. К тому же жестокая засуха летом 1946 года, поразившая Украину, Молдавию и Поволжье, послужила причиной сильного голода. Норма расхода хлеба по пайковому снабжению в городе была сокращена на 30%, а в селе начался голод.

Это был один из голодных годов (1921, 1933, 1946) за 70 лет Советской власти, которыми антисоветчики попрекают коммунистов, называя это «геноцидом», «чудовищным преступлением» и пр.

Но приведем историческую справку. Согласно данным доктора физико-математических наук Е. Борисенкова и доктора исторических наук В. Пасецкого, приведенным в книге «Рокот забытых бурь», изданной в 1988 году, в дореволюционной России, с 1851 по 1911 г., то есть из 60 лет 40 — были неурожайными и голодными. (Сравним: 40 из 60 и 3 из 70! — *Л. Б.*). По официальным данным тех лет и зарубежным источникам, в 1891 году в России от голода погибло более 2 миллионов человек, в 1900—1903 — 3 миллиона, в 1911 году до 2 миллионов человек.

Что предпринимало царское правительство, чтобы изменить положение? Об этом говорит указ Николая II, само название которого говорит о беспомощности царского правительства: «О приготовлении хлеба из барды и соломенной муки, как могущих заменить употребление ржаного хлеба».

Не менее красноречив один только перечень названий книг, издававшихся в те годы по вопросу о положении на селе: А. Шинкарев «Вымершая деревня» (1902 г.), А. Прутавкин «Голодающее крестьянство» (1906 г.), А. Панкратов «Без хлеба» (1913 г.). («За СССР». № 4 (97), 2002)

Вот от каких ужасов голодомора избавила крестьянство Сталинская коллективизация...

Сделав небольшой экскурс в историю, вернемся к «воспоминаниям» Хрущева. Вот как передает первое лицо Украинской республики рассказ тогдашнего секретаря Одесского обкома партии А. И. Кириченко (с марта 1953 года ставшего 1-м секретарем ЦК КПУ. — *Л. Б.*): «Когда он приехал в какой-то колхоз проверить, как люди проводят зиму, ему сказали, чтобы он зашел к такой-то колхознице. Он зашел: «Ужасную я застал картину. Видел, как эта женщина разрезала труп своего ребенка, не то мальчика, не то девочки, и приговаривала: «Вот уже Манечку съели, а теперь Ванечку засолим. Этого хватит на какое-то время». Эта женщина помешалась от голода и зарезала своих детей. Можете себе это представить?

Я докладывал обо всем Сталину, но в ответ вызывал лишь гнев: «Мягкотелость! Вас обманывают, нарочно докладывают о том, чтобы разжалобить и заставить израсходовать резервы...» К моим сообщениям Сталин стал относиться с заметной осторожностью»...

В рассказе Кириченко обращают на себя внимание следующие несуразицы, которые не мог не заметить и Сталин: вот приезжает в село высокое начальство. Интересуется, как люди проводят зиму. И, надо полагать, слышит: «Мы-то ничего, но зайдите вот в этот домик, где живет наша достопримечательность — колхозница-людоедочка. Она уже сожрала одного своего ребенка, а всего их у нее двое. Так что, очень даже может статься, что она и второго съест. Партайгеноссе Кириченко врывается в дом и видит, как эта женщина на его глазах разрезает труп своего ребенка. От волнения секретарь обкома с ходу не смог даже определить

пол этого ребенка (то ли мальчик, то ли девочка?). Не сообразил даже и тогда, когда мать-убийца начала приговаривать: «Вот уже Манечку съели, а теперь Ванечку засолим».

Но, во-первых, дело происходило зимой 1947 года, когда благодаря помощи Центра острота продовольственного кризиса спала.

Во-вторых, односельчане не могли так равнодушно отнестись к убийству первого ребенка (Манечки) и должны были сообщить в компетентные органы, чтобы изолировать мать-убийцу, а не дожидаться приезда высокого начальства, чтобы с безразличием ткнуть в дверь и пролепетать: «Милости просим, зайдите сюда, здесь еще одна жертва намечается».

В-третьих, в момент, когда Кириченко рассказывал Хрущеву эту душещипательную историю, он уже не мог ошибиться в поле ребенка. Прошло достаточно времени, чтобы уяснить себе, что ребенок, которого потрошили у него на глазах, был мальчик (Ванечка).

В-четвертых, когда Хрущев рассказывал И. В. Сталину эту байку или тем более приводил ее в своих «воспоминаниях» спустя много-много лет, он мог бы что-то подкорректировать, внести соответствующие уточнения в выражения «какой-то колхоз», «к такой-то колхознице», «разрезала труп не то мальчика, не то девочки». Но он почему-то этого не сделал. А еще хотел, чтобы ему поверил И. В. Сталин...

Биограф Хрущева В. Н. Шевелев утверждает: «Хрущев обратился к Сталину с просьбой о помощи. Такая помощь была оказана, что несколько сгладило остроту продовольственного кризиса на Украине. Однако сам Хрущев оказался в опале. Сталин высказал свое неудовольствие тем, что украинское руководство оказалось не на высоте».

Сравним с тем, что пишет Хрущев в своих «воспоминаниях»: «Я убеждал, что Украина нуждается в помощи, но лишь еще больше возбуждал в Сталине гнев. Мы ничего из Центра не получили. Пошел голод». Чувствуете, как оправдывает себя Хрущев? Биограф: «Обратился за помощью —

получил помощь. Острота кризиса спала». И — Хрущев: «Обратился за помощью — не получил ее. Начался голод».

Нет ничего удивительного в том, что И. В. Сталин в феврале 1947 года подписывает постановление ЦК ВКП(б) «Об укреплении партийной и советской работы на Украине» и направляет в Киев Л. М. Кагановича, который на пленуме Украинской большевистской парторганизации в начале марта избирается 1-м секретарем ЦК КП (б) Украины. И в результате — 1947 год выдался урожайным, Каганович из села не вылезал, Украина досрочно выполнила план хлебозаготовок и Лазарь Моисеевич был отозван в Москву в конце того года. И это было признаком того (и сам Хрущев об этом так в своих «воспоминаниях» и говорит), что И. В. Сталин как бы возвратил «Миките» свое доверие.

«525 катушек ниток»

В декабре 1945 года Хрущев направляет на имя И. В. Сталина докладную, в которой сообщал об активизации украинских националистов в Западной Украине в связи с приближением выборов в Верховный Совет СССР и просит помочь войсками Прикарпатского и Львовского военных округов.

Враждебная Советской власти организация украинских националистов (ОУН), возглавлявшаяся Степаном Бандерой, устраивала погромы государственных учреждений, убивала советских патриотов, организовывала теракты и поджоги, словом, бесчинствовала.

И. В. Сталин и на этот раз помог Хрущеву, дав указание организовать истребительные батальоны для борьбы против оуновцев.

Но если И. В. Сталин (и только он!) мог издать приказ о продолжении военных действий против оуновцев, то как же не стыдно было Хрущеву направлять запрос в ЦК ВКП(б) на имя И. В. Сталина от 18 сентября 1946 г. с

просьбой взять на обеспечение государства истребительные батальоны, действующие против оуновцев и «выделить 104 300 дцм кирзы для голенищ сапог, 774 дцм юфты для передков сапог, 20 380 дцм кожи подошвенной, 196 000 м бязи для белья и 525 катушек ниток». Если учесть недовольство Сталина Хрущевым в тот период, то вполне возможно, что он ему в этой «хозяйственной» просьбе отказал. Может, даже в обидной форме, что было бы вполне естественно...

Как складывались отношения Хрущева и Кагановича после того, как первый вынужденно уступил второму лидерство в Украинской парторганизации? О том, с каким настроением Хрущев провел свои дни с 3 марта по декабрь 1947 года, когда вынужден был уступить пальму первенства Лазарю Моисеевичу, мы находим в его «мемуарах»: «Каганович искал какие-то возможности показать себя», «А тут он распоясался, причем дал волю своему хамству. Буквально хамству», «У меня очень плохо сложились отношения с Кагановичем, ну, просто нетерпимые отношения. Он развернул бешеную деятельность в двух направлениях: против украинских националистов и против евреев. Сам — еврей, и против евреев? Или, может быть, это было направлено только целевым образом против тех евреев, которые находились со мной в дружеских отношениях? Скорее всего, так». (А еще обвинял И. В. Сталина в паранойе. — *Л. Б.*)...

После разгрома националистического вооруженного движения ОУН еще несколько лет на Западной Украине продолжали действовать подпольные националистические группировки боевиков и продолжались теракты против советских работников, против мирного населения, сочувствовавшего коммунистам. Сам Бандера удрал на Запад и делал ставку на сотрудничество с разведками США, Великобритании и ФРГ и проведение подрывной работы на Украине. Однако Хрущев его достал и в Мюнхене, где он был ликвидирован.

Бывший руководитель Львовского краевого «провода» ОУН Заставный (реабилитированный Хрущевым как «жертва сталинских репрессий». — *Л. Б.*) поучал своих единомышленников: «Период борьбы с пистолетом и автоматом закончился. Настал другой период — период борьбы за молодежь, период врастания в советскую власть с целью ее перерождения под большевистскими лозунгами... Наша цель — проникать на всевозможные посты, как можно больше быть в руководстве промышленностью, транспортом, образованием, в руководстве молодежью, прививать молодежи все национальное...».

Что ж, Степан Бандера порадовался бы сегодня, когда бы узнал, что его дело как будто бы торжествует. Но только «как будто бы», ибо последнее слово история еще не сказала.

Часть 11

СТАЛИН И ЕВРЕЙСКИЙ ВОПРОС В СССР

Гремучая смесь из звериной злобы и черной дьявольской лжи

В. М. Молотов, жена которого Полина Жемчужина, была арестована за то, что у нее обнаружились давние связи с международными сионистскими кругами, говорил писателю Феликсу Чуеву: «Сталин не был антисемитом, как его порой пытаются изобразить. Он отмечал в еврейском народе многие качества: работоспособность, спаянность, политическую активность. У них активность выше средней, безусловно. Поэтому есть очень горячие в одну сторону и очень горячие в другую. В условиях хрущевского периода эти, вторые, подняли голову, они к Сталину относятся с лютой ненавистью».

В своем стремлении доказать, что в 40-е и в начале 50-х годов в СССР якобы существовал государственный антисемитизм мировой сионизм использует два исторических факта — борьбу с космополитизмом после победы советского народа над нацизмом и «дело врачей-убийц», которое было возбуждено с использованием письма кардиолога Кремлевской больницы Лидии Тимашук начальнику охраны И. В. Сталина Власику, уже пять лет как списанного в архив, где, между прочим, ни о каких евреях речи и не было, а главными виновниками смерти А. А. Жданова выступали русские врачи — Виноградов и Зеленин.

Международный сионизм объявил «дело врачей» кульминацией «антиеврейской кампании» в Советском Союзе.

Автор книги «В окопах Сталинграда» (Сталинская премия 1947 года), перебежчик-невозвращенец В. Некрасов в опубликованной «за бугром» грязной клеветнической книжонке «Саперлипопет, или Если бы да кабы да во рту росли грибы...» пишет, что к концу жизни И. В. Сталин был одержим идеей сионистских заговоров и гитлеровское окончательное решение еврейского вопроса считал правильным и даже гениальным.

А. Антонов-Овсеенко, Д. Волкогонов, Р. Медведев, Ю. Борев, А. Солженицын, Э. Радзинский — все эти барабанщики антисталинизма слепили из этого тезиса гремучую смесь из звериной злобы и черной дьявольской лжи: «Если бы Сталин умер позже, советские евреи подверглись бы поголовно депортации и геноциду. Те же единицы, которых Сталин бы в знак особой милости оставил в центральных городах, вынуждены были бы постоянно носить желтые шестиконечные звезды на рукавах в знак того, что они — вне закона»; «Существовал сталинский сценарий расправы над «врачами-убийцами». Смертная казнь через повешение должна была состояться на Красной площади при большом стечении народа. Некоторых «преступников» следовало казнить, других же позволить разъяренной толпе отбить у охраны и растерзать на месте. Затем толпа должна была учинить в Москве и других городах еврейские погромы. Как бы спасая евреев от справедливого гнева народов СССР, их предстояло собрать в пунктах концентрации и эшелонами выслать в Сибирь...».

Хрущев пересказывал Эренбургу свою беседу с И. В. Сталиным, который якобы «инструктировал» его: «Нужно, чтобы при выселениях во всех подворотнях происходили жестокие расправы. Жалеть их не надо: нужно дать излиться народному гневу. Доехать до места должны не более половины...».

«По замыслу Сталина, товарные вагоны с евреями должны были быть опломбированы до самого места на-

значения и 10—15 дней пути люди должны были ехать без воды, пищи и туалета...».

В 1993 году журнал «Новое время» (№ 2 и 3) опубликовал откровенную фальшивку, в которой утверждалось, что «министр обороны» Булганин якобы получил секретное указание Сталина в январе 1953 года подогнать к Москве и к другим крупнейшим центрам страны несколько сотен военных железнодорожных составов для организации выселения евреев. И, чтобы расправиться с ними в пути, как утверждалось в заметке, планировали организовать крушения железнодорожных составов, а также стихийные террористические нападения на поезда с евреями.

Весь этот бред не имеет под собой никакой фактологической основы, и рассчитан на таких же идиотов, каковыми являются и сами авторы. Вот, скажем, вопрос о «секретном указании» Сталина Булганину. Да, Булганин стал министром обороны СССР в 1953 году, но только это произошло в марте, уже фактически после смерти Сталина. Не мог же Сталин после своей смерти отдавать указания Булганину об организации выселения евреев. Правда, Булганин был с 1947 по 1949 гг. министром Вооруженных Сил СССР, но затем был смещен и к концу жизни Сталина, когда будто бы планировалось выселение еврейского населения, реальной властью для проведения такой крупномасштабной акции, не обладал. Уж лучше бы авторы заметки сказали, что «секретное указание» получил Лаврентий Палыч: Берия и не такое терпел...

С чего, на самом деле, началась кампания борьбы с космополитизмом? На каком внешнеполитическом фоне она проходила? Действительно ли разрушенный и разоренный послевоенный Советский Союз, даже уже обладающий атомной бомбой, представлял в те годы угрозу для Запада и своими антиеврейскими действиями подстрекал его к развязыванию третьей мировой войны?

2 января 1946 года выдающийся советский ученый-физик, еврей по происхождению, академик П. Л. Капица от-

правил И. В. Сталину письмо, в котором он, в частности, писал: «Ясно чувствуется, что сейчас нам надо усиленным образом поднимать нашу собственную оригинальную технику. Мы должны делать по-своему и атомную бомбу, и реактивный двигатель, и интенсификацию кислородом, и многое другое. Успешно мы можем это делать только тогда, когда будем верить в талант нашего инженера и ученого и уважать его и когда мы, наконец, поймем, что творческий потенциал нашего народа не меньше, а даже больше других и на него можно смело положиться. Что это так, по-видимому, доказывается и тем, что за все эти столетия нас никто не сумел проглотить».

Ответ на это письмо пришел в апреле, после того, как в марте 1946 года У. Черчилль в своей жесткой конфронтационной речи в Фултоне не оставил у И. В. Сталина и тени сомнения в том, что все надежды на мирное послевоенное сотрудничество рухнули. Прекращение союзнических отношений с СССР и «холодная война» Запада с Советским Союзом планировались Белым домом еще с сентября 1945 года, когда Гарри Трумэн подписал план «Дропшот» (так янки назвали свой вариант гитлеровского плана «Барбаросса»), согласно которому за Соединенными Штатами признавалось право на первый удар в войне с Советским Союзом и при этом намечалось сбросить на 100 городов нашей страны одновременно 300 атомных бомб. Однако «атомная дипломатия» 33-го президента США потерпела фиаско, когда в Советском Союзе 29 августа 1949 года была испытана первая советская атомная бомба.

В этих условиях, когда Черчилль объявил миру, что СССР ставится в положение внешнеполитической изоляции (концепция «железного занавеса»), И. В. Сталин с удовольствием одобрил линию ученого П. Л. Капицы на усиление воспитания людей в духе советского патриотизма. И именно потому, что И. В. Сталиным был взят курс на борьбу с антипатриотизмом, на борьбу с низкопоклонством, холуй-

ством перед Западом, на борьбу за приоритет советской науки, в октябре 1952 года была создана первая советская электронно-вычислительная машина, 27 июня 1954 года (уже после смерти Иосифа Виссарионовича) впервые в мире была введена в строй атомная электростанция в Обнинске, 4 октября 1957 года был запущен первый в мире искусственный спутник Земли, 5 декабря того же года — был произведен спуск первого в мире атомного ледокола «Ленин», в этот же день был задействован самый мощный в мире ускоритель элементарных частиц — синхрофазотрон, созданный группой ученых под руководством академика В. И. Векслера, еврея по национальности, советского патриота.

И. В. Сталину, к сожалению, не довелось дожить до этих дней триумфа советской науки, не довелось узнать имя Ю. А. Гагарина, совершившего первый в истории человечества прорыв в космос на космическом корабле «Восток», но он знал, что эти дни наступят, потому что сам организовывал эти успехи Советской Родины, которые напрямую связаны с той самой борьбой за приоритет нашей науки, борьбой против космополитизма на всех фронтах общественной жизни.

История сохранила еще один документ той эпохи, где выражена позиция другого крупного ученого еврейского происхождения, академика Л. Д. Ландау и относится этот документ к 1947 году. Ландау писал: «Патриотическая линия принесет нашей науке вред! Мы еще более отгораживаемся от передовых ученых и техников... Я интернационалист, но меня называют космополитом. Я не разделяю науки на советскую и зарубежную. Мне совершенно безразлично, кто сделал то или иное открытие. Поэтому я не могу принять участие в том утрированном подчеркивании приоритета советской и русской науки, которое сейчас проводится». (По поводу «утрированного подчеркивания» в своде «острот» сионских мудрецов возникает новая ехидная издевка: «Да, вопрос этот не нов: Россия — родина слонов. — *Л. Б.*)

«Интернационалисту» и «космополиту» Льву Ландау, конечно же, хотелось вычеркнуть из истории науки то, что именно в России изобрели паровоз и теплоход, телефон, радио и самолеты, электрическую лампочку и пенициллин... Но несмотря на такие оппозиционные настроения, именно в эти годы Лев Ландау трижды получает Сталинскую премию (1946, 1949,1953 гг.).

Почему портреты Сталина все еще можно встретить в израильских кибуцах?

В № 3 периодического издания «Бюллетень спартаковцев» за 1992 год приводятся такие интересные данные: «В то время как Соединенные Штаты отказали в приеме кораблям с еврейскими беженцами, спасавшимися от Гитлера, а Британия в годы войны отправляла их в концлагеря в Австралии, Советский Союз был единственной страной, открывшей свои границы для беглецов от фашистского террора в сколько-нибудь серьезном масштабе. После немецкой оккупации Западной Польши за советскую границу бежало около 500 000 евреев. Более двух миллионов советских евреев были перевезены из западных областей Советского Союза в Среднюю Азию, чтобы не попасть в руки нацистских захватчиков...

Не кто иной, как крайне правый сионист Менахем Бегин, бывший премьер-министр Израиля, признал: «Я не могу забыть, и ни один еврей не должен забывать этого... Благодаря Советскому Союзу сотни тысяч евреев были спасены от рук нацистов». На самом деле число советских и восточноевропейских евреев, переживших нацистский геноцид благодаря Советскому Союзу, было намного выше, возможно, около трех миллионов...»

Как известно, СССР сыграл исключительно важную роль при создании государства Израиль. ООН приняла это

решение по инициативе Советского Союза, и наша страна первой признала молодое государство в начале 1948 года. Прошло более полувека, но израильские старики с благодарностью хранят память о человеке, который фактически подарил им родину — в некоторых израильских кибуцах можно и сегодня встретить портреты И. В. Сталина...

Вся военная техника по распоряжению И. В. Сталина была вывезена в Израиль из Чехословакии в качестве нашей безвозмездной военной помощи. К сожалению, мы так и не получили нового союзника в таком важном регионе мира, каким является Ближний Восток. И виноват в этом международный сионизм, который сделал все возможное и невозможное, чтобы коммунистическая партия Израиля не прорвалась к власти. Вот именно по этой причине В. М. Молотов лишился поста министра иностранных дел СССР, а Н. А. Булганин — министра Вооруженных Сил (И. В. Сталин недоумевал, как эти два опытных министра «не смогли понять, куда пойдет Израиль»).

Что касается настроений евреев в СССР в тот период, то эйфория по поводу нового государства осталась у евреев-националистов и после того, как стало ясно, что Израиль пошел по пути сионизма и антисоветизма, полностью ориентирован не на разоренный за годы тяжелейшей войны СССР, а на сказочно обогатившуюся во Второй мировой войне Америку.

Эдвард Радзинский так описывает встречу первого посла Израиля в СССР Голды Меир, которая торжественно прибыла в Москву 3 сентября 1948 года: «Невиданная толпа в полсотни тысяч человек собралась перед синагогой, куда пришла Голда Меир. Тут были солдаты и офицеры, старики, подростки и младенцы, высоко поднятые на руках родителей. «Наша Голда! Шолом, Голделе! Живи и здравствуй! — приветствовали ее...

Эти слова вдохновили поэта-националиста на такие вот строки:

Мы потихонечку стареем,
Мы приближаемся к золе,
Что вам сказать?
Я был евреем
В такое время на земле...

Встречу Голды Меир у синагоги организовал Еврейский антифашистский комитет, как было установлено, связанный с сионистской организацией «Джойнт», в свое время сотрудничавшей с Гитлером.

21 ноября 1948 года ЕАК (Еврейский антифашистский комитет) был распущен, а через год были арестованы все его члены — Лозовский, Фефер, Юзефович, Квитко, Маркиш, Гофштейн и Штерн. 8-го мая 1952 года начался закрытый судебный процесс над ними. Одним из пунктов обвинения послужил их проект создания Крымской еврейской автономии (напомню, что Крымско-татарская автономия была упразднена всего за 2 года до этого, 26 июня 1946 года — *Л. Б.*).

Когда И. В. Сталину впервые доложили об этом, он сказал: «Мы же еще в 34-м году выделили евреям национальную автономию в составе Хабаровского края. Чего же им еще надо?». По словам Хрущева, «Сталин расценил дело так: налицо акция американских сионистов, члены этого комитета — агенты сионизма, которые хотят создать свое государство в Крыму, чтобы отторгнуть его от Советского Союза и утвердить там агентуру американского империализма». И далее Хрущев продолжает: «А мы все питались тогда рассуждениями Сталина и поддавались его влиянию. Мысль Сталина про шпионаж появилась потому, что Крым — морская граница, доступная иностранным судам. Он считал, что никак нельзя допустить это с точки зрения обороны. Мы ведь всегда стояли на той точке зрения, что надо укреплять оборону, а не ослаблять ее. Правда, данный вопрос никогда по существу не обсуждался, а только высказывалась точка зрения об осторожности и бдительно-

сти. Тут-то и была проявлена Сталиным «бдительность», и он пресек поползновения мирового сионизма, его попытки создать опору в нашей стране для борьбы американского империализма против нас».

После смерти И. В. Сталина Хрущев, чтобы навсегда пресечь поползновения мирового сионизма, отторгнет Крым от России и подарит его «родной Украине», так, походя, создав источник серьезных «разборок» между двумя некогда братскими республиками после ликвидации Советского Союза...

Советские евреи активно участвовали в мирном созидательном труде всего нашего многонационального народа. Лучшим разоблачением мифа об антиеврейском характере космополитической кампании могли бы стать списки тысяч имен советских ученых, деятелей искусств, писателей и поэтов, спортсменов еврейской национальности, удостоенных в эти годы высших государственных наград.

Послушаем воспоминания поэта Константина Симонова: «Когда начали обсуждать роман Ореста Мальцева «Югославская трагедия» И. В. Сталин резко спросил: «Почему Мальцев, а в скобках Ровинский? В чем дело? До каких пор это будет продолжаться? В прошлом году уже говорили на эту тему, запретили представлять на премию, указывая двойные фамилии. Но, видимо, кому-то приятно подчеркнуть, что это еврей. Зачем это подчеркивать? Зачем это делать? Зачем надо насаждать антисемитизм? Кому это надо?».

Это было сказано во время обсуждения произведений, выдвинутых на соискание Сталинской премии. Так вот, в 40-е годы, включая и период с 1949 по 1953 г., треть всех Сталинских премий получали деятели науки и техники, культуры и искусства еврейской национальности.

Среди них — писатели: Самуил Маршак (1942, 1946, 1949, 1951), Илья Эренбург (1942, 1948, 1951), Эммануил Казакевич (1948, 1950) и другие; кинорежиссер Юлий Райзман (1941, 1943, 1946 — дважды, 1950, 1952), певец Марк

Рейзен (1941, 1949, 1951), скрипач Давид Ойстрах (1943), карикатурист Борис Ефимов (1950, 1951) — и многие-многие другие.

Чей голос в годы войны воспринимался детьми, как «голос Сталина»? Еврея Юрия Борисовича Левитана. Чей голос был для футбольных болельщиков с 20-х до конца 60-х благозвучнее любой музыки? Еврея Вадима Святославовича Синявского. Кто владел мировой шахматной короной в течение трех «пятилеток» — с 1948 по 1963, как бы олицетворяя сталинское требование: «Все мировые рекорды должны быть советскими»? Еврей Михаил Моисеевич Ботвинник. Кто был одним из ближайших соратников И. В. Сталина, «последним из могикан», скончавшимся незадолго до ликвидации СССР в 1991 году? Еврей Лазарь Моисеевич Каганович. Кто из евреев, кроме Л. Кагановича, был в составе ЦК партии вплоть до смерти И. В. Сталина? Это генерал-полковник Лев Захарович Мехлис и генерал-полковник Борис Львович Ванников, трижды Герой Социалистического Труда. Из 11 членов Политбюро в 49-м сколько были в родственных связях с евреями? Аж целых 9 (!!!), включая, между прочим, и самого Иосифа Виссарионовича, у которого внук и внучка от первого брака его дочери Светланы Сталиной были наполовину евреями.

Сам И. В. Сталин антисемитом не был, хотя Хрущев в своих «воспоминаниях» и пытается представить его таковым В самый разгар кампании против низкопоклонства перед Западом И. В. Сталин включил в собрание своих Сочинений документ, в котором говорилось: «Антисемитизм как крайняя форма расового шовинизма является наиболее опасным пережитком каннибализма... Антисемитизм опасен для трудящихся, как ложная тропинка, сбивающая их с правильного пути и приводящая их в джунгли. Потому коммунисты, как последовательные интернационалисты, не могут не быть непримиримыми и заклятыми врагами антисемитизма... В СССР строжайше преследуется по законам антисемитизм как явление глубоко враждебное Советскому

строю. Активные антисемиты караются по законам СССР смертной казнью».

Вот вам, сионские «мудрецы», и «государственный антисемитизм»!..

И. В. Сталин знал, что вся антисемитская деятельность в мире проходит под контролем мощнейших сионистских организаций и что борьбу с лакейством и холуйством перед Западом, борьбу с космополитизмом международный сионизм не преминет подать под острым соусом гибели «еврейской культуры в СССР», как «антиеврейскую кампанию», как «агрессивный антисемитизм»...

«Бей жидов, спасай Россию», — это ведь тоже из свода «острот» сионских «мудрецов»...

И. В. Сталин, как бывший наркомнац, не только не был антисемитом, но, как мы убедились не знал, что такое дискриминация на национальной почве. Вождь уважал, ценил и всячески поощрял людей талантливых и преданных общему делу, независимо от их национальности. И в то же время он видел серьезную опасность в международном сионизме.

В ноябре 1939 года И. В. Сталин в беседе с «Валькирией Революции», легендарной А. М. Коллонтай, он провидчески произнес: «Многие дела нашей партии и народа будут извращены и оплеваны прежде всего за границей, да и в нашей стране тоже. Сионизм, рвущийся к мировому господству, будет жестоко мстить нам за наши успехи и достижения. Он все еще рассматривает Россию, как варварскую страну, как сырьевой придаток.

И мое имя тоже будет оболгано, оклеветано. Мне припишут множество злодеяний. Мировой сионизм всеми силами будет стремиться уничтожить наш Союз, чтобы Россия больше никогда не могла подняться.

Сила СССР в дружбе народов, острие борьбы будет направлено прежде всего на отрыв окраин от России. Здесь, надо признаться, мы еще не все сделали. Здесь еще большое поле работы.

С особой силой поднимет голову национализм. Он на какое-то время придавит интернационализм. Появится много вождей-пигмеев, предателей внутри своих наций.

И все же, как бы ни развивались события, но пройдет время, и взоры новых поколений будут обращены к делам и победам нашего социалистического отечества...».

И да сбудутся слова Иосифа Виссарионовича Сталина: «Год за годом будут приходить новые поколения. Они вновь подымут знамя своих отцов и дедов и отдадут нам сполна. Свое будущее они будут строить на нашем прошлом».

Часть 12

СТАЛИН, ХРУЩЕВ И «КЛИКА ТИТО»

«Самодурство Сталина»

Когда судили Берия в декабре 1953 года, среди обвинений против него, выдвинутых Хрущевым, была и попытка установить «контакт с кликой Тито». Но уже через шесть месяцев Хрущев сам берет курс на примирение с Югославией.

А на XX съезде Хрущев, оправдывая взятый им беспринципный курс на сближение с Тито, обвинял И. В. Сталина в «самодурстве», в «подозрительности», в «мании величия» и прочих грехах. И наплел, будто придуманные им самим, Хрущевым, слова, принадлежат И. В. Сталину: «Вот пошевельну мизинцем — и не будет Тито, он слетит».

Хрущев встречался с югославскими вождями Тито и Джиласом в Киеве, где они были проездом, в марте 1945-го после подписания ими советско-югославского договора. (Этот договор просуществует всего четыре года, и по иронии судьбы будет разорван 28 сентября 1949 года, в тот самый день, когда Хрущева, отозванного И. В. Сталиным из Украины, изберут первым секретарем Московского горкома партии и секретарем ЦК — *Л. Б.*). Но тогда, в 1945-м, между Тито и Хрущевым возникло чувство взаимного доверия и симпатии.

И когда ровно десять лет спустя, весной 1955 года, Хрущев с Булганиным, Микояном и Шепиловым прибудут в столицу Югославии, на Белградском аэродроме, при встрече с Тито и его людьми, Хрущев сделает такое заявление:

«Мы искренне сожалеем о том, что произошло, и решительно отметаем все наслоения этого периода.

Со своей стороны, к этим наслоениям мы относим провокаторскую роль, которую сыграли в отношениях между Югославией и СССР ныне разоблаченные враги народа — Берия, Абакумов и другие. Мы обстоятельно изучили материалы, на которых основывались тяжкие обвинения и оскорбления, выдвинутые тогда против руководства Югославии. Факты показывают, что эти материалы сфабрикованы врагами народа, презренными агентами империализма, обманным путем пробравшимися в ряды нашей партии. Мы глубоко убеждены, что период, когда наши отношения были омрачены, остался позади».

На переговорах, которые продолжались в течение одной недели, югославская сторона вела себя вызывающе высокомерно и с откровенной издевкой, особенно когда хрущевцы говорили «о подлеце Берии» и одновременно хвалили И. В. Сталина. Вот как описывал посол Великобритании в Югославии прием советской делегации во главе с Хрущевым: «На прием вместе с Хрущевым и Булганином пришла большая группа советских дипломатов. Они были ужасно одеты — в каких-то широких болтающихся брюках. Югославы, которые были очень элегантны, с ужасом смотрели на братьев-славян, все еще питавших надежду поставить их страну под каблук. Но Тито был твердый орешек» (*Шевелев В. Н.* Н. С. Хрущев. Ростов-на-Дону. С. 141).

Западные журналисты в своих репортажах отмечали, что Хрущев в ходе этого визита редко бывал трезвым. (Там же.) И хотя ему удалось создать в СССР иллюзию примирения с амбициозным Белградом, но недаром ведь говорилось, что «Тито был твердый орешек»: он и не думал идти на поводу у Хрущева.

Впоследствии Хрущев вспоминал: «Я не все знал о том, что послужило поводом к ухудшению отношений между Югославией и Советским Союзом, но кое-что мне было известно. Сталин рассылал мне некоторые телеграммы, по-

лучаемые от советского посла в Югославии. (Хрущев врет, ибо такая переписка ведется посредством дипломатической почты и тут же засекречивается. Да спустя несколько строк читатель сам сможет убедиться в этом из уст самого Хрущева. — *Л. Б.*). В этих телеграммах наш посол рисовал в националистическом свете деятельность Тито и все делал для того, чтобы показать, что это не дружеская страна, что компартия Югославии под руководством Тито ведет подрывную работу против нашей Коммунистической партии... Тогда я работал на Украине и мало занимался международными вопросами, потому что был как бы изолирован в этих делах и не получал соответствующих документов». (Но И. В. Сталин, тем не менее, якобы «рассылал» ему «некоторые телеграммы» от советского посла в Югославии. А с какой стати? Кто бы спросил Хрущева: «А как звали этого самого посла?». Вряд ли бы он вспомнил, что посла того звали А. И. Лаврентьев... — *Л. Б.*).

На июльском (1955 г.) Пленуме ЦК КПСС, вскоре после возвращения из Белграда, подробно обсуждались причины возникновения конфликта с Югославией. При этом Хрущевым была отмечена «очень недостойная роль Сталина». Потому что в «югославском вопросе» якобы не было никаких таких проблем, «которые бы не могли быть решены путем товарищеского партийного обсуждения. Не было и серьезных оснований для возникновения этого «вопроса», вполне возможно было, считал политический пигмей Хрущев, не допустить разрыва с этой страной. Однако, как он отмечал, это не означает, что у югославских руководителей не было ошибок или недостатков. Но эти ошибки или недостатки просто были чудовищно преувеличены Сталиным, что привело к разрыву отношений с дружественной нам страной».

Говоря об этом, Хрущев еще не подозревает, что впереди его ждут события в Польше, Венгрии, советской Прибалтике, когда там поднимут головы разбуженные им темные националистические силы, не решавшиеся заявлять о себе в сталинскую эпоху.

Сегодня, когда и Югославия, и СССР стерты с карты мира, как суверенные государства — члены ООН, и обозначаются публицистами и политологами с обидным словечком «бывшие», когда решился вопрос о вступлении в НАТО ряда восточноевропейских стран социализма, где успешно осуществляется геноцид против большинства народа буржуазными «демократами», сама жизнь подтвердила справедливость и дальновидность И. В. Сталина, который знал, что «ошибки» и «недостатки» Тито представляют серьезную опасность для дела социализма (и не только в Югославии) именно в силу их ревизионистского характера. Вот этим своим пересмотром ряда принципиальных положений марксизма-ленинизма Тито и привлек главаря международного ревизионизма второй половины XX века Хрущева.

И. В. Сталин как руководитель внешней политики СССР в докладе Хрущева на XX съезде выглядит так: «Произвол Сталина проявлялся не только при решении вопросов внутренней жизни страны, но и в области международных отношений Советского Союза».

Итак, по мнению Хрущева, все руководство И. В. Сталина внешней политикой СССР было «произволом», а сам вождь играл в ней «недостойную роль». Посмотрим, так ли это было в действительности?

«Надо проявить терпение и уметь выждать»

Один из югославских руководителей Милован Джилас о своей встрече с И. В. Сталиным вспоминает: «Вполне определенно Сталин разрешил вопрос оказания помощи югославским борцам. Когда я упомянул заем в двести тысяч долларов, он сказал, что это мелочь и что это мало поможет, но что эту сумму нам сразу вручат. А на мое замечание, что мы вернем заем и заплатим за поставку вооружения и другого материала после освобождения, он искренне рассердился: «Вы меня оскорбляете, вы будете проливать

кровь, а я — брать деньги за оружие! Я не торговец, мы не торговцы, вы боретесь за то же дело, что и мы, и мы обязаны поделиться с вами тем, что у нас есть».

События в Югославии во время войны И. В. Сталин отслеживал самым внимательнейшим образом. Как бы ни были велики трудности на советско-германском фронте, И. В. Сталин нашел возможным предоставить тогда Народно-освободительной Армии Югославии (НОАЮ) (в борьбе против фашизма принимало участие свыше 800 тысяч бойцов и партизан Югославии. — *Л. Б.*) 155 тысяч винтовок и карабинов, более 38 тысяч автоматов, 15 тысяч пулеметов, 6 тысяч орудий и минометов, 69 танков, 41 самолет, большое количество боеприпасов и снаряжения. (Андреев Н. Югославская народная армия // Красная Звезда. 1956. 19 сентября).

Красная Армия приходила на помощь югославским партизанам всякий раз, когда складывалась сложная для них ситуация. Так было, например, в 1944 году, когда отборные парашютисты фюрера высадились в районе расположения главного штаба НОАЮ в Дарварском ущелье и едва не разгромили его и не пленили самого Тито. В разгар боевых действий, по указанию И. В. Сталина, советские летчики совершили посадку в районе штаба, а специальной группе захвата во главе с генерал-майором госбезопасности Д. Н. Шадриным (это был один из руководителей личной охраны И. В. Сталина в те годы — *Л. Б.*) под ураганным огнем удалось спасти Тито от захвата немцами и вывезти его на военно-воздушную базу союзников в Италии. (За спасение Иосипа Броз Тито Д. Н. Шадрину, А. С. Шорникову, Б. Т. Калинкину, П. Н. Якимову было присвоено звание Героя Советского Союза, а маршал Тито, со своей стороны, удостоил их звания Народного Героя Югославии. — *Л. Б.*).

Вершиной боевого содружества Красной Армии и Народно-освободительной Армии Югославии была Белградская операция, в результате которой советские и югославские товарищи по оружию освободили столицу Югославии — город Белград.

Однако, помощь Советского Союза вскоре после подписания в 1945 году советско-югославского Договора о дружбе, была позабыта, все боевые заслуги по разгрому гитлеровцев югославская политическая элита стала приписывать Тито и его соратникам, которые начали отрекаться от марксизма-ленинизма и учинили ревизию этого великого учения. Конечно, И. В. Сталин такое стерпеть не мог. И он направил на имя Тито письмо следующего содержания:

«Нам известно, — писал И. В. Сталин, — что в руководящих кругах Югославии распространяются антисоветские заявления, подобно таким, как «ВКП(б) вырождается и в СССР господствует великодержавный шовинизм», «СССР стремится поработить Югославию экономически», «Коминформ — это средство порабощения других партий со стороны ВКП(б)» и т. п. Эти антисоветские заявления прикрываются обычно левой фразой о том, что «социализм в СССР не является уже революционным», что «только Югославия представляет собой подлинного носителя революционного социализма».

Разумеется, смешно слышать подобную болтовню о ВКП(б) от сомнительных марксистов типа Джиласа, Вукмановича, Карделя, Ранковича и других».

Письмо И. В. Сталина обсудили на заседании ЦК КПЮ, после чего был дан ответ, в котором были отвергнуты советские обвинения, как направленные на подрыв авторитета югославских руководителей, как давление великой державы на малую страну, что унижает национальное достоинство и угрожает суверенитету и независимости Югославии. Все члены ЦК, кроме Жуйовича и Хебранга, проголосовали в поддержку данного письма. А Жуйович и Хебранг вскоре были арестованы и расстреляны за измену. Начались массовые репрессии в Югославии против всех, кто стоял за дружбу с Советским Союзом, особенно среди военных, в том числе и высших командиров, которые плечом к плечу еще недавно сражались против общего врага совместно с Красной Армией и желали продолжения дружбы с СССР.

В создавшейся ситуации И. В. Сталин вновь обратился к руководству Югославской компартии. В его новом письме говорилось:

«Мы считаем, что в основе неготовности Политбюро ЦК КПЮ честно признать свои ошибки и сознательно исправить их лежит чрезмерное зазнайство югославских руководителей. После достигнутых успехов у них закружилась голова... Товарищи Тито и Кардель говорят в своем письме о заслугах и успехах югославской компартии, что ЦК ВКП(б) ранее признавал их, а сейчас замалчивает. Это неверно. Никто не может отрицать заслуг и успехов КПЮ. Они бесспорны. Однако заслуги и успехи коммунистических партий Польши, Чехословакии, Венгрии, Румынии, Болгарии, Албании нисколько не меньше... И все же руководители этих партий держат себя скромно и не кричат о своих заслугах в отличие от югославских руководителей, которые прожужжали всем уши своим неуемным бахвальством...

Успехи югославской компартии объясняются не какими-то особыми качествами, а преимущественно тем, что после разгрома штаба югославских партизан немецкими парашютистами в момент, когда народно-освободительное движение в Югославии переживало кризис, Красная Армия пришла на помощь югославскому народу, разбила немецких оккупантов, освободила Белград и тем самым создала условия для прихода к власти югославской компартии...

Успехи французских и итальянских коммунистов, которым, к сожалению, Красная Армия не могла оказать такой помощи, какая была оказана КПЮ, были сравнительно большими, чем у югославов...

Если бы товарищ Тито и Кардель приняли во внимание это обстоятельство как бесспорный факт, они меньше шумели бы о своих заслугах и держались бы достойно и скромно».

Конечно, Тито понимал, что ему не тягаться с И. В. Сталиным, поэтому на V съезде КПЮ 21—27 июля 1948 года, где он был вновь избран генсеком ЦК КПЮ, последняя

фраза его прозвучала так: «Да здравствует товарищ Сталин!». Потом в узком кругу он заявит: «Это не пресмыкательство. Так было нужно для наших масс. Авторитет Сталина бесспорен». Понятное дело, он видел, что ни одна из восьмидесяти с лишним компартий в произошедшем конфликте не поддержала ни его, ни Югославию. Все склонялись перед авторитетом Сталина и согласились с его выводами о югославах.

И. В. Сталин занял в этих условиях разумную и правильную позицию, направленную на то, что необходимо время, чтобы югославы поняли свое поведение. Он сказал: «Для этого надо проявить терпение и уметь выждать».

Еще 17 января 1948 года Г. Димитров проводит в Софии пресс-конференцию, на которой заявляет о желательности создания федерации или конфедерации Балканских и придунайских государств, с включением сюда Польши, Чехословакии и Греции.

Поскольку Запад продолжал обвинять Советский Союз в поддержке коммунистических партизан Греции, такое заявление авторитетного лидера Болгарии вызвало нездоровый ажиотаж в мировой прессе. И. В. Сталин направляет телеграмму Г. Димитрову: «Трудно понять, что побудило Вас делать на пресс-конференции такие неосторожные и непродуманные заявления». 28 января «Правда» осуждает идею организации федерации или конфедерации Балканских и придунайских стран, включая сюда Польшу, Чехословакию, Грецию и о «создании таможенной унии между ними» как «проблематичную и надуманную».

В. М. Молотов по поручению И. В. Сталина направляет 1 февраля на имя И. Броз Тито телеграмму: «... Вы считаете нормальным такое положение, когда Югославия, имея договор о взаимопомощи с СССР, считает возможным не только не консультироваться с СССР о посылке своих войск в Албанию, но даже не информировать СССР об этом в последующем порядке. К Вашему сведению сообщаю, что Советское правительство совершенно случайно узнало о ре-

шении югославского правительства относительно посылки ваших войск в Албанию из частных бесед советских представителей с албанскими работниками.

СССР считает такой порядок ненормальным. Но если Вы считаете такой порядок нормальным, то я должен заявить по поручению Правительства СССР, что Советский Союз не может согласиться с тем, чтобы его ставили перед свершившимся фактом. И, конечно, понятно, что СССР, как союзник Югославии, не может нести ответственность за последствия такого рода действий, совершаемых югославским правительством без консультаций и даже без ведома Советского правительства...».

А спустя еще три дня В. М. Молотов по поручению И. В. Сталина направляет телеграмму в Софию и Белград, в которой обвиняет Георгия Димитрова в срыве работы СССР по подготовке ряда договоров о взаимной помощи: «Неудачное интервью тов. Димитрова в Софии дало повод ко всякого рода разговорам о подготовке восточноевропейского блока с участием СССР... В теперешней обстановке заключение Советским Союзом пактов о взаимопомощи, направленных против любого агрессора, было бы истолковано в мировой печати как антиамериканский и антианглийский шаг со стороны СССР, что могло бы облегчить борьбу агрессивных сил США и Англии».

10 февраля в кремлевском кабинете И. В. Сталина проходит трехсторонняя советско-болгаро-югославская встреча. От Болгарии присутствуют Г. Димитров, В. Коларов и Т. Костов. От Югославии — Э. Кардель, М. Джилас и В. Бакарич. Иосип Броз Тито на эту встречу ехать отказался, сославшись на нездоровье.

(Во время разгула оголтелого антисталинизма, когда о И. В. Сталине можно было писать всякую гадость, и газеты с удовольствием печатали это, борзописцы-«публицисты» понавыдумывали, что в правом ящике своего письменного стола И. В. Сталин держал наготове заряженный пистолет, чтобы лично пристрелить Тито... А это все было результатом того, что Хрущев рассказывал на XX съезде, что по-

теряв чувство реальности, Сталин даже заявил (кому конкретно?): «Достаточно мне пошевелить мизинцем, и Тито больше не будет. Он падет. У меня, — самозабвенно сочиняет Хрущев, — есть сведения, правда требующие дополнительного изучения, о конкретных мерах по устранению Тито, которые предложил Сталин. Только вот почему они не были осуществлены — остается тайной». — *Л. Б.*).

Выступил В. М. Молотов, который перечислил все действия Болгарии и Югославии, не согласованные с СССР. Когда Молотов зачитал абзац из болгаро-югославского договора о готовности сторон выступить «против любой агрессии, с какой бы стороны она ни исходила», И. В. Сталин резонно заметил: «Но ведь это же превентивная война, это самый обычный комсомольский выпад. Это обычная громкая фраза, которая дает пищу врагу». Затем обратил свой праведный гнев на Г. Димитрова: «Вы и югославы не сообщаете о своих делах, мы обо всем узнаем на улице. Вы ставите нас перед свершившимися фактами!». Молотов суммировал: «А все, что Димитров говорит, что говорит Тито, за границей воспринимается, как сказанное с нашего ведома».

Совещание продолжилось и на следующий день и завершилось подписанием соглашения СССР с Болгарией и Югославией о консультациях по внешнеполитическим вопросам.

1 марта в Белграде проходит расширенное заседание Политбюро, где Тито заявляет: «Югославия подтвердила свой путь к социализму. Русские по-иному смотрят на свою роль. На вопрос надо смотреть с идеологической точки зрения. Правы мы или они? Мы правы... Мы не пешки на шахматной доске... Мы должны ориентироваться только на свои силы». Тито согласился с мнением одного из членов Политбюро, что «политика СССР — это препятствие к развитию международной революции».

Таким образом, инициатором разрыва с Советским Союзом была югославская сторона, а вовсе не И. В. Сталин, как это утверждал Хрущев.

Югославские лидеры так и не поняли, что их необдуманные шаги на мировой арене, предпринятые без согласования с Кремлем и вопреки его намерениям, в условиях «холодной войны», когда Советский Союз не располагал атомным оружием, были опасны для судеб мира. Но И. В. Сталин не мог тогда и публично заявить, что Югославия бросает вызов империализму Запада, а СССР сдерживает ее, поскольку в этом случае всему миру было бы понятно, насколько СССР опасается (и это было так. — *Л. Б.*) ядерного конфликта. Это обстоятельство лишь спровоцировало бы наиболее агрессивные англо-американские круги на немедленное выступление против СССР, может даже с применением атомного оружия, ведь реакционные круги США во главе с президентом Трумэном, окрыленные опытом Хиросимы и Нагасаки, вынашивали безумные планы единовременного уничтожения 300 городов Советского Союза.

Всего этого не знал, да и не должен был знать, первый секретарь республиканской парторганизации Хрущев, у которого просто не было допуска к государственным секретам особой важности.

Часть 13

ЖЕНА И СЫН СТАЛИНА

Суицид Надежды Аллилуевой

10 ноября 1932 года в газете «Правда» появилось короткое сообщение: «В ночь на 9 ноября скончалась активный и преданный член партии тов. Надежда Сергеевна Аллилуева. ЦК ВКП(б)».

В этом же номере газеты под заголовком «ДОРОГОЙ ПАМЯТИ ДРУГА И ТОВАРИЩА НАДЕЖДЫ СЕРГЕЕВНЫ АЛЛИЛУЕВОЙ» был помещен некролог, подписанный Екатериной Ворошиловой, Полиной Жемчужиной-Молотовой, Зинаидой Орджоникидзе, Дорой Хазан, Марией Каганович, Татьяной Постышевой, Ашхен Микоян, К. Ворошиловым, В. Молотовым, С. Орджоникидзе, В. Куйбышевым, М. Калининым, Л. Кагановичем, П. Постышевым, А. Андреевым, С. Кировым, А. Микояном, А. Енукидзе:

«Не стало дорогого, близкого нам товарища, человека прекрасной души. От нас ушла еще молодая, полная сил и бесконечно преданная партии и революции большевичка.

Выросшая в семье рабочего-революционера, она с ранней молодости связала свою жизнь с революционной работой. Как в годы гражданской войны на фронте, так и в годы развернутой социалистической стройки, Надежда Сергеевна самоотверженно служила делу партии, всегда скромная и активная на своем революционном посту. Требовательная к себе, она в последние годы упорно работала над собой, идя в рядах наиболее активных в учебе товарищей в Промакадемии.

Память о Надежде Сергеевне как о преданнейшей большевичке, жене, близком друге и верной помощнице тов. Сталина будет нам всегда дорога».

18 ноября в «Правде» была опубликована телеграмма И. В. Сталина:

«Приношу сердечную благодарность организациям, учреждениям, товарищам и отдельным лицам, выразившим свое соболезнование по поводу кончины моего близкого друга и товарища Надежды Сергеевны Аллилуевой-Сталиной»...

Начальник Главного управления кремлевской охраны генерал-лейтенант Н. С. Власик в своих «Записках» вспоминает: «Жена Сталина, Надежда Сергеевна Аллилуева, скромная женщина, редко обращалась с какими-нибудь просьбами, скромно одевалась, не в пример женам многих ответственных работников. Она училась в Промакадемии и много внимания уделяла детям... В 1932 году она трагически погибла. Иосиф Виссарионович глубоко переживал потерю жены и друга. Дети еще были маленькие, уделять им много внимания т. Сталин ввиду своей занятости не мог. Пришлось передать воспитание и заботу о детях Каролине Васильевне (К. В. Тиль — экономка семьи Сталина. — *Л. Б.*) Она была культурной женщиной, искренне привязанной к детям».

Анна Сергеевна, сестра Надежды, рассказывала, что в самые последние недели перед самоубийством, когда жена Сталина заканчивала Промакадемию, у Надежды Сергеевны был план уехать к ней в Харьков, чтобы устроиться по специальности и жить там. У Нади это стало навязчивой мыслью, ибо ей очень хотелось освободиться от своего высокого положения, которое стало почему-то ее угнетать.

А вскоре наступила трагическая развязка. По воспоминаниям Светланы, повод был сам по себе незначителен и ни на кого не произвел особого впечатления. Всего-навсего небольшой инцидент на праздничном банкете в честь 15-й годовщины Октября. Сталин сказал ей: «Эй, ты. Пей!» А она вскрикнула вдруг: «Я тебе не эй!» — встала и при всех

ушла вон из-за стола. О том, как все это случилось, Светлане рассказала ее няня незадолго до своей смерти. Светлана Аллилуева пишет: «Ей не хотелось уносить с собой это, хотелось очистить душу, исповедаться».

Экономка Каролина Васильевна Тиль утром всегда будила Надежду, спавшую в своей комнате. И. В. Сталин ложился у себя в кабинете или в маленькой комнатке с телефоном, возле столовой. Он и в ту ночь спал там, поздно возвратясь с того самого праздничного банкета, с которого Надежда вернулась раньше. Каролина Васильевна рано утром, как всегда, приготовила завтрак в кухне и пошла будить Надежду Сергеевну. Увидев, что Аллилуева лежит вся в крови возле самой кровати, и то, что в руке у нее маленький, почти бесшумный пистолет «вальтер», привезенный ей когда-то братом из Берлина, трясясь от страха и не в силах вымолвить ни слова, она побежала в детскую и позвала няню. Решили И. В. Сталина не будить и пошли вместе в спальню. Обе женщины положили тело на постель, привели его в порядок.

Потом побежали звонить тем, кто был для них ближе, — начальнику охраны, Енукидзе, Полине Молотовой, близкой подруге Надежды. Вскоре все прибежали. Пришли также Молотов, Ворошилов. Никто не мог в это поверить. Наконец, и Сталин вышел в столовую. «Иосиф, Нади больше нет с нами», — сказали ему. Это произошло в ночь с 8 на 9 ноября 1932 года. Сталин был потрясен. Говорил, что ему самому не хочется больше жить.

Но профессиональный сплетник Хрущев, вечно перепевавший с чужих слов, никогда не дававший себе труда до конца разобраться с вопросом, прежде чем выплеснуть это в историю, пишет: «Потом люди говорили, что Сталин пришел в спальню, где он и обнаружил мертвую Надежду Сергеевну, не один пришел, а с Ворошиловым. Так ли это было, трудно сказать. Почему это вдруг в спальню нужно ходить с Ворошиловым? А если человек хочет взять свидетеля, то, значит, он знал, что ее уже нет? Одним словом, эта сторона

дела до сих пор темна»... «Тогда еще ходили глухие сплетни, что Сталин сам убил ее. Были такие слухи, и я лично их слышал. Видимо, и Сталин об этом знал. Раз слухи ходили, то, конечно, чекисты записывали и докладывали».

«Потом люди говорили»... «Так ли это было, трудно сказать»... «Эта сторона дела до сих пор темна»... Да, Никита Сергеевич Хрущев оказался идеальным лжесвидетелем Истории...

9 ноября 1932 года профессор Александр Соловьев записал в своем дневнике: «Сегодня тяжелый день. Придя в Промакадемию для чтения лекции, застал большое смятение. Ночью дома трагически погибла жена т. Сталина — Н. С. Аллилуева. Она много моложе его, лет тридцать с чем-то. Стала женой после революции, работая молодой сотрудницей ЦК. Теперь училась последний год в Промакадемии на химическом факультете. Была на моих лекциях. Одновременно заканчивала Менделеевский институт на факультете искусственного волокна. И вот эта загадочная смерть.

Среди промакадемцев много всяких разговоров и предположений. Одни говорят, ее застрелил т. Сталин. Далеко за полночь он сидел один в кабинете за бумагами. Услышал за спиной у двери шорох, схватил револьвер и выстрелил. Он стал очень подозрителен, все кажется, что на него покушаются. А это входит жена. Сразу наповал.

Другие говорят, у них были большие политические расхождения. Аллилуева его обвиняла в жестокости к оппозиционерам и раскулачивании. Во время спора и запальчивости т. Сталин стрелял в нее.

Третьи утверждают, несчастье произошло из-за семейной ссоры. Аллилуева вступилась за отца, старого ленинца, и за старшую сестру, партийку. Обвинила мужа в недопустимом бессердечном преследовании их за некоторое несогласие с ним. Тов. Сталин не стерпел упреков и стрелял.

Много разных других слухов и сплетен застал я.

Из ЦК позвонили: прекратить всякие домыслы и вымыслы. Заниматься чем положено — учебой». (Цит. по кн Л. Млечина «Смерть Сталина». М. 2003. С. 264—265).

Как пишет В. Аллилуев, «что касается слухов и домыслов относительно смерти Надежды, то они клубились еще в то время. Моя мама часто заговаривала об этом со Сталиным, но он только пожимал плечами и отвечал: «На каждый роток не накинешь платок»».

И вот Лев Троцкий дает свою интерпретацию причины самоубийства Надежды Аллилуевой: «9 ноября 1932 года Аллилуева внезапно скончалась. Ей было всего 30 лет. Насчет причин ее неожиданной смерти советские газеты молчали. В Москве шушукались, что она застрелилась, и рассказывали о причине. На вечере у Ворошилова в присутствии всех вельмож она позволила себе критическое замечание по поводу крестьянской политики, приведшей к голоду в деревне. Сталин громогласно ответил ей самой грубой бранью, которая существует на русском языке. Кремлевская прислуга обратила внимание на возбужденное состояние Аллилуевой, когда она возвращалась в свою квартиру. Через некоторое время из ее комнаты раздался выстрел. Сталин получил много выражений сочувствия и перешел к порядку дня».

Впрочем, и Хрущев возьмет на вооружение «политическую» версию гибели Аллилуевой. В полном четырехтомном издании «мемуаров» Хрущева (Т. 2. С. 436—437) мы встречаем такие строки: «Это был 1932 год, когда Сталин развернул гигантскую всероссийскую мясорубку — насильственную коллективизацию, когда миллионы крестьянских семей в нечеловеческих условиях отправлялись в концлагеря на истребление. Слушатели Академии, люди, приехавшие с мест, видели своими глазами этот страшный разгром крестьянства. Конечно, узнав, что новая слушательница — жена Сталина, они прочно закрыли рты. Но постепенно выяснилось, что Надя превосходный человек, добрая и отзывчивая душа: увидели, что ей можно доверять. Языки развязались, и ей начали рассказывать, что на самом деле происходит в стране.

Надя пришла в ужас и бросилась делиться своей информацией к Сталину. Воображаю, как он ее принял — он никогда не стеснялся называть ее в спорах дурой и идиоткой. Сталин, конечно, утверждал, что ее информация ложна и что это контрреволюционная пропаганда. Надя назвала имена своих собеседников. Все оказавшие ей доверие слушатели были арестованы и расстреляны. Если она имела еще какие-либо сомнения насчет того, что такое Сталин, то они были последними. Потрясенная Надя, наконец, поняла, с кем она соединила свою жизнь, и застрелилась. Конечно, свидетелем рассказанного здесь я не был; но я так понимаю ее конец по дошедшим до нас данным».

Почему бы не предположить, что истинным виновником гибели Надежды Аллилуевой был как раз Никита Хрущев? Допустим, что факты недовольства политикой коллективизации и индустриализации действительно имели место в Промакадемии и что Аллилуева по простоте душевной поделилась со Сталиным этой информацией. Но не Надя назвала имена своих собеседников. Это мог сделать только один человек — секретарь партячейки академии — Никита Хрущев, имя которого уже врезалось в память И. В. Сталина, как имя человека «трусливого и который может кривить душой». Понятно, что «инакомыслящие» считали, что их «сдала» Аллилуева, но она застрелилась, а истинный «доносчик» сделал себе головокружительную политическую карьеру...

О Хрущеве один его современник писал: «Истории вопроса для него не существовало, видел он обычно одну, от силы две стороны предмета — довольно случайные, но чем-то привлекательные, о целом клубке связей и не подозревал... Он все время забывал и опускал что-нибудь такое, что, казалось бы, невозможно упустить или забыть, все время преувеличивал или преуменьшал такие вещи, истинные размеры которых были очевидны».

О том, что Хрущев был человек недалекого ума, говорит и тот факт, что в тех же «мемуарах», помимо опи-

санной выше версии, где самоубийство Аллилуевой Хрущев объясняет причинами политического характера, он дает еще одну, пожалуй, самую гнусную версию: «Мы похоронили Аллилуеву. Сталин выглядел опечаленным, стоя у ее могилы. Не знаю, что было у него на душе, но внешне он скорбел. После смерти Сталина я узнал историю смерти Аллилуевой. Конечно, эта история никак документально не подтверждена. Власик, начальник охраны Сталина, рассказал, что после парада все отправились обедать к военному комиссару Клименту Ворошилову на его большую квартиру. После парадов и других подобных мероприятий все обычно шли к Ворошилову обедать.

Командующий парадом и некоторые члены Политбюро отправились туда прямо с Красной площади. Все выпили, как обычно в таких случаях. Наконец все разошлись. Ушел и Сталин. Но он пошел не домой.

Было уже поздно. Кто знает, какой это был час. Надежда Сергеевна начала беспокоиться. Она стала искать его, звонить на одну из дач. И спросила дежурного офицера, нет ли там Сталина. «Да, — ответил он. — Товарищ Сталин здесь». — «Кто с ним?» — Он ответил, что с ним женщина, назвал ее имя. Это была жена одного военного, Гусева, который тоже был на том обеде. Когда Сталин ушел, он взял ее с собой. Мне говорили, что она очень красивая. И Сталин спал с ней на этой даче, а Аллилуева узнала об этом от дежурного офицера.

Утром — когда, точно не знаю — Сталин приехал домой, но Надежды Сергеевны уже не было в живых. Она не оставила никакой записки, а если записка и была, нам никогда об этом не говорили.

Позже Власик сказал: «Тот офицер — неопытный дурак. Она спросила его, а он взял и сказал ей все» (*Хрущев.* Т. 1 С. 53—54)

«Правдоподобная», то есть «подобная правде» версия не есть сама правда. И чаще всего именно в тогу правдоподобия рядится самая злонамеренная ложь. Такими мне

представляются от начала и до конца так называемые «мемуары» Хрущева, у которого была какая-то патологическая ненависть к И. В. Сталину, и даже выраженная значительно глубже, чем у величайшего антагониста И. В. Сталина — Троцкого, хотя последнего по праву можно считать основоположником антисталинизма.

Лейба Бронштейн, он же Троцкий, в 1932 году живет и занимается подрывной деятельностью за границей против Советского государства, его вождей и лично И. В. Сталина. Троцкий питается «сплетнями» и «слухами», циркулировавшими в Москве среди его единомышленников. Они ему сообщили о «политическом» характере публичного скандала в семействе генсека, и он поверил: ну что взять с изгнанника?

Но вот с Хрущева спрос иной. Как можно верить ему, что он узнал «историю смерти Аллилуевой» лишь после «смерти Сталина», когда именно ей, Надежде Сергеевне, и уважению Сталина к ее памяти, он был обязан своим головокружительным взлетом на политический Красный Олимп?

Хрущев не мог не знать, как потрясла вождя гибель его любимой «Татьки», которой он писал такие нежные письма, получая не менее трогательные ответы.

Хрущев не мог не знать, что после того рокового дня, по просьбе Сталина, они с Бухариным произвели обмен кремлевскими квартирами, так как не мог вождь жить в стенах, где все напоминало ему о недавнем трагическом событии.

Хрущев не мог не знать, что до конца своей жизни Сталин держал на видном месте фотографии Надежды Сергеевны — одну в кремлевской квартире и две — на даче: в столовой и в кабинете.

Хрущев не мог не знать о том, что страдавший хронической бессонницей Иосиф Виссарионович иногда по ночам просил шофера без лишнего шума подвезти его на Новодевичье кладбище, где покоится прах его жены, и долго

сидел, предаваясь безутешной скорби, на мраморной скамейке, что до сих пор стоит напротив установленного по его заказу великолепного мраморного памятника, сооруженного знаменитым символистом И. Шадром.

В. М. Молотов вспоминал похороны Аллилуевой: «Я никогда не видел Сталина плачущим. А тут, у гроба Аллилуевой, вижу, как у него слезы покатились». Сталин писал своей матери в марте 1934 года: «После кончины Нади, конечно, тяжела моя личная жизнь. Но ничего, мужественный человек должен остаться всегда мужественным».

По версии Хрущева, это роковое событие произошло не в ночь с 8 на 9 ноября, то есть фактически 9 ноября (кстати, эта дата фигурирует и у Троцкого), а утром 8 ноября, так как банкет у Ворошилова, по Хрущеву, состоялся сразу же после праздничной демонстрации в честь 15-й годовщины Октября.

Грязная сцена, когда на глазах у мужа, офицера Красной Армии, авторитетный политик, личность мирового масштаба, великий вождь советского народа, словно разгулявшийся развратный купчик, уводит в постель его красивую жену — это плод сексуальных фантазий Хрущева. Неубедителен и вымышленный разговор «неопытного дурака» дежурного офицера с Надеждой Сергеевной Аллилуевой, несостоятельна и ссылка на генерал-лейтенанта Н. С. Власика, которого, по словам телохранителя Сталина А. Рыбина, «в 1952 году Хрущев вместе с Берия упек за решетку, а после освобождения поселил в коммуналку, где обесчещенный старик вскоре скончался от переживаний». Ну не в тюрьме же и не в коммуналке Власик мог рассказывать Хрущеву «пикантные подробности» событий более чем 20-летней давности. Смех, да и только!

В этой же книге «Рядом со Сталиным» мы можем прочитать такое свидетельство неотступной «тени Сталина» — Алексея Трофимовича Рыбина: «В нравственном отношении вождь был чист, как никто другой. После смерти жены жил монахом».

А помощник В. И. Ленина, бежавший за границу, автор книги «Воспоминания бывшего секретаря Сталина», писал, что после смерти жены «ко множеству «фобий» Сталина добавилась еще одна — женофобия»

Есть на этот счет и аналогичное свидетельство Вячеслава Михайловича Молотова, то есть людей, великолепно знавших вождя, каждый шаг его жизни.

А вот некие К. и Т. Енко (под этим претенциозным псевдонимом скрываются отец и сын Ткаченко) в книге «Частная жизнь вождей. Ленин. Сталин. Троцкий» к последней фразе Рыбина, не без злого умысла добавили простое отрицание «не», и смысл поменялся на противоположный: «После смерти жены Н. Аллилуевой в 1932 году Сталин, по свидетельству его охраны, *не* (???) *жил монахом*» (Указанная книга. М., 2000. С. 148). А это, в свою очередь, дало «К. и Т. Енко» возможность широко цитировать из зловонной вымышленной от начала до конца книжонки махрового антисталиниста Л. Гендлина «Исповедь любовницы Сталина».

Трагедия Василия Сталина

Дети Больших Родителей — особая статья общественного интереса: если они живы и могут что-либо добавить — пусть даже какой-нибудь малосущественный штришок к уже, казалось бы, хорошо известному портрету своего выдающегося родителя — это всегда ценно. Правда, тут существует опасность, о которой очень хорошо знал И. В. Сталин, когда отмечал, что самые плохие свидетели — очевидцы. Как правило, после смерти Больших Родителей, в обществе возникает в той или иной степени некое мифотворчество, и вот тут очень важно, чтобы родные дети не оказались в роли самых заурядных мифотворцев, чтобы прежде всего они бережно и трепетно отнеслись к памяти самого близкого им человека, соблюдая хотя бы элемен-

тарно принципы историзма и чувство меры, не давая волю личным обидам, амбициям или фантазиям.

Вот пример. О самом Большом Родителе — И. В. Сталине много написала его дочь, Светлана Сталина-Аллилуева, в свое время, вопреки воле брата Василия отказавшаяся (может, под давлением Хрущева, либо созданной им морально-психологической атмосферы нетерпимости к самому имени И. В. Сталина) от фамилии отца в пользу фамилии матери. К сожалению, наряду с ценными воспоминаниями, есть в них немало моментов, которые не могут считаться достоверными, носят характер глубокого субъективизма, хотя для многих, и, прежде всего зарубежных буржуазных советологов-сталиноведов С. Аллилуева считается непререкаемым авторитетом — как же, родная дочь И. В. Сталина, сама видела (или подсмотрела) сама слышала (или подслушала), кое-что домыслила или переосмыслила пост-фактум, нередко спустя многие годы. Даже такой неординарный момент, как смерть Иосифа Виссарионовича, когда, казалось бы, должна была врезаться в память каждая мелочь, имеет несколько версий, в числе которых и версия дочери — вот уж воистину сказано: самые плохие свидетели — очевидцы.

Моральная травля самой Светланы, организованная Хрущевым, началась в феврале 1956 года, то есть сразу же после XX съезда, когда по его иезуитскому поручению Микоян прислал за дочерью Сталина машину, которая доставила Светлану к дому Анастаса Ивановича, где ей был вручен для ознакомления «секретный доклад» Хрущева и где она провела за чтением этого, как мы теперь абсолютно точно знаем, клеветнического «документа», несколько часов.

А через пару дней ее с иезуитским садизмом принудили присутствовать на собрании в Институте мировой литературы, где обсуждали при стечении народа этот самый пресловутый «документ» и поносили ее отца. Конечно же, присутствовавшие знали, что в зале находится дочь И. В. Сталина, они перешептывались, указывали на нее глазами, но тем не менее страсти своей не умерили.

И все же вряд ли можно сравнить ее бурную, полную неординарных событий судьбу с трагической участью ее брата Василия, тридцатидвухлетнего генерал-лейтенанта, бывшего командующего авиацией Московского военного округа, которого арестовали спустя буквально полтора месяца после смерти отца, лишив всех званий и наград, продержали под следствием более двух лет в камере-одиночке и, в конце концов, по сфабрикованному ложному обвинению посадили на долгие восемь лет во Владимирскую тюрьму.

Что расправа с сыном И. В. Сталина — дело рук исключительно Хрущева, говорит тот факт, что после расстрела Берия были выпущены из тюрем и лагерей все «его» жертвы. Однако продолжал сидеть Василий Сталин, которого (ну чем не иезуитский прием?) допрашивал в День Победы 9 мая 1953 года по распоряжению Хрущева генерал-лейтенант Влодзимирский, расстрелянный в связи с «делом Берия» 23 декабря того же года по обвинению в злоупотреблении служебным положением и фальсификации уголовных дел. В протоколе допроса от 9 мая Василий категорически отметает обвинение: «Расхищения государственных средств и казенного имущества в целях личного обогащения я не совершал и виновным себя признать не могу».

Но вот уже после ареста Влодзимирского новый хрущевский министр внутренних дел С. Н. Круглов в письме в Кремль повторяет слово в слово вздор о том, что в процессе следствия арестованный Сталин В. И. «признал себя виновным в том, что он систематически допускал незаконное расходование, разбазаривание казенного имущества и государственных средств. А также использовал служебное положение в целях личного обогащения».

Правда, ниже он приводит подлинную причину ареста Василия Сталина: «Допускал враждебные выпады и антисоветские клеветнические высказывания в отношении руководителей КПСС и Советского государства, а также высказывал намерение установить связь с иностранными кор-

респондентами с целью дать интервью о своем положении после кончины Сталина И. В.».

В «Письмах к другу» дочь Сталина пишет, что увидев отца мертвым, Василий сразу же высказал свою догадку, слух о которой прокатился по Москве: отца отравили. Это утверждение он повторял и позже, в самых разных компаниях. Понятно, что соучастникам антисталинского заговора не оставалось ничего иного, как только изолировать опасного Василия на долгие годы, и, в конце концов, когда Хрущеву удалось выбить из игры всех своих политических конкурентов, ликвидировать и сына Сталина — Василия.

Бывший сотрудник Владимирской тюрьмы А. С. Малинин вспоминал, как появился в этом учреждении Василий Сталин: «Его привезли поздно ночью, я тогда был на дежурстве. Одет он был в летнюю кожаную куртку, худощавый такой, с усиками. Мы уже знали, что он будет числиться по тюремному делу как «Васильев Василий Петрович»: таким было пожелание Кремля (читай — Хрущева. — *Л. Б.*).

Через месяц его перевели в третий корпус на третий этаж, в угловую камеру. Там он и отбывал весь срок — до осени 1959 года, когда его опять увезли в Лефортово. Официально от всех скрывали, что это сын Сталина, но почти все мы это знали и звали его просто Василий. Раза два он болел, нога у него сохла, с палочкой ходил, лежал в нашем лазарете... Ничего плохого про него сказать не могу. Вел себя спокойно, корректно, и мы относились к нему так же. Помню, вызывает меня начальник тюрьмы: «У твоей жены сегодня день рождения, возьми и передай поздравления». Дают мне корзину, а в ней 35 алых роз.

Я сначала не понял, с чего это такая забота о моей жене. А потом выяснилось: 24 марта Василию исполнилось в тюрьме 35 лет, ему передали корзину цветов, а он в камеру нести их отказался. «Завянут быстро, — говорит, — без света. Отдайте кому-нибудь из женщин». Жена моя до сих пор этот букет забыть не может. Таких цветов ей в жизни никто никогда не дарил»».

Василий Сталин неоднократно писал высшему руководству страны, и, в частности, Хрущеву. Но ответа ни на одно из них не приходило. Вот выдержки из письма от 10 апреля 1958 года: «Никита Сергеевич! Сегодня слушал Вас по радио и опять пишу Вам. Знаю, что надоел, но что же мне делать, но что же мне делать, Никита Сергеевич?!

Я смотрю на действительных врагов, — они легко переносят заключение, гордятся им. Силы им дает ненависть. Но какая у меня может быть ненависть и к кому? Буду откровенен до конца, Никита Сергеевич! Бывали и бывают моменты, когда и ругаю в душе Вас. Потому что невозможно не ругнуться, глядя на четыре стены, глазок и беспросветность своего существования со всеми этими зачетами, работой, содержанием и т. д. Ведь по всем законам 4 февраля 1958 года я должен был быть дома... Берет злость, дикая злость, Никита Сергеевич, на того, кто Вам представил меня в таком виде, что Вы соглашаетесь, даже сверх срока, держать меня в тюрьме, ибо я «враг».

Ну, как мне убедить Вас в обратном?!»

Приведя это письмо полностью, историк Н. Зенькович вопрошает: «Читал ли Н. С. Хрущев это послание? Читал. Никому не ведомо, какие чувства он при этом испытывал. Злорадство? Удовлетворенность? Если верна версия о том, что Сталин не пощадил его сына Леонида, прося за которого Хрущев едва ли не на коленях ползал перед ним, то, наверное можно допустить и чувство мести».

О том, как новый хозяин Кремля расправился с сыном И. В. Сталина, лучше всего расскажут два документа, направленные на имя Хрущева Генпрокурором СССР Руденко и председателем Комитета госбезопасности Шелепиным 7-го апреля 1961 г. и почти через год, 19 марта 1962 г., новым председателем КГБ — Семичастным. Оба послания — под грифом «Совершенно секретно».

Документ № 1. «28 апреля 1961 года подлежит освобождению из тюрьмы в связи с отбытием наказания Сталин В. И.

За период пребывания в местах заключения В. И. Сталин не исправился, ведет себя вызывающе, злобно, требует для себя особых привилегий, которыми он пользовался при жизни отца.

На предложение, сделанное ему о том, чтобы после освобождения из тюрьмы выехать на постоянное жительство в гг. Казань или Куйбышев, В. И. Сталин заявил, что добровольно из Москвы он никуда не поедет. На предложение о смене фамилии, он также категорически отказался и заявил, что если ему не будут созданы соответствующие условия (дача, квартира, пенсия и т. д.), то он молчать не будет, а станет всем говорить о том, что осудили его в свое время необоснованно и что в отношении его чинится произвол.

В неоднократных беседах с ним, он постоянно подчеркивал, что по выходе из тюрьмы будет добиваться приема у товарища Хрущева и у других членов Президиума ЦК КПСС, а также писать письма и заявления в различные инстанции.

При этом он высказал мысль о том, что возможно снова обратится в китайское посольство с просьбой отправить его в Китай, где он будет лечиться и работать.

Прокуратура СССР и Комитет госбезопасности убеждены, что В. И. Сталин, выйдя на свободу, будет снова вести себя по-прежнему неправильно. В связи с этим считаем целесообразным Постановлением Президиума Верховного Совета СССР в порядке исключения из действующего законодательства, направить В. И. Сталина после отбытия наказания в ссылку сроком на 5 лет в г. Казань (в этот город запрещен въезд иностранцам). В случае самовольного выезда из указанного места, согласно закону, он может быть привлечен к уголовной ответственности. (Значит, ссылать будем в нарушение социалистической законности, в порядке, так сказать, исключения, а наказывать за сопротивление произволу — в полном соответствии с законом... — *Л. Б.*). В городе Казани предоставить ему отдельную однокомнатную квартиру. (И доведенному до инвалидности сыну И. В.

Сталина ее предоставили: в блочном пятиэтажном доме № 105 по улице Гагарина... на последнем этаже. — *Л. Б.*).

По заключению врачей состояние здоровья В. И. Сталина плохое и он нуждается в длительном лечении и пенсионном обеспечении. Как прослужившему в армии более 25 лет в льготном исчислении В. И. Сталину была назначена пенсия в размере 300 рублей (новыми деньгами). Однако, учитывая, что он своими действиями дискредитировал высокое звание советского генерала, предлагается установить для него по линии Министерства обороны СССР пенсию в размере 150 рублей в месяц.

По улучшении состояния здоровья его можно было бы трудоустроить на одном из авиационных заводов Казани. Считаем также целесообразным при выдаче В. И. Сталину паспорта указать другую фамилию. Перед освобождением из заключения тт. Руденко и Шелепину провести с ним соответствующую беседу».

Документ № 2. «19 марта 1962 года. Совершенно секретно. Товарищу Хрущеву Н. С.

Комитет госбезопасности при Совете Министров СССР докладывает, что 19 марта 1962 года в 13 часов в г. Казани скончался Джугашвили (Сталин) Василий Иосифович.

По предварительным данным, причиной смерти явилось злоупотребление алкоголем. Джугашвили В. И., несмотря на неоднократные предупреждения врачей, систематически пьянствовал.

Считаем целесообразным похоронить В. И. Джугашвили в г. Казани без воинских почестей. О смерти В. И. Джугашвили сообщить его ближайшим родственникам. Просим согласия.

Председатель Комитета госбезопасности — В. Семичастный».

А вот мнение Надежды Васильевны, дочери Василия Сталина: «Смерть моего отца до сегодняшнего дня для меня загадка. Заключения о его смерти не было».

Мнение полковника в отставке, ветерана двух войн И. П. Травникова: «Василия убрали по злому умыслу Хрущева. Василий много знал о нем и его окружении, об их недостатках».

Мнение известного советолога А. Авторханова: «Сестра его думает, что он умер от алкоголизма, но, увы, есть в мире еще и другая, более безжалостная болезнь — политика. От нее он и умер».

До сих пор члены семьи Василия Иосифовича Сталина убеждены, что ему «помогла» умереть его последняя, «казанская» жена, успевшая незаконно зарегистрировать с ним брак, агент хрущевского КГБ, медсестра Маша, Мария Нузберг.

Часть 14

КОММУНИЗМ ПО-ХРУЩЕВСКИ

«Даже хлеба — и того нет»

Говорят, что академик П. Ф. Юдин, философ, выступая на одном из хрущевских Пленумов ЦК КПСС как-то, оговорившись, сказал: «Партия Ленина — Сталина». А спохватившись, стал оправдываться... А, собственно, почему? Почему коммунисты тогда так и не поняли, что дело Ленина — Сталина неделимо, что нельзя противопоставлять непогрешимого Ленина «грешному» Сталину, ибо при этом погибнет, в конечном счете, и само Дело, сцементированное великими именами этих двух корифеев Всемирной Истории?

Таким образом, Хрущева, оболгавшего Сталина, но торжественно провозгласившего, что «нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме» уже к началу 80-х годов XX века, на самом деле можно считать настоящим могильщиком коммунизма.

Известно, что именно с начала 60-х годов резко сократились темпы роста экономики Советского Союза по сравнению с 30-ми годами, уменьшилась валовая продукция промышленности. На селе активно шла ликвидация мелкого крестьянского хозяйства, поощрялся массовый забой скота, причем в расчет не принималось то, что это ведет к резкому сокращению его поголовья: установка Хрущева в кратчайшие сроки догнать и перегнать Америку по производству мяса и молока на душу населения — выполнялась любой ценой, в то время, как именно в 60-е годы,

если бы в стране жизнь строилась по заветам И. В. Сталина, мы бы достигли мощнейшего развития производительных сил и вплотную приблизились бы к коммунизму по уровню и качеству потребления, переходу к коммунистическому принципу: «каждый по способности, каждому по потребностям».

Те самые авантюризм и волюнтаризм, которые были причиной бесславного смещения Хрущева в октябре 1964 года, в какой-то степени проявлялись у «архитектора оттепели» еще при жизни И. В. Сталина. Так, еще в бытность Хрущева на Украине, он выдвинул лозунг «Шполянцы подчиняют себе время» (о «почине» трудящихся Шполянского района Киевской области по выполнению «Трехлетнего плана развития животноводства 1949—1951 гг.» за один (!) год)...

Спустя десять лет, в 1959 году, Хрущев с трибуны XXI съезда «освятит» еще один, так называемый «Рязанский почин», когда руководство этой области обязалось — и снова за один (!) год — увеличить производство мяса в три раза. Обещание выполнялось путем варварского забоя всего скота, в том числе молочных коров. Но когда и этого оказалось мало, стали тайно скупать мясо в соседних областях и вывозить на Рязанщину. Газеты взахлеб расхваливали «подвиг рязанских животноводов». Но даже и при таком раскладе за год тройную норму сдачи мяса государству выполнить не удалось. Это привело к тому, что первый секретарь обкома партии Ларионов в 1960 году застрелился у себя в кабинете...

В Российском государственном архиве социально-политической истории (личном архиве И. В. Сталина) — РГАСПИ — хранится письмо Хрущева к И. В. Сталину, где «главный спец» по сельскому хозяйству в свое время предлагал вождю ужесточить позицию в отношении деревни. В этом письме Хрущев разъяснял «дорогому и любимому товарищу Сталину» суть своей инициативы о выселении кресть-

ян из сел Украины: «Отдельные паразитические и преступные элементы присосались к колхозам, пользуются льготами, предоставленными колхозникам, но никакого участия в работе колхозов не принимают. Подобные элементы, используя колхозы, как ширму, занимаются спекуляцией, воровством, самогоноварением и совершают другие преступления».

В проекте постановления, приложенном к письму, предлагалось предоставить собраниям колхозников право высылки «нежелательных элементов» на срок до восьми лет. В «Правде Украины» от 28 мая 1948 года была опубликована речь Хрущева на пленуме ЦК КП(б) Украины, где, в частности, говорилось: «Борясь с лодырями, со злостными нарушителями дисциплины, с паразитическими элементами, сельские коммунисты расчищают путь для еще более успешного продвижения вперед по пути к коммунизму». Хрущева при этом нисколько не смущало, что ему сообщалось о многочисленных фактах выселения законопослушных граждан — нетрудоспособных инвалидов, пенсионеров и семей, в которых были неработающие...

4 марта 1951 года газета «Правда» опубликовала статью Хрущева «О строительстве и благоустройстве колхозов», в которой автор, страдающий, по меткому замечанию И. В. Сталина, «манией вечных реорганизаций», ошибочно предлагал форсированное массовое сселение деревень в крупные колхозные поселки, агрогорода, а также сокращение приусадебных земель колхозников до 10—15 соток.

И. В. Сталин остался крайне недоволен статьей Хрущева, и уже 6 марта тот пишет письмо, где униженно просит вождя о снисхождении. Привожу этот красноречивый документ полностью, без купюр:

«Дорогой товарищ Сталин!

Вы совершенно правильно указали на допущенные мною ошибки в опубликованном 4 марта с. г. выступлении «О строительстве и благоустройстве колхозов».

После Ваших указаний я старался глубже продумать эти вопросы. Продумав, я понял, что все выступление в целом, в своей основе является неправильным. Опубликовав неправильное выступление, я совершил грубую ошибку и тем самым нанес ущерб партии. Этого ущерба для партии можно было бы не допустить, если бы я посоветовался в Центральном Комитете. Этого я не сделал, хотя имел возможность обменяться мнениями в ЦК. Это я также считаю своей грубой ошибкой.

Глубоко переживая допущенную ошибку, я думаю, как лучше ее исправить. Я решил просить Вас разрешить мне самому исправить эту ошибку. Я готов выступить в печати и раскритиковать свою статью, опубликованную 4 марта, подробно разобрать ее ошибочные положения. Если это будет мне разрешено, я постараюсь хорошо продумать эти вопросы и подготовить статью с критикой своих ошибок. Прошу до опубликования посмотреть статью в ЦК.

Прошу Вас, товарищ Сталин, помочь мне исправить допущенную мною грубую ошибку и тем самым, насколько это возможно, уменьшить ущерб, который я нанес партии своим неправильным выступлением.

Н. Хрущев.

6 марта 1951 г.».

Что ж, покаянную голову меч не сечет. На письме И. В. Сталин поставил свою резолюцию: «В архив ЦК. Ст.». И великодушно простил Хрущева. Простил. Как всегда...

Уже находясь на пенсии, в своих «воспоминаниях» Хрущев, этот, по словам В. М. Молотова, «сапожник в вопросах теории, он же противник марксизма-ленинизма, он же враг коммунистической революции, скрытый и хитрый, очень завуалированный», окончательно сорвал с себя маску «коммуниста № 1», заявив следующее: «Социалистический строй может победить в мире при условии, что им будет достигнута более высокая производительность труда, чем при капиталистическом строе. Наша производительность

труда сейчас ниже, чем в ФРГ, Франции, Англии, США, Японии. Мы бьемся над этим столько лет, имеем такие просторы, такие ресурсы и никак не можем создать нужных запасов... Нельзя увлечь за собой народ только рассуждениями о марксистско-ленинском учении. Если государство и обещанная система не дают людям материальных и культурных благ больше, чем их обеспечивает капиталистический мир, бесполезно звать людей к коммунизму».

Но это же декларация о собственной несостоятельности, о собственном банкротстве. Никто не мешал «достойному продолжателю дела Ленина» организовать это дело так, чтобы и производительность труда была повыше, чем в капстранах, чтобы и природные ресурсы использовались рационально, чтобы и достаточные резервы были созданы. Тем более, что И. В. Сталин учил (в том числе и «Микиту». — *Л. Б.*): «Нужно, чтобы в руках государства скапливались известные резервы, необходимые для страховки страны от всякого рода случайностей (недород), для питания промышленности, для поддержания сельского хозяйства, для развития культуры и т. д. Жить и работать теперь без резервов нельзя». (Сталин И.В. собр. Соч. Т. 8. С.127).

Но вот как раз здесь и коренится главное различие между Великаном и пигмеем. Первый умел организовывать и вдохновлять массы на великие дела. А второй полагал, что государство (читай: номенклатура) — само по себе а массы — сами по себе, что народ подходит к «государству и обещанному строю» с чисто обывательских, потребительских позиций — «Ах, не можете обеспечить достойную житуху, тогда катитесь ко всем чертям со своим коммунизмом. Сами ведь говорите, что нельзя увлечь народ только рассуждениями о марксизме-ленинизме, что марксизм не курица, в суп не положишь». Так развращался народ-строитель, народ-созидатель, богатырский советский народ, который жил своей заземленной жизнью, без высших запросов, без идеалов, в то время, как государство (читай: номенклату-

ра), паразитируя на социализме, жирело за счет сверхэксплуатации рабочего класса, колхозного крестьянства и трудовой интеллигенции.

Это уже была безоговорочная капитуляция «сапожника в вопросах теории» перед империализмом...

Внучка казненного за измену Родине в годы Великой Отечественной войны сына Хрущева — Леонида, считавшая Никиту Сергеевича своим дедом, так как правда о позорной странице семейной биографии тщательно скрывалась, в настоящее время верноподданная США (как и сын Хрущева — Сергей), выпускница Принстонского университета Нина Хрущева пошла еще дальше: в своем заявлении о предоставлении ей американского гражданства в свое время имела наглость заявить: «История со всей очевидностью показала, что мой дед был не прав, когда говорил, что внуки Ричарда Никсона будут жить при коммунизме. Коммунизма, в том понимании, которое имел в виду он, никто и нигде так и не построил, да и вряд ли когда-нибудь построит. Зато то общество, которое Никита Хрущев называл «цитаделью империализма», доказало свою жизненную силу и является сегодня для многих желанным».

Родилась Нина Хрущева в 1963 году, то есть в год, когда должен был быть завершен рассчитанный на 15 лет великий Сталинский план преобразования природы, одобренный 20 октября 1948 г., по которому в СССР намечалось создать самое совершенное в техническом отношении орошаемое земледелие на площади, превышающей территорию Англии, Бельгии, Голландии, Швейцарии и Дании вместе взятых; восемь крупных лесных полос, общей протяженностью свыше 5 тысяч 300 километров; защитные лесонасаждения на полях колхозов и совхозов на площади в 5 миллионов 709 тысяч гектаров; 44 тысячи 228 прудов и водоемов. Составной частью этого грандиозного плана было крупномасштабное строительство промышленных электростанций и каналов, которые получили наименование великих строек коммунизма.

Почти полвека неучи и умники будут гадать, к чему было И. В. Сталину сооружать массу больших и малых каналов, что заставляло его настаивать на том, чтобы повернуть в бассейны Арала и Каспия воды могучих сибирских рек Енисея и Оби, впадающих в Северный Ледовитый океан.

А ответ прост: осуществление этих работ должно было обеспечить максимальное повышение плодородия почв и получение исключительно высоких и устойчивых урожаев для создания подлинного изобилия продуктов питания в целях осуществления принципа коммунизма: «каждый по способностям, каждому — по потребностям».

Если бы Сталинский план преобразования природы, впервые в истории человечества широкомасштабно поставивший на научную основу задачи охраны окружающей среды — и вместе с тем нацеленный на решение проблемы достижения изобилия продуктов питания, был осуществлен, то, советские люди жили бы при коммунизме уже в 1964 году, в год, когда не в меру зарвавшегося Хрущева «ушли» его выдвиженцы, представлявшие интересы нарождающейся советской буржуазии.

Созданные в 1949 — 1951 годах 570 лесозащитных станций были безжалостно ликвидированы Хрущевым, несколько тысяч прудов и водоемов, которые предназначались для разведения рыб, были заброшены, новые рыбоводческие хозяйства не создавались, травопольная система земледелия выдающихся русских ученых В. В. Докучаева, П. А. Костычева и их ученика — советского ученого В. Р. Вильямса, лежавшая в основе плана преобразования природы, загублена, в результате чего как раз в тот год, когда родилась Нина Хрущева, природа крупно отомстила ее деду: произошла экологическая катастрофа, связанная с эрозией почв на целине, и в стране разразился страшный продовольственный кризис. Осенью 1963 года с прилавков магазинов внезапно исчезли хлеб и мука. Повсеместно начались перебои с сахаром и сливочным маслом.

По всему Союзу в хлебных магазинах выстраивались многочисленные очереди, белый хлеб выдавали строго по заверенным печатью учебных заведений и медицинских учреждений справкам только некоторым категориям больных и дошкольникам. В том году Советский Союз впервые в своей истории импортировал хлеб из-за границы. В народе острили: «Хрущев посеял на целине, а собрал урожай в Канаде». А поэт Сельвинский сочинил едкую эпиграмму: «Хрущев добился чистейшей лазури за эти десять «великих» лет: нет юдофобства, нет цензуры, даже хлеба и того нет».

Вообще, у «деда Никиты», была навязчивая идея, что продовольственную проблему можно решить только одним способом — культивированием кукурузы «от Москвы до самых до окраин, с южных гор до северных морей». С этой идеей он носился еще в довоенные годы и даже посвятил ей целый доклад на совещании партийного, советского и колхозного активов Киевской области 28 января 1941 года, где он, в частности, сказал: «Я не раз слышал от товарища Сталина указание обратить внимание на кукурузу, всемерно развивать эту культуру, повышать ее урожайность...» (Ай да Никита, и тут ссылался на И. В. Сталина, который в общем-то верно оценивал достоинство этой культуры, признавая, однако, приоритет все-таки за пшеницей и не призывая культивировать кукурузу чуть ли не на Северном полюсе. — *Л. Б.*).

В июне 1954 года на Пленуме ЦК, предложив увеличить посевы кукурузы по всей стране, Хрущев заявил, что «этот злак должен внедряться без стеснения и принудительно, как при Екатерине внедрялся картофель». В январе 1956 года он изрек: «В этом году мы обязательно вырастим кукурузу в Якутии, а, может быть, и на Чукотке. Раз там растет картофель, должна расти и кукуруза».

«Королева полей» стала героиней многих злых анекдотов и частушек. Вот одна из них: «Я б Хрущева полюбила, вышла б замуж за него, да боюсь, что вместо хрена кукуруза у него».

Его зять Аджубей рассказывал, что во время одной из поездок по стране Никита Сергеевич обнаружил, что, не успев убрать кукурузу и зная, что здесь проедет Хрущев, вывели в поле тракторы, стальными рельсами, как волоком, примяли стебли к земле, чтобы «замаскировать» неубранный урожай. Рассказав эту историю на одном большом совещании по сельскому хозяйству, Хрущев с грустью посетовал, что в 30-е годы, дескать, старые коммунисты никогда не стали бы так обманывать партию.

Но Хрущеву не на кого было обижаться, кроме как на самого себя. Ведь именно он, Никита Хрущев, совершил тягчайшее преступление перед советским народом, когда вычеркнул из Устава КПСС, принятого на XIX съезде партии по его же докладу, вписанные в этот Устав лично И. В. Сталиным слова («Сталинские политические заветы»): «Неправдивость коммуниста перед партией и обман партии являются тягчайшим злом и несовместимы с пребыванием в рядах партии». (Нынешняя коррумпированность «новых буржуа» восходит своими корнями в «очковтирательство», «приписки», «дутые цифры», «махинации» и прочие формы обмана партии и народа, которые в годы «хрущевской оттепели» стали нормой, поощрявшейся «сверху», когда правдивость и честность коммуниста из круга его прав и обязанностей (а если шире, то и его коммунистической сути, коммунистической аутентичности) не только была исключена из Устава, но даже преследовалась. Так начиналось ползучее перерождение верхушки КПСС, дебольшевизация всей партии. — *Л. Б.*).

Вот второй Сталинский завет, который также бесцеремонно был изъят из Устава: «В партии не должно быть двух дисциплин — одна для руководителей, другая для рядовых». (Как раз ликвидация этого положения привела к возникновению класса «рыночников» — партийной бюрократии, антагонистической по своей сути массам трудящихся, грубо попиравшей все нормы социальной справед-

ливости, жившей по принципу: «Во имя народа — все для себя», класса номенклатурных эксплуататоров, без зазрения совести совершивших контрреволюционный переворот, начатый ельцинским запретом КПСС и ликвидацией СССР в 1991 году, и завершившийся ельцинским же разгоном Советов в 1993-м. — *Л. Б.*).

Но самое большое зло причинило нашему народу исключение третьего Сталинского завета: «Не допускается подбор кадров по признакам родства и кумовства, землячества, личной преданности. Нарушение этих норм: подбор работников по признакам приятельских отношений, личной преданности, землячества и родства — несовместимы с пребыванием в рядах партии». (Как раз по этим «критериям», а не по признакам политических и деловых качеств формировались центральные и национальные «элиты» правящего класса партноменклатуры с хрущевских времен: им, занимавшимся лишь личным обогащением, было не до строительства коммунизма. — *Л. Б.*).

Еще раз повторяю: все эти три пункта были вписаны в Устав КПСС лично И. В. Сталиным и вычеркнуты лично Хрущевым...

Анализируя причины провала плана «хрущевского развернутого строительства коммунизма», нельзя не признать, что виновата в этом непродуманность многих его «реформ» в экономической области, в частности, создание совнархозов, а затем разделение, по предложению Хрущева, партийных органов на промышленные и сельскохозяйственные, провалы в области военного дела, провалы во внешней политике, но, главным образом, это было связано с тем, что Хрущев грубо нарушил основной экономический закон социализма, сформулированный И. В. Сталиным в 1952 году в его труде «Экономические проблемы социализма в СССР»: «Обеспечение максимального удовлетворения постоянно растущих материальных и культурных потребностей всего общества путем непрерывного роста и совершенствова-

ния социалистического производства на базе высшей техники». (Как раз Хрущев и его последыши процесс вхождения человеческой цивилизации в постиндустриальный мир, НТР, позволивший Западу вырваться «на базе высшей техники» далеко вперед, проспали. И. В. Сталин бы не проспал. И свидетельством тому — успех ядерной оборонной программы и космической программы, готовившейся в недрах глубоко засекреченных конструкторских бюро Сталинской эпохи. — *Л. Б.*).

Хрущев отказался от продуманного до мелочей плана построения коммунизма, который вынашивался И. В. Сталиным еще с момента принятия сталинской Конституции СССР, и который, вне всякого сомнения, был бы осуществлен в СССР, если бы не помешала война. В послевоенные годы (1946 — 1952) вновь была выдвинута идеологическая доктрина развертывания коммунистического строительства с определением его конкретных сроков.

Выступая 9 февраля 1946 года в Большом театре на предвыборном собрании избирателей, И. В. Сталин признал важнейшей задачей дня неуклонное повышение материального уровня жизни народа и указал пути достижения этой цели — через широкое развертывание производства товаров народного потребления, всемерное развитие всех отраслей, имеющих к этому непосредственное отношение, планомерное снижение розничных цен на продукты и товары первой необходимости. И последовавшие за этим выступлением постановления правительства вызвали огромный трудовой энтузиазм масс, потому что народ увидел, что эти слова вождя подкреплены реальной заботой советского государства. Стенограмма XIX съезда КПСС проникнута ощущением приближающегося коммунистического завтра.

У Великой Идеи был один Великий Автор и один Великий Организатор, и проживи он еще полтора десятка лет, мы всенепременейше жили бы при коммунизме, ибо он

знал, что конкретно надо делать и как надо делать: «Для того, чтобы подготовить действительный, а не декларативный переход к коммунизму, нужно осуществить по крайней мере три основных предварительных условия.

Необходимо, во-первых, обеспечить не мифическую «рациональную организацию» производительных сил, а непрерывный рост общественного производства с преимущественным ростом производства средств производства...

Необходимо, во-вторых, путем постепенных переходов, осуществляемых с выгодой для колхозов и, следовательно, для всего общества, поднять колхозную собственность до уровня общенародной собственности, а товарное обращение тоже путем постепенных переходов заменить системой продуктообмена...

Необходимо, в-третьих, добиться такого культурного роста общества, который бы обеспечил всем членам общества всестороннее развитие их физических и умственных способностей... Нужно поднять реальную зарплату рабочих и служащих минимум вдвое, если не больше, как путем прямого повышения денежной зарплаты, так и, особенно, путем дальнейшего систематического снижения цен». (Сталин И. В. Экономические проблемы социализма в СССР. М. 1952. С. 66—69).

И народ потому «планов наших любил громадье», что И. В. Сталин отвечал за каждое сказанное им слово. Люди верили в осуществимость этих планов и с трудовым энтузиазмом реагировали на призывы вождя.

Однако уже на июльском 1953 года Пленуме ЦК, т. е. спустя всего четыре месяца после смерти И. В. Сталина сменивший его на посту Председателя Совета Министров СССР Маленков заявил буквально следующее: «Оно — это положение о продуктообмене, если его не поправить, может стать препятствием на пути решения важнейшей еще на многие годы задачи всемерного развития товарооборота».

Подвергнув ревизии экономические воззрения И. В. Сталина, Маленков, тем самым, положил начало демонтажу со-

циализма и укрепил позиции уже блуждавшего по Союзу призрака капитализма...

Советское общество в послесталинский период вообще стало бурно вырождаться морально и духовно, становясь все более беззащитным перед мощным натиском мещанско-потребительской психологии, и, конечно же, реанимация уже капитально опошленной «хрущевской оттепелью» идеи построения коммунизма, ничего, кроме горькой иронии и озлобления, вызвать в народных массах не могла.

Достаточно вспомнить, что именно после смерти И. В. Сталина, в период «хрущевской оттепели», появились и получили широчайшее распространение такие речевые штампы, как «Работа — не волк: в лес не убежит», «Рука руку моет», «Работа не хрен: стояла и стоять будет», «Работа наш друг, и мы ее не трогаем. Водка наш враг, и мы ее уничтожаем», «Сорок лет, как холуев нет» (1957 г.), «Девиз бригады комтруда: «Кому нести? Чего? Куда»?» (1959 г.), немыслимые для народа-победителя, народа-труженика, народа-стахановца, гордившегося своими трудовыми свершениями в золотую Сталинскую эпоху.

О партаппаратчиках в год 40-летия Великой Октябрьской социалистической революции в гуще народа язвили: «До 17-го года была эксплуатация человека человеком, а нынче наоборот». Лучше всего о настроениях, царивших в обществе в тот период, говорит такой образчик народного творчества: «— Коммунизм уже на горизонте. — А что такое горизонт? — Это линия, которая удаляется по мере приближения к ней».

Быстро обогащающийся новый класс чванливых собственников — партноменклатуры, — отказавшийся от идейно-теоретических установок В. И. Ленина и И. В. Сталина, поддержавший Хрущева на XX съезде и в июле 1957 года, к середине 60-х стал тяготиться не в меру неуправляемым Хрущевым и нашел ему замену в лице «тишайшего» Л. И. Брежнева.

Но и при нем о коммунизме не вспоминали. Наоборот, так называемые «косыгинские рыночные реформы» уводили все дальше и дальше от сталинского социализма, от реализации многовековой светлой мечты человечества о коммунизме как об обществе социальной справедливости, все больше крепла и наглела гнилая антикоммунистическая верхушка КПСС, выдвинувшая из своей среды «генетически поврежденного» Горбачева с его пресловутой «перестройкой», погубившей СССР.

Таким образом, И. В. Сталин был прав, когда призывал партию и народ к политической бдительности и к пониманию того, что по мере продвижения вперед классовая борьба не затухает, а, наоборот, обостряется, и того, что достижения и успехи не сводят на нет вредительство.

«Особенность современных вредителей — подчеркивал Сталин, — заключается в том, что они обладают партийным билетом, играют на политическом доверии к ним как к членам партии, используют политическую беспечность советских людей».

Справедливость этого положения мы можем по достоинству оценить сегодня, когда люди, выдававшие себя за коммунистов, сняли с себя овечьи шкуры и обнажив свои отвратительные волчьи пасти, присвоили себе все, что было создано многими поколениями советских людей, хорошо сыграв на политическом доверии, (а скорее, на политической беспечности и теоретической безграмотности большинства. — *Л. Б.*) к ним со стороны рядовых членов Коммунистической партии.

Но хотя капитализм ликует нынче, коммунизм все равно победит!

Владимир Ильич был совершенно прав, говоря, что «представлять себе всемирную историю идущей гладко и аккуратно вперед, без гигантских иногда скачков назад, недиалектично, ненаучно, теоретически неверно»... (Ленин В. И. ПСС. Т. 30. С. 6).

Верьте: будет праздник и на нашей улице!

«Кровавые воскресенья» Хрущева

Когда ослепленный патологической ненавистью к И. В. Сталину Никита Хрущев выступал с трибуны XX съезда партии, он не мог предположить даже, к каким кровавым последствиям приведет развязанная им антисталинская кампания. Первой отреагировала на «секретный» доклад грузинская молодежь, которая была возмущена той беспардонностью, с какой Хрущев осквернял память покойного Сталина, хотя при его жизни сам был в числе первых подхалимов и льстецов, создававших культ вождя.

2 марта 1956 года тысячи студентов и старшеклассников собрались у памятника Сталину в Тбилиси с требованием «восстановить доброе имя Иосифа Виссарионовича Сталина». Митингующие вышли с лозунгами «Долой Хрущева, Микояна, Булганина!», «Реабилитировать Сталина и Берия!» «Сформировать правительство Молотова!». Это было первое волнение в годы правления Хрущева, но не последнее и, как это не раз будет в дальнейшем, оно было расстреляно и жестоко подавлено. После трехдневного траура волна многотысячных митингов и манифестаций с 5 по 9 марта (дни памяти И. В. Сталина. — *Л. Б.*) прокатилась по всей Грузии — Тбилиси, Батуми, Сухуми, Рустави...

В Тбилиси демонстранты пытались прорваться в здание Центрального телеграфа, чтобы отправить в Москву обращения и резолюции протеста. Большая толпа людей собралась у гостиницы, где остановился находившийся с визитом в СССР Чжу Дэ, заместитель Мао Цзедуна, и скандировала лозунги, призывавшие Китайскую Народную Республику заступиться за И. В. Сталина. Демонстранты окружили здание ЦК Компартии Грузии, темпераментно требуя, чтобы к народу вышел 1-й секретарь В. Мжаванадзе и дал вразумительные разъяснения того, что же все-таки говорилось на съезде о И. В. Сталине. Так и не дождались.

Зато войска, вошедшие 9 марта в Тбилиси, обстреляли безоружных людей и танками разогнали многотысячную толпу. Пролилась невинная кровь, десятки человек были убиты, сотни ранены. Похоже, именно память об этих трагических событиях заставит через пять лет делегата XXII съезда В. Мжаванадзе «заболеть» и не прийти на 23-е заседание, где он должен был по требованию Хрущева поддержать «могильщиков» И. В. Сталина — Спиридонова, Демичева, Лазуркину, Подгорного. И правильно сделал: у Предсовмина Грузии Гиви Джавахишвили, выступившего на этом съезде в поддержку предложения о выносе тела И. В. Сталина из Мавзолея, вскоре дотла сожгли дом в Тбилиси.

Сложно было Хрущеву демонтировать памятники И. В. Сталину в столице Грузии: озлобленное кровавой расправой властей с безоружными людьми население установило возле них круглосуточное дежурство и готово было костьми лечь у постаментов. Властям пришлось пойти на «военную хитрость»: была объявлена «атомная воздушная тревога», и в это время, пока наивные грузины прятались в бомбоубежищах и улицы были обезлюжены, с помощью вертолетов демонтировали все три монумента.

Единственный памятник И. В. Сталину, который удалось тогда отстоять и который сохранился и поныне, стоит в Гори, на родине вождя...

Если волнения в Грузии (первые во времена правления Хрущева) были беспрецедентным историческим фактом в смысле своей просталинской направленности, то их подавление стало для вкусившего «кровь» Хрущева нормой при событиях подобного рода, независимо от причин, их вызывавших.

Так, были жертвы при усмирении рабочих, занятых на строительстве в Темир-Тау 3—5 октября 1959 года, в акциях классовых протестов в связи с повышением цен на ряд продуктов питания в Донецке, Кемерово, Иваново.

Население города Иваново выступило с требованием, чтобы их город снабжался так же, как Москва. Они него-

довали: «Что ж это такое делается? Почему москвичам и ленинградцам можно есть досыта, а у нас хоть шаром покати?» У здания обкома партии и облисполкома собралась возмущенная толпа людей, и для того, чтобы они отступили, милиция стала стрелять им под ноги. Началась драка, в результате чего многие «смутьяны» были арестованы.

Из других волнений по поводу невыносимых условий жизни, созданных Хрущевым, разглагольствующим о том, что «коммунизм уже не за горами», стали беспорядки в северокавказских городах Минеральные Воды и Грозный. В стычке с разъяренной толпой пали несколько милиционеров. В подмосковном городе Александрове недовольство большой толпы голодающих граждан выразилось в нападении на милицию и избиении милиционеров. А в городе Муроме произошло наоборот: там милиция открыла огонь по толпе, вследствие чего имелись человеческие жертвы...

Но верхом карательной политики Хрущева явилось подавление восстания населения города Новочеркасска в июне 1962 года.

Советские люди, привыкшие за семь послевоенных лет к Сталинским ежегодным снижениям цен на продовольственные и промышленные товары и не роптавшие по поводу того, что после его смерти цены оставались на одном и том же уровне, вдруг 1 июня 1962 года, в стране, лидер которой на весь мир заявлял, что мы догоним и перегоним США по производству мяса, масла и молока на душу населения в ближайшие несколько лет, читают в газетах о повышении государственных цен на мясо, мясные продукты и масло примерно на 25—30 процентов.

О повышении цен сообщалось в специальном «Обращении ЦК КПСС и Совета Министров СССР к советскому народу». Как писали тогда газеты, «наши люди одобрительно отзываются о решении партии и правительства, говорят, что это нужное и хорошее мероприятие. Например, слесарь депо станции Курск Токарев во время чтения это-

го обращения подчеркнул: «Хорошее мероприятие. Зато у нас дешевый хлеб, сахар, мука, крупа и другие продукты. Это — главное. Что же до увеличения цен на масло и мясо, то это временное явление. Когда их в стране станет больше, цены сразу снизят».

Однако в Комитет госбезопасности стекались и данные о «политически неправильных, обывательского и враждебного характера высказываниях». Так, 2 июня председатель КГБ Семичастный в «совершенно секретной» записке, сообщая Хрущеву о «смуте» в Новочеркасске, приводит несколько «политически вредных» высказываний москвичей: «Дежурная по перрону Павелецкого вокзала Михайлова говорила: «Неправильно было принято постановление о запрещении иметь в пригородных поселках и в некоторых селах скот. Если бы разрешили рабочим и крестьянам иметь скот и разводить его, то этого бы не случилось, мясных продуктов было бы сейчас достаточно». Бригадир механической мастерской Всесоюзного электротехнического института имени Ленина Зонов сказал: «Индивидуальных коров порезали, телят не растят. Откуда же будет мясо? Тут какой-то просчет». Аппаратчик Московского завода углекислоты Азовский заявил: «Наше правительство раздает подарки, кормит других, а сейчас самим есть нечего. Вот теперь за счет рабочих хотят выйти из создавшегося положения». Заслуженный артист РСФСР Заславский сказал: «Мы от этого мероприятия не умрем, но стыдно перед заграницей. Хоть бы молчали, что мы уже обгоняем Америку. Противно слушать наш громкоговоритель целый день о том, что мы, мы, мы. Все это беспредельное хвастовство. Разве так было при товарище Сталине?». Преподавательница английского языка Белиловская отметила: «Не знаю, что говорить членам кружка, где я провожу занятия. Все время в беседах со слушателями я опиралась на нашу чудесную Программу, говорила о непрерывном росте благосостояния трудящихся. Что же я буду говорить теперь? Мне просто

перестанут верить». Старший инженер Главмоспромстройматериалы Местечкин заявил: «Все плохое валят на товарища Сталина, говорят, что его политика развалила сельское хозяйство. Как же тогда при нем цены-то снижались? И неужели за то время, которое прошло после его смерти, нельзя было восстановить сельское хозяйство?». В Тамбове, Челябинске, Донецке имели место случаи распространения листовок и учинения надписей против Советского правительства. В Октябрьском районе Ленинграда было обнаружено 9 плакатов антисоветского содержания».

А вот еще аналогичные материалы. Из Записки председателя Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР В. Е. Семичастного в ЦК КПСС

«2 июня 1962 года
Особая папка
Совершенно секретно

...Нежелательные проявления продолжают иметь место в г. Новочеркасске на Электровозном заводе. Примерно к трем часам ночи 2 июня после вмешательства воинских частей толпу, насчитывавшую к тому времени около четырех-пяти тысяч человек, удалось вытеснить с территории завода, и постепенно она рассеялась. Завод был взят под военную охрану, в городе установлен комендантский час. Двадцать два зачинщика были задержаны, но после опросов двадцать из них освобождены, с тем чтобы не вызывать лишних осложнений. Два зачинщика содержатся под стражей в г. Шахты. Спокойная обстановка сохранялась до 7.30.

К 8 часам первая смена, за исключением трех цехов, приступила к работе, но затем под влиянием дезорганизаторских элементов прекратила ее. К 9 часам толпа до 5 тысяч собралась у заводоуправления и около тысячи человек — на территории завода и вновь начали митинговать. В это же время прекратили работу около 400 рабо-

чих завода Нефтемаш. Они покинули предприятие, заявляя, что не могут работать под дулами пушек, а сто человек из них прорвались на территорию завода № 17 и там нашли поддержку среди некоторых рабочих. В 9 часов 50 минут все волынщики, около 5000 человек покинули территорию заводов и двинулись в сторону Новочеркасска, просочившись через первый танковый заслон. Впереди основной колонны несут портрет В. И. Ленина и живые цветы...»

На этом запись обрывается. Очевидно, Семичастный с минуты на минуту ждал дальнейшей информации. Но уже видно было, что разум возобладал над эмоциями, и недовольство людей вошло, как нынче говорят, в цивилизованное русло. А дальше события развивались так.

Рабочие шли с красными флагами, пели «Интернационал». Несли лозунги: «Дайте мясо, масло!», «Нам нужны квартиры!», «Хрущева на мясо!» (накануне рабочие на заводской площади сжигали собранные на заводе портреты Никиты Сергеевича. — *Л. Б.*). Часть демонстрантов направилась к горотделу милиции, требуя освободить арестованных накануне товарищей. Но многие направились к зданию горкома партии, в котором никого из струсивших партократов не оказалось. С его балкона стали выступать ораторы. Каждый из выступавших призывал не выходить на работу, пока не восстановят прежние расценки (общесоюзное повышение цен совпало в Новочеркасске с понижением на одну треть расценок на работу. — *Л. Б.*) и не снизят цены на мясо, масло и молоко. Участники митинга выдвигали требование освободить арестованных, а также пригласить в Новочеркасск членов Президиума ЦК, не ведая о том, что два члена Президиума, тайно откомандированные Хрущевым для подавления новочеркасского восстания — Микоян и Козлов, — уже тайно прибыли в Новочеркасск и вместо того, чтобы выйти к митингующим, выслушать их и

продемонстрировать, что «народ и партия едины», из окна одного из жилых домов трусливо наблюдали за развитием событий и отдавали оттуда распоряжения стянуть на площадь танки. Первые автоматные очереди солдаты дали над головами толпы, по деревьям, с которых стали падать убитые и раненые подростки, наблюдавшие за тем, что происходило на площади.

Об этом вспоминал генерал Александр Лебедь, который сам в то время был в числе тех подростков. Ему тогда удалось соскочить с дерева и удрать, благодаря чему он остался жив...

Из информации Генерального прокурора СССР Н. Трубина о народных волнениях в г. Новочеркасске

«Июнь 1962 г.

В результате применения оружия в целях самозащиты (конечно же, конечно же, исключительно «в целях самозащиты», а как же иначе? — *А. Б.*) военнослужащими внутренних войск 2 июня на площади и у горотдела милиции было убито 22 и ранено 39 участников беспорядков. Еще два человека убиты вечером 2 июня при невыясненных обстоятельствах».

Погибших хоронили тайно...

А в августе состоялись выездные заседания Верховного суда РСФСР над «зачинщиками массовых беспорядков». Из 14 подсудимых 7 были приговорены к смертной казни и расстреляны. Осуждены были в общей сложности 105 человек.

Впервые в истории Советского государства на скамье подсудимых оказался рабочий класс...

Из Записки заведующего Отделом пропаганды и агитации ЦК КПСС по РСФСР В. И. Степакова в ЦК КПСС о судебном процессе в г. Новочеркасске

«24 августа 1962 г.
Совершенно секретно

Двадцатого августа текущего года в Новочеркасске закончился открытый судебный процесс судебной коллегии по уголовным делам, на котором рассмотрено дело по обвинению в бандитских действиях 1—3 июня 1962 года Кузнецова, Черепанова, Зайцева, Сотникова, Мокроусова, Каркач, Шуваева, Левченко, Черных, Гончарова, Служенко, Дементьева, Каткова и Щербан.

На суде до конца разоблачена гнусная роль подсудимых, возглавлявших уголовно-хулиганствующие элементы, показана вся их преступная деятельность. Судебный процесс раскрыл отвратительное моральное лицо каждого подсудимого, всесторонне показал общественную опасность совершенного ими преступления... Вина подсудимых в судебном заседании доказана полностью. Все преступники, за исключением Дементьева, признали свою вину и заявили о своем раскаянии в совершенных ими тяжких преступлениях. Суд, учитывая особую общественную опасность подсудимых, как основных организаторов и активных участников бандитских действий приговорил Черепанова, Мокроусова, Кузнецова, Сотникова, Зайцева, Каркач и Шуваева к высшей мере наказания — расстрелу. Остальные подсудимые приговорены к длительным срокам заключения в исправительно-трудовых лагерях строгого режима...».

На полях этого документа имеются визы членов Президиума ЦК КПСС Воронова, Брежнева, Косыгина, Шелепина, Куусинена, Ильичева, Суслова, Микояна, Полянского, Гришина. Нет только подписи самого палача — Хрущева. Однако есть такая вот приписка помощника Первого секретаря ЦК: «Тов. Хрущев Н. С. читал. 26. 08. 62 г. В. Лебедев»...

Свергнувшая Хрущева клика Брежнева, которая оставила свои автографы на той «расстрельной» «Записке», не

только не исправит курс государственного корабля в сторону ленинско-сталинских предначертаний, но и многократно усилит разрыв между «верхами», которые, по образному выражению Никиты Сергеича, «ели вареники с маслом и со сметаной», и «низами», которым оставалось только пальцы сосать. Отрыв от масс, о пагубности которого не раз и не два предупреждал партию И. В. Сталин, приводя даже образное сравнение с причиной гибели Антея, все более и более углублялся.

Не приходится сомневаться, что Иосиф Виссарионович Сталин, возглавлявший государство диктатуры пролетариата, расстрелял бы не семерых рабочих, а виновных в этой трагедии партийных функционеров.

И был бы тысячу раз прав!

Часть 15

ХРУЩЕВСКАЯ «ОТТЕПЕЛЬ»

«Спешите жить»

В своих «Воспоминаниях» Хрущев пишет: «Слово «оттепель» пустил в ход Эренбург. Он считал, что после смерти Сталина наступила в жизни людей оттепель. Решаясь на приход оттепели и идя на нее сознательно, руководство СССР, в том числе и я, одновременно побаивались ее: как бы из-за нее не наступило половодье, которое захлестнет нас и с которым нам будет трудно справиться. Опасались, что руководство не сумеет справиться со своими функциями и направлять процесс изменений по такому руслу, чтобы оно оставалось советским». Вот это да! Вот это признание!

Теперь на минуту представим, что Хрущева не «ушли» в 1964-м, и он благополучно правит еще семь лет до самой своей смерти в 1971-м что его преемником сразу же становится делегат XXII съезда, первый секретарь Ставропольского крайкома партии Михаил Горбачев. Достигли бы мы коммунизма в 1980 году, как об этом было торжественно провозглашено в Программе КПСС, принятой на том самом XXII съезде? Или буржуазный переворот произошел бы не в августе 91-го, а, по сроку правления «тоже Сергеича», в августе 77-го? И чем, как не «половодьем», была гнусная горбачевская перестройка, целью которой стал грабеж общенародной социалистической собственности, а идеологическим оружием — воинствующий антисталинизм? А она ведь была прямым продолжением хрущевской «оттепели»...

Небывалого размаха достигли во второй половине 50-х такие проявления десталинизации, как поощрение низкопоклонства и космополитизма, выражавшихся в недооценке и пренебрежительном отношении ко всему отечественному и преклонению перед лишенной всякого нравственного начала «масс-культурой» Запада. (Понятно, что чем ниже интеллектуальный уровень молодежи, тем легче ею управлять. Если при И. В. Сталине даже в разгар антикосмополитической кампании издавались массовыми тиражами собрания сочинений Шекспира и Гете, Байрона и Мопассана, Диккенса и Жюль Верна, а также других классиков западноевропейской литературы, в репертуарах оперных театров, наряду с постановками советских и русских композиторов, были представлены такие мэтры мирового класса, как Моцарт, Россини, Верди, Бизе, Вагнер и другие, то в хрущевские времена на смену лучшим образцам высокой культуры пришли низкопробные танцульки «рок-н-ролл» и «буги-вуги», которые не требовали ни умственного, ни эмоционального напряжения. Появились в крупных городах так называемые «стиляги», и даже объединения «стиляг»: они открыто заявляли, что они — «убежденные бездельники» и «тунеядцы» и противопоставляли себя «великим планам строительства коммунизма». — *Л. Б.*).

Александр Пыжиков в своем исследовании хрущевской «оттепели» пишет о популярном в те годы лозунге «спешите жить»: «Данный лозунг отражал наметившуюся в среде части молодежи, прежде всего, студенческой, тенденцию к отходу от «громадья планов», усиленно поддерживавшегося властью официального образа советского человека. Часть молодежи 50-х уже не хотела, как «отцы», жить исключительно задачей строительства социалистического общества. Ее интересовали сиюминутные, «ненужные» проблемы, «мещанские вопросы»: стильно танцевать или нет, как одеваться, какую музыку слушать.

В 1957 году группа студентов Литовского художественного института обратилась в местную газету с предложе-

нием провести дискуссию на тему «Как танцевать «буги-вуги»?», проигнорировав запланированное изучение марксистского видения искусства».

Вот какие нездоровые, если не сказать контрреволюционные силы пробудил в обывательской части общества Хрущев с его пресловутым докладом.

«Люди оттепели». Эренбург, Гроссман и другие

Проследим, кто из литераторов и деятелей искусств принял хрущевскую «оттепель», кто ее не принял...

Одним из первых писателей, который стал «человеком оттепели» был, понятное дело, автор нового смысла красивого старого русского слова — Илья Григорьевич Эренбург. Сам он не удостоился чести, несмотря на все свои былые заслуги, присутствовать на XX съезде, но тем не менее оставил такую запись для потомков: «Я счастлив, что дожил до того дня, когда меня вызвали в Союз писателей и дали прочитать доклад Хрущева о культе личности». Чем же Эренбургу не угодил И. В. Сталин, почему его не только не возмутила клевета на вождя, но сам тот гнусный доклад вызвал у него ощущения счастья? Тем, что Илья Григорьевич входил в состав узкого совещания Комитета по делам искусств («цензурного комитета»), занимавшегося рецензированием новых произведений? Или тем, что И. В. Сталин всегда поддерживал Эренбурга, особенно, когда резкой критике были подвергнуты его романы «День второй», «Падение Парижа» и «Буря»? И всегда давал «зеленую улицу» его военной публицистике? Или тем, что незадолго до своей смерти, в январе 1953 года лично вручил этому писателю международную Сталинскую премию мира?

Однако, будучи человеком умным и осторожным, Эренбург, не в пример Хрущеву и другим, активно чернить человека, которому был многим обязан, так и не стал...

Еще один «человек оттепели» — кинорежиссер Михаил Ильич Ромм, народный артист СССР (1950), лауреат Сталинской премии в 1941, 1946, 1948, 1949 и 1951 гг.

Классик советского кино, снявший такие картины, как «Ленин в Октябре» и «Ленин в 1918 году», обласканный И. В. Сталиным, стал в ряду первых его антагонистов, верных холуев Никиты Сергеевича по части борьбы с «культом личности». Именно ему Хрущев, который резко выступал на XX съезде с критикой киноленты М. Чиаурели «Падение Берлина», поручил проследить за ходом «изъятия» образа Сталина из советского кино. Благо фильмов в то время вообще было не так уж много, а с И. В. Сталиным и вовсе единицы. Кроме своих двух фильмов, ему предстояло «поработать» над фильмами «Великое зарево» Чиаурели, «Человек с ружьем» Юткевича, «Выборгская сторона» Козинцева и Трауберга, «Яков Свердлов» Юткевича, «Валерий Чкалов» Калатозова, «Александр Пархоменко» и «Донецкие шахтеры» Лукова, «Его зовут Сухэ-Батор» Зархи и Хейфица, «Оборона Царицына» С. и Г. Васильевых, «Клятва».

Надо сказать, что ни в одной из этих кинолент И. В. Сталин не выступал как главный герой, а появлялся только в некоторых ключевых эпизодах. Особое внимание Ромму надлежало уделять революционным фильмам, в которых раскрывается образ В. И. Ленина («Чтоб даже духу Сталина рядом с Ильичем не было», — инструктировал его «третий вождь»). И все сталинские эпизоды были добросовестно вырезаны режиссером из фильмов, и Ромм хотел их просто выбросить, но тут «восстала» дирекция Госфильмофонда, причем не помогли никакие ссылки Ромма на «указание свыше». Так, благодаря твердой позиции руководства этого хранилища, бесценные «сталинские кадры» живы до сего дня.

При этом интеллектуал Ромм понимал истинную цену Хрущеву. Вспоминая, как тот, во время одного из своих многочисленных выступлений брякнул: «Идеи Маркса это, конечно, хорошо, но ежели их смазать свиным салом, то бу-

дет еще лучше», Ромм ехидно заметил: «Мне и в голову бы никогда не пришло, что идеи Маркса можно смазать свиным салом»...

Не остался в стороне от «генеральной линии» хрущевского антисталинизма и композитор Дмитрий Дмитриевич Шостакович, пятикратный лауреат Сталинской премии (1941, 1942, 1946, 1950 и 1952), автор множества музыкальных произведений, таких, как знаменитая Седьмая, или Ленинградская симфония, Одиннадцатая симфония «1905 год», оратория, посвященная насаждению лесов по сталинскому плану преобразования природы, торжественный хор «Сталину слава, слава вовеки» — в фильме «Падение Берлина», музыка к фильму «Незабываемый 1919 год».

Став «человеком оттепели», Шостакович в 1954 году получил звание народного артиста СССР, а за оперу «Карл Маркс» при Хрущеве ему в 1958 году присудили Ленинскую премию. При Брежневе в 1966 году за оперу «Молодая гвардия» ему дали Героя Социалистического Труда. В шестой раз Госпремию (так была переименована Сталинская премия) он получил в 1968 году. Казалось бы, обласканный Советской властью композитор не имел причин быть недовольным ею. Ан, нет: сейчас его поднимают, как борца с «тоталитаризмом», «сталинщиной»... Есть ли к тому какие-либо основания? Каков был вообще гражданский облик этого, безусловно, талантливого человека?

Некогда прославлявший И. В. Сталина в своих музыкальных произведениях Шостакович в эпоху Хрущева поспешил откреститься от своего прежнего кумира и стал в первых рядах борцов с «тенью Сталина». Он оставил мемуары, в которых все, что было создано им раньше, при И. В. Сталине, он объясняет совершенно извращенно: оказывается, Одиннадцатая симфония «1905 год» — это памятник Тухачевскому, Мейерхольду и другим «жертвам сталинизма», а Седьмая симфония тоже не то, что все думают, а нечто противоположное.

Советская писательница Ольга Федоровна Берггольц, кстати, почившая в один год с композитором (1975. — *Л. Б.*), оставила весьма проникновенные строки по поводу Седьмой симфонии Шостаковича, первое исполнение которой состоялось в блокадном Ленинграде в самые трудные дни.

Прошу прощения у читателя за длинную цитату, но, думаю, что было бы кощунственно ее сокращать:

«9 августа 1942 года после долгого запустения ярко, празднично озарился белоколонный зал филармонии и до отказа наполнился ленинградцами. На сцену вышли музыканты... Они почти не играли зимой; не хватало сил, не хватало дыхания, особенно духовым... Оркестр таял. Некоторые ушли в армию, другие умерли от голода. Трудно забыть серые, зимние рассветы, когда совершенно уже свинцово отекший Яша Бабушкин диктовал машинистке очередное донесение о состоянии оркестра: «Первая скрипка умирает, барабан умер по дороге на работу, валторна при смерти...»

И все же те, кто оставался, самоотверженно репетировали... Почти несбыточным было желание оркестра — исполнить Седьмую, «Ленинградскую симфонию», здесь, на ее родине, в осажденном, полуумирающем, но не сдавшемся городе... Гениальная могучая партитура требовала удвоенного оркестра, почти сто человек, а в живых осталось пятнадцать музыкантов. И все же...

«За дирижерский пульт встал Карл Ильич Элиасберг, — он был во фраке, в самом настоящем фраке, как и полагается дирижеру, и фрак висел на нем, как на вешалке, — так исхудал он за зиму... Мгновение полной тишины — и вот началась музыка. И мы с первых тактов узнали в ней себя и весь свой путь: и наступающую на нас страшную, беспощадную силу, и наше вызывающее сопротивление ей, и нашу скорбь, и мечту о светлом мире, и нашу несомненную грядущую победу. И мы, не плакавшие над погибающими близкими людьми зимой, сейчас не могли и не хотели сдерживать отрадных, беззвучных, горючих слез, и мы не стыдились их...

А сквозь изумительную эту музыку все время звучал негромкий, спокойный и мудрый голос ее создателя — Дмитрия Шостаковича, доносящийся из сентября 1941 года, когда враг рвался в город Ленина: «Заверяю вас, товарищи, от имени всех ленинградцев, что мы непобедимы и всегда стоим на своем боевом посту...» (*Берггольц О.Ф.* Собр. соч. В 3 т. Т. 2. Л. 1973. С. 149—152).

Но что за объяснение дает сам Дмитрий Шостакович?

В «Мемуарах» композитор отрекается от всего этого. Ведь послушать только, как он врет: «Седьмая симфония была задумана до войны. И, следовательно, она никак не может быть вызвана нападением Гитлера... Совсем о других врагах человечества думал я, когда ее сочинял (чуете, да, кого он имеет в виду? — *Л. Б.*). В этой симфонии нет и речи об осаде Ленинграда, который погубил Сталин. Гитлеру оставалось лишь докончить его...».

Вот ведь как: не Гитлер, проводивший политику геноцида против евреев, не нацизм, а Сталин являлся главным врагом композитора Шостаковича. Не фашисты, а коммунисты. Каково, а?..

Большим литературным флюгером-конъюнктурщиком останется в истории мировой литературы такой «человек оттепели», как Александр Трифонович Твардовский. Он рьяно славил И. В. Сталина, для которого не было секретом, что поэт является сыном кулака, высланного в зауральскую тайгу. Два старших брата Твардовского, Константин и Иван, всего через два месяца бежали с места поселения, а еще через месяц удрал оттуда отец с четвертым сыном, Павлом. С большим трудом отец с младшим братом добрались до Смоленска, где жил уже получивший признание поэт Александр. Вот рассказ отца о встрече с сыном в августе 1931 года в изложении отца Твардовского: «Стоим мы с Павлушей, ждем А на душе неспокойно... Однако ж и по-другому думаю: родной сын! Может, Павлушу приютит. Мальчишка же чем провинился перед ним, родной

ему братик? А он, Александр, выходит... Стоит и смотрит на нас молча. А потом не «Здравствуй, отец», а — «Как вы здесь оказались?!» — «Шура! Сын мой — говорю. — Гибель же нам там! Голод, болезни, произвол полный!» — «Значит, бежали?.. Помочь могу только в том, чтобы бесплатно доставили вас туда, где были!» — так точно и сказал. Понял я тут, что ни просьбы, ни мольбы ничего уже не изменят...». Так во имя личного спокойствия Твардовский отрекся от родного отца. (Предвижу аналогию, которую могут привести злопыхатели в связи с поведением Александра Твардовского и отвечу, что у Павлика Морозова была совершенно иная ситуация — он выступил против отца-преступника. Конечно, дети современных «воров в законе» на такой героизм не пойдут никогда. — *Л. Б.*)

Сочиняя поэму «Страна Муравия», Твардовский пишет в своей рабочей тетради: «Речь Сталина глубоко потрясла. Отступление (имеется в виду лирическое отступление. — *Л. Б.*) о Сталине развертывается под непосредственным впечатлением его речи» (Лит. наследство. М., 1983. Т. 93. С. 372). А в марте 1953 года на смерть любимого вождя Твардовский напишет такие строки: «В этот час величайшей печали Я тех слов не найду, Чтоб они до конца выражали Всенародную нашу беду...».

Но вот пришел Хрущев со своей борьбой «с тенью Сталина», и Твардовского будто подменили. Теперь он — в числе ярых антисталинистов, он из кожи вон лезет, чтобы както угодить Хрущеву.

В ноябре 1963 года, отдыхая в Барвихе, он встречает среди отдыхающих бывшего личного секретаря И. В. Сталина Александра Николаевича Поскребышева. В своем дневнике он оставляет такую издевательскую запись об этом старом человеке: «Отдыхает здесь на правах персонального пенсионера маленький лысый почти до затылка человек с помятым бритым старческим личиком, на котором, однако... проступает сходство с младенцем и мартышкой... Этот

человек ходит в столовую, принимает процедурки, играет в домино, смотрит плохие фильмишки в кино, словом «отдыхает» здесь, как все старички-пенсионеры, и как бы это даже не тот А. Н. Поскребышев, ближайший Сталину человек, его ключник и адъютант, и, может быть, дядька, и раб, и страж, и советчик, и наперсник его тайного тайных... Судя по лагерным рукописям, именно такие были в охране — невзрачные, незаметные, но злобные».

Твардовский носится со своей поэмой «За далью даль», как с писаной торбой, не смея без высочайшего дозволения Хрущева опубликовать ее даже в своем журнале «Новый мир» (где он работал главным редактором. — *Л. Б.*). Невозможно читать без чувства брезгливости те унизительные записи, которые содержатся в его рабочей тетради. Вот неоднократный лауреат Сталинских премий обращается к помощнику Хрущева В. Лебедеву с нижайшей просьбой передать «самому» главы из поэмы, а также в высшей степени подхалимское письмо, которое заканчивалось словами: «Ваше доброе отеческое внимание ко мне в труднейший период моей литературной и всяческой судьбы, давшее мне силы для завершения этой книги, позволяет мне надеяться, что и эту мою просьбу, дорогой Никита Сергеевич, Вы не оставите без внимания». Даже помощник Хрущева рекомендовал Твардовскому переписать его: «Нет, это не то, не нужно все это писать».

Тогда Твардовский пишет еще одно письмо:

«Дорогой Никита Сергеевич!

Мне очень хотелось сердечно поздравить Вас с днем рождения и принести Вам по этому случаю как памятный знак моего уважения самое дорогое сейчас для меня — заключительные главы моего десятилетнего труда — книги «За далью даль», частично уже известной Вам и получившей бесценные для меня слова Вашего одобрения. Среди этих новых, еще не вышедших в свет глав я позволю себе

обратить Ваше внимание на главу «Так это было...», посвященную непосредственно сложнейшему историческому моменту в жизни нашей страны и партии, в частности, в духовной жизни моего поколения, — периоду, связанному с личностью И. В. Сталина.

Мне казалось, что средствами поэтического выражения я говорю о том, что уже неоднократно высказывалось Вами на языке политическом. Во всяком случае, я думаю, что эта глава является ключевой для всей книги в целом, и я буду счастлив, если она придется Вам по душе. Желаю Вам, дорогой Никита Сергеевич, доброго здоровья, долгих лет деятельной жизни на благо и счастье родного народа и всех трудовых людей мира.

Ваш А. Твардовский».

А когда все-таки он получит «добро» и напечатает свою главу «Так это было...» в «Правде», он вдруг обнаружит, что читательская реакция не совсем та, на какую он рассчитывал. В его «рабочей тетради» возникнет запись: «...из некоторых писем видно, что появление в «Правде» этой главы рассматривается как прямое выполнение некоего заказа, официально-поэтическая интерпретация вопроса (темы). Усмотрено и наклонение в сторону нового культа... (имелся в виду культ Хрущева. — *Л. Б.*). Я впервые испытываю воздействие незнакомой мне ранее волны — волны осуждения, негодования, презрения, обличения в продажности и т. п. Что ж, взялся за гуж...».

Да уж, действительно, лучше б не брался. Вспоминая Твардовского, Хрущев в своих мемуарах пишет: «Как у нас Демьяна Бедного все знали во время гражданской войны, так буквально всем был известен и Твардовский в годы Великой Отечественной войны. Потом о его поэмах были написаны целые книги, а их героев изображали на картинах. Сталин с умилением смотрел на картину с Василием Теркиным. Когда он впервые ее увидел, то сразу же предложил:

«Давайте повесим ее в Кремле». Ее и повесили там, перед входом в Екатерининский зал... А ныне (в 1970 году. — *Л. Б.*) завершается творческий путь Александра Трифоновича Твардовского без почета». А откуда же ему было взяться, почету-то? Предателей лишь нынче чествуют, а советский народ заслуженно выражал им глубочайшее презрение...

Список принявших ложь Хрущева из числа писателей можно было бы продолжить, но остановлюсь на двух, тоже «советских» писателях.

Это Эммануил Казакевич, который после окончания XXII съезда подобострастно сказал Хрущеву: «Дорогой Никита Сергеевич! Программу нашей партии можно успешно выполнить лишь при условии продолжения критики Сталина. Полная ликвидация культа Сталина — жизненная необходимость»

Казакевич, дважды лауреат Сталинской премии (1948, 1950), в течение десяти лет не написавший ни строчки, и как раз в 1961 году опубликовавший повесть о В. И. Ленине, очень надеялся, что Хрущев обратит на него внимание и даст ему Ленинскую премию. Но не тут-то было! Хрущев в мнении Казакевича не нуждался...

А вот писатель Василий Гроссман, правда, ни разу не был отмечен премиями ни при И. В. Сталине, ни при Хрущеве. Но он не был отмечен премиями и при Горбачеве, когда этот ярый антисоветчик стал востребован.

Послушаем внимательно, что говорил, обращаясь к Хрущеву, этот тоже «советский» писатель: «Вы на XXII съезде партии безоговорочно осудили кровавые беззакония и жестокости, которые были совершены Сталиным (надо же! — не при Сталине, а самим Сталиным. — *Л. Б.*). Сила и смелость, с которой вы сделали это, дают все основания думать, что нормы нашей демократии будут расти (вот ведь каков был результат глупостей, совершенных Хрущевым! — во всяком случае, точку зрения нашего «пророка» Гроссмана разделяли в советском обществе ранее обижен-

ные люди. — *Л. Б.*) так же, как выросли со времен разрухи, сопутствовавшей гражданской войне, нормы производства стали, угля, электричества (это как — «по щучьему велению» выросли или создавалось героическими усилиями простых тружеников — ровесников Гроссмана, направляемых все тем же И. В. Сталиным? — *Л. Б.*). Ведь в росте демократии и свободы еще больше, чем в росте производства и потребления, существо нового человеческого общества. Вне беспрерывного роста норм свободы и демократии новое общество кажется немыслимым».

А еще говорят — врагов не было! Вот и добились «гроссманы» своего: есть «свобода» — свобода воровать, свобода растлевать, свобода от совести, есть и «демократия» — хоть заорись, кому какое дело до тебя — есть и «производство», которое на нуле, есть и «потребление» — в зависимости от «культа наличности». Все есть, кроме тех прав, которые у нас отобрали борцы за «правовое государство»: право бесплатно лечиться, бесплатно учиться, на совесть трудиться и на радость отдыхать...

Ясное дело: антисоветская повесть Гроссмана «Все течет» (опубликована при Горбачеве — в 1989 году, писалась в разгар Хрущевской эпохи — 1955—1963) и роман «Жизнь и судьба» (опубликован при Горбачеве, в 1988 году, писался с 1948 по 1960 годы) — просто не могли быть опубликованы раньше не только и не столько по причине их слабых художественных достоинств, сколько из контрреволюционной сущности этих «произведений». Рукопись романа была арестована в 1961 году, как раз тогда, когда Гроссман, увидевший, как ему показалось, в Хрущеве «родную душу», передал ему на рассмотрение свой «роман». А Хрущев в этом произведении увидел угрожающие признаки «половодья», когда ситуация с критикой И. В. Сталина могла выйти из-под контроля и погубить все. Большой энциклопедический словарь (изд. 1998 года) дает такую аннотацию о романе «Жизнь и судьба»: «Многоплановая панорама эпохи

Вел. Отеч. войны (Сталинградская битва, тыл, ГУЛАГ, нем. концлагеря, евр. гетто), проблемы противостояния личности насилию тоталитарной системы (фашистской и коммунистической), психологизм в изображении человека, прозревание экзистенциальных глубин сознания»...

Единственный из писателей, который не принял нового «вождя», был Александр Александрович Фадеев, покончивший жизнь самоубийством через два с половиной месяца после пресловутого XX съезда. Конечно, и покойного А. А. Фадеева Хрущев лягает с превеликим удовольствием в своих «воспоминаниях», извращая мотивы его суицида: «...во время репрессий, возглавляя Союз писателей СССР, Фадеев поддерживал линию на репрессии. И летели головы ни в чем не повинных литераторов. Достаточно было кому-нибудь написать, что в магазине продают плохую картошку, и это расценивалось уже как антисоветчина.

Трагедия Фадеева как человека объясняет и его самоубийство. Оставаясь человеком умным и тонкой души, он после того, как разоблачили Сталина и показали, что тысячные жертвы были вовсе не преступниками, не смог простить себе своего отступничества от правды. Ведь гибла, наряду с другими, и творческая интеллигенция. А Фадеев лжесвидетельствовал, что такой-то и такой-то из ее рядов выступал против Родины. Готов думать, что он поступал искренне, веруя в необходимость того, что делалось. Но все же представал перед творческой интеллигенцией в роли сталинского прокурора. А когда увидел, что круг замкнулся, оборвал свою жизнь. Конечно, надо принять во внимание и то, что Фадеев к той поре спился и потому утратил многие черты своей прежней личности».

Или такое «объяснение» суицида А. Фадеева: «Он изжил себя и к тому же боялся встретиться лицом к лицу с теми писателями, которых он помогал Сталину загонять в лагеря, а некоторые вернулись потом восвояси»...

Ведь знал же, знал Никита Сергеевич истинную причину самоубийства Фадеева, ведь читал же его предсмерт-

ное письмо в ЦК КПСС от 13 мая 1956 года, ведь это до нас оно дошло только в 1990 году, зачем же было напраслину возводить на покойного? Или Хрущев думал, что оно не всплывет?

Вот выдержка из этого письма: «Литература — этот высший плод нового строя — унижена, затравлена, загублена. Самодовольство нуворишей от великого ленинского учения даже тогда, когда они клянутся им, этим учением, привело к полному недоверию к ним с моей стороны, ибо от них можно ждать еще худшего, чем от «сатрапа» Сталина. Тот был хоть образован, а эти — невежды.

Жизнь моя, как писателя теряет всякий смысл, и я с превеликой радостью, как избавление от этого гнусного существования, где на тебя обрушивается подлость, ложь и клевета, ухожу из жизни. Последняя надежда была хоть сказать это людям, которые правят государством, но в течение уже 3-х лет, несмотря на мои просьбы, меня даже не могут принять. Прошу похоронить меня рядом с матерью моей».

Как видим, последнее письмо Фадеева направлено против Хрущева, хрущевцев и проводившейся «генеральной линии партии» на тотальную десталинизацию.

Нет, не принял Фадеев «оттепели». И этим актом протеста проявил высокое гражданское мужество. А когда хоронили А. А. Фадеева, в Московском Художественном театре шла пьеса Н. Ф. Погодина «Кремлевские куранты» — в новой редакции.

(Автор — «человек оттепели» успел ее «подправить» всего за одну ночь, «подсократить» и, посвятив ее XX съезду КПСС, пригласить на бесплатную премьеру делегатов съезда, включая Хрущева

Актер, исполнявший в этой пьесе в том сезоне роль И. В. Сталина, в тот первый вечер тоскливо сидел в зрительном зале... — *Л. Б.*).

Корней же Чуковский интерпретировал самоубийство Александра Фадеева с позиций «человека оттепели»: «Мне

очень жаль милого А. А., в нем — под всеми наслоениями — чувствовался русский самородок, большой человек, но боже, что это были за наслоения! Вся брехня сталинской эпохи, все ее идиотские зверства, весь ее страшный бюрократизм, вся ее растленность и казенность находили в нем свое послушное орудие... Отсюда зигзаги его поведения, отсюда его замученная совесть в последние годы».

Ай-ай-ай, бедный Корней Иванович. Как вы ошиблись... Не ваш человек был Фадеев, не ваш. Ей-богу, не ваш!

Часть 16

БАЦИЛЛОНОСИТЕЛИ АНТИСОВЕТИЗМА

Солженицын, он же лагерный стукач «Ветров»

Не случайно в самой фамилии Солженицын замуровано слово «лжец». Все его творчество — сплошная зловредная ложь. И когда он призывает «жить не по лжи», его призыв должен быть обращен прежде всего к самому себе.

Ковыряясь в своей мужицкой родословной, фаворит Хрущева Солженицын в книге «Бодался теленок с дубом» пишет: «Были Солженицыны обыкновенные Ставропольские крестьяне: в Ставрополье (а родился он уже после Октябрьской революции, в декабре 1918 г., в Кисловодске), до революции несколько пар быков и лошадей, десяток коров да двести овец никак не считалось богатством».

Считалось, Исаич, еще как считалось! По сельскохозяйственной переписи 1917 года в 35 губерниях Европейской России (включая, разумеется, и Ставрополье) 3,3 млн. крестьянских хозяйств не имели скота. На Украине 1,1 млн. дворов не имели коров, а 1,3 млн. — лошадей. За счет голода и страданий сельских тружеников богатели кулаки и помещики. Трудовое крестьянство все глубже впадало в нищету. Именно это вело к росту революционных настроений среди миллионов крестьян, составлявших большинство русской армии.

А о предках со стороны матери писатель дает такие сведения: «Захар Щербак (его дед по материнской линии. — *Л. Б.*) был зажиточным хуторянином; после революции его бывшие батраки безвозмездно кормили его (??! — *Л. Б.*) еще

двенадцать лет (!!! — *Л. Б.*), покуда он не был арестован в годы коллективизации».

И имея такое темное социальное происхождение, юный отрок Солженицын не только не был репрессирован при И. В. Сталине, как «кулацкий отпрыск», но и благополучно окончил школу, затем беспрепятственно — физико-математический факультет Ростовского университета, а с четвертого курса одновременно начал учиться заочно в Московском институте философии и литературы, который, впрочем, не смог окончить по причине начавшейся Великой Отечественной войны. С октября 1941 года он служит ездовым в Сталинградском округе, находившемся тогда в глубоком тылу. Потом — училище, а с мая 1943 года служба в АИР — артиллерийской инструментальной разведке.

Петр Паламарчук, биограф Солженицына, возможно, с подачи самого Исаича, решил, что его герой должен врезаться в память грядущих поколений как командир артиллерийской батареи, но это не так, потому что служба в АИР представляет собой всего лишь «кабинетный шпионаж» и требует лишь умения четко работать с акустическими устройствами.

Далее биограф сообщает нам, что в феврале 1945 года, то есть всего за три месяца до окончания Великой Отечественной войны, капитан Солженицын был арестован из-за отслеженной в переписке критики И. В. Сталина и осужден на восемь лет, из которых полгода провел на следствии и пересылках, почти год — на строительстве жилого дома на Калужской заставе в Москве, около четырех лет — в тюремном НИИ в Подмосковье и два с половиной года — на общих работах в Казахстанском Особлаге.

Зададимся вопросом: «находясь в частях «особой секретности», мог ли Солженицын не знать, что вся его (и не только его) переписка подвергается перлюстрации? Ясно, что не знать он этого не мог. А мог ли он критиковать И. В. Сталина в переписке, или это тоже ложь? Не посмел

бы. Да и за что критиковать-то? Ведь это был не напряженный и безысходный июнь 1941-го, а победоносный февраль 1945-го. Да и не враг Исаич самому себе, чтобы вот так, не за здорово живешь, класть свою «бесценную» голову на плаху. Просто он сознательно допустил некоторые политические фривольности в переписке в надежде, что его откомандируют в глубокий тыл, ну, к примеру, охранять какой-нибудь мостик на Волге или на Дону, где он сможет предаться умозрительным экзерцициям. Не более.

Но не тут-то было. Не рассчитал Исаич, промахнулся и «загремел». В лагере Солженицын стал заниматься доносительством, не бедствовал и получил оперативную кликуху «Ветров». В «Военно-историческом журнале» № 12 за 1990 год опубликован чрезвычайно любопытный документ, который позволяет нам оценить по достоинству якобы «жившего не по лжи» Солженицына.

«Сов. секретно.
Донесение: С/о «Ветров» от 20.01.1952.

В свое время мне удалось, по вашему заданию, сблизиться с Иваном Мегелем. Сегодня утром Мегель, встретив меня у пошивочной мастерской, полузагадочно сказал: «Кто был ничем, тот станет всем!». Из дальнейшего разговора с Мегелем выяснилось, что 22 января з/к Малкуш, Ковлюченко и Романович собираются поднять восстание. Для этого они уже сколотили надежную группу, в основном, из своих — бандеровцев, припрятали ножи, металлические трубки и доски. Мегель рассказал, что сподвижники Романовича и Малкуша из второго, восьмого и десятого бараков должны разбиться на четыре группы и начать одновременно. Первая группа будет освобождать «своих».

Далее разговор дословно: «Она же займется и стукачами. Всех знаем! Их «кум» для отвода глаз в штрафник затолкал. Одна группа берет штрафник и карцер, а вторая в это время давит службы и краснопогонников. Вот так-

то!». Затем Мегель рассказал, что третья и четвертая группы должны блокировать проходную и ворота и отключить запасной электродвижок в зоне.

Ранее я уже сообщал, что бывший полковник польской армии Кензирский и военлет Тищенко сумели достать географическую карту Казахстана, расписание движения пассажирских самолетов и собирают деньги. Теперь я окончательно убежден в том, что они раньше знали о готовящемся восстании и, по-видимому, хотят использовать его для побега. Это предположение подтверждается и словами Мегеля: «А полячишко-то, вроде умнее всех хочет быть, ну, посмотрим!».

Еще раз напоминаю в отношении моей просьбы обезопасить меня от расправы уголовников, которые в последнее время донимают подозрительными расспросами.

Ветров.

Верно: 20.01.52.

Нач. отдела режима и оперработы *(подпись)*».

Как выяснилось на судебном процессе оставшихся в живых «заговорщиков», на самом деле заключенные лагеря «Песчаный», что расположен под Карагандой, намеревались 22 января 1952 года обратиться к руководству лагеря с просьбой об улучшении режима содержания. Но из-за доноса Солженицына — «Ветрова» они были встречены автоматными очередями. Многие из них были убиты, выжившие получили по 25 лет заключения.

Автор публикации, сидевший в Особлаге с Солженицыным за измену Родине во время войны, переданный датчанами в руки «Смерша» и реабилитированный Хрущевым Л. Самутин, сообщает, что свидетель Иван Мегель (который чересчур «разоткровенничался» перед «Ветровым», зная наверняка, что об этом будет донесено начальству и, очевидно, преследуя какие-то свои цели, ну, к примеру, месть за притеснения трем «бендеровцам» — Малкушу,

Ковлюченко и Романовичу. — *Л. Б.*) был убит под шумок прицельным выстрелом в голову, так как представлял опасность для разоблачения секретного осведомителя лагерного руководства — Солженицына.

Отсидев от звонка до звонка, Солженицын все же благодарен своей судьбе, что видно из его признания: «Страшно подумать, что б я стал за писатель, если б меня тогда не посадили».

Вот, к примеру, как Солженицын лживо описывает «поведение» И. В. Сталина в ноябре 1941 года: «Сталин в страхе уезжает в Куйбышев и из бомбоубежища неделю названивает: сдали ли Москву? Поверить не мог, что остановили. Молодцы, конечно, молодцы. Но многих пришлось убрать: это будет не победа, если пронесется слух, что Главнокомандующий временно уезжал. Из-за этого пришлось седьмого ноября небольшой парад зафотографировать!»

Ах, Солженицын! Ведь что-что, а этот «небольшой» парад — исторический парад 7 ноября 1941 года, и речь И. В. Сталина 6 и 7 ноября 1941 года, которые передавали все ведущие радиостанции мира, отрицать не надо было бы — это уже факт истории, настолько плотно припечатанный к ней, что «опровергать» его просто бессмысленно. И ни в какой Куйбышев Сталин не уезжал. На вопрос Ф. Чуева, заданный В. Молотову, были ли у Сталина колебания в октябре 1941 года — уехать из Москвы или остаться, — Вячеслав Михайлович ответил: «Это чушь, никаких колебаний не было. Он не собирался уезжать из Москвы. Я выезжал всего на два-три дня в Куйбышев и оставил там старшим Вознесенского. Сталин сказал мне: «Посмотри, как там устроились, и сразу возвращайся»». Один из защитников Сталинграда писал в газете «Красная звезда» 11 августа 1990 года: «Разве не ясно, что если бы в октябре 1941 года Сталин уехал бы из Москвы в Куйбышев, то через неделю война бы закончилась победой Гитлера, что только благодаря отказу Сталина оставить Москву, он нас спас от неминуемого поражения».

Впрочем, у самого Солженицына есть целая философия на этот счет: «А я считал: пусть пожнет Сталин посев своей секретности. Он тайно жил — теперь каждый имеет право писать о нем все по своему представлению». Исходя из этой совершенно чудовищной антиисторической «концепции», Солженицын, вопреки трезвому совету Твардовского убрать главу «Этюд о великой жизни» (о царе-батюшке Николае Романове. — *Л. Б.*) из романа «Красное колесо», оставил ее в неизмененном виде («где я излагал и старался психологически и внешними фактами доказать версию, что Сталин сотрудничал с царской охранкой»). Так сексот «Ветров», поощряемый антисталинской генеральной линией хрущевской КПСС, решил примерить на мертвого Сталина свою грязную сорочку: мол, и «Сталин тоже был сексотом...».

А «подарил» нам этого Исаича его «крестный папаша» — Никита Хрущев, усмотревший, надо отдать ему должное, в графомане Солженицыне не столько литературные (Хрущев, по его собственному признанию, книг почти совсем не читал, все больше предпочитал смотреть фильмы. — *Л. Б.*), сколько именно сексотские данные, и был первым, кто дал «зеленую улицу» его рассказу, по недоразумению названному повестью — «Один день Ивана Денисовича».

В своих мемуарах Хрущев пишет: «Я горжусь, что в свое время поддержал одно из первых произведение Солженицына... Биографии Солженицына я не помню. Мне докладывали раньше, что он долгое время сидел в лагерях. В упоминаемой повести он исходил из собственных наблюдений. Прочел я ее. (Тоже врет. Не сам прочел, а читал Хрущеву и Микояну его помощник Лебедев. — *Л. Б.*). Тяжелое она оставляет впечатление, волнующее, но правдивое. А главное, вызывает отвращение к тому, что творилось при Сталине... (Вот, что для Хрущева было главным, оказывается, в этом омерзительном опусе. — *Л. Б.*). Сталин был преступником, а преступников надо осудить хотя бы морально. Самый сильный суд — заклеймить их в художественном про-

изведении. Почему же, наоборот, Солженицына сочли преступником?»

А, действительно, почему? Да потому, что графоман-антисоветчик Солженицын оказался редкой находкой для Запада, который поспешил в 1970 году незаслуженно присудить автору «Ивана Денисовича» и еще нескольких рассказов и одной статьи, Нобелевскую премию в области литературы — факт беспрецедентный. (Наверное, сам Нобель перевернулся бы в гробу, узнай он об этом! — *Л. Б.*). Как пишет Александр Шабалов в книге «Одиннадцатый удар товарища Сталина», Солженицын Нобелевскую премию вымаливал, заявляя: «Мне эту премию надо, как ступень в позиции, в битве! И чем быстрее получу, тем тверже стану, тем крепче ударю!». И, действительно, имя Солженицына стало знаменем диссидентского движения в СССР, сыгравшего в свое время огромную негативную роль в деле ликвидации советского социалистического строя.

Большинство его опусов впервые увидели свет «за бугром». «Техника нынешняя позволяет набирать самим, в нашей глуши, — тоже как бы Самиздат, в изгнании. Набранный таким образом текст последний раз правится и отправляется для напечатания в Париж. А оттуда дорога ведет прямо на Москву», — весьма коряво пишет «великий» русский писатель XX века в предисловии к первому тому собрания «сочинений» в 18 томах, изданных в 1988 году.

Центральное место среди его пасквильных «творений» занимает бездарнейший и сумбурнейший «Архипелаг ГУЛАГ».

Маршал А. М. Василевский дает такую оценку этому «произведению»: «Как в советской, так и в прогрессивной иностранной литературе давно и неопровержимо установилось мнение о Власове, как приспособленце, карьеристе и изменнике. Только предатель А. Солженицын, перешедший на службу к самым реакционным империалистическим силам, воспевает и восхваляет Власова, власовцев и других предателей Советской Родины в своем циничном антисо-

ветском произведении «Архипелаг ГУЛАГ»». Таково мнение прославленного Маршала Советского Союза, одного из главных «архитекторов Великой Победы»...

Много внимания в своем «Архипелаге» Солженицын уделяет пыткам, которые применяли в НКВД. В связи с этим, в книге «Убийство Сталина и Берия» Юрий Мухин пишет: «Если принимать за чистую монету все книги и мемуары о НКВД, а потом о МГБ, то у некритичного читателя сложится впечатление, что тогда всех, кто попадал в эти органы, с самого порога начинали бить и мучить с одной-единственной целью — чтобы бедные жертвы оговорили себя. (Под пытками, разумеется). Причем пытали невиновных следователи НКВД по личному приказу Сталина и Берия. Такая вот история страшного тоталитарного режима.

Правда, если присмотреться, то окажется, что сведения о пытках поступают из двух очень заинтересованных источников. Во-первых, от осужденных, которые не только оговорили себя (что морально еще можно как-то простить), но и других людей, которых из-за этого оговора тоже осудили. То есть, этим преступникам, из-за показаний которых погибли, возможно, и невиновные люди, ничего не остается делать, как утверждать, что показания они дали, не выдержав пыток...

Во-вторых, сведения о пытках поступают от продажных писак и историков, которые на воплях об этих пытках сделали (да и сегодня делают) себе карьеру и деньги»...

Однако всех таких писак превзошел в описании пыток в «Архипелаге ГУЛАГе» наш герой — Солженицын.

Опровергая его клевету, Л. Самутин, который знал о методах следствия не понаслышке, сам прошел через все это, пишет (прошу прощения у читателя за длинную цитату): «Мы все ждали «пыточного следствия», не сомневались, что нас будут избивать не только следователи, но и специально обученные и натренированные дюжие молодцы с засученными рукавами. Но опять «не угадали»: не было ни пыток, ни дюжих молодцов с волосатыми руками. Из

пятерых моих товарищей по беде ни один не возвращался из кабинета следователя избитым и растерзанным, никого ни разу не втащили в камеру надзиратели в бессознательном состоянии, как ожидали мы, начитавшись за эти годы на страницах немецких пропагандистских материалов рассказов о следствиях в советских тюрьмах

Спустя четверть века, листая рукопись «Архипелага», я снова увижу описание «пыточного следствия», да еще в тех же самых словах и красках, которые помнятся мне еще с того, немецко-военного времени. Это картины, сошедшие почти в неизменном виде с гитлеровских газетных статей и страниц пропагандистских брошюр. Теперь они заняли десятки страниц «Архипелага», книги, которая претендует на исключительность, объективность и безупречность информации.

Из-за водянистости, отсутствия строгой организации материала и умения автора затуманивать сознание читателя, играя на его чувствах, при первом чтении проскакивает как-то незамеченным одно очевидное несоответствие. Красочно и драматично рисуя картины «пыточного следствия» над другими, дошедшие до Солженицына в пересказах, он затем на доброй сотне страниц будет рассказывать не столько о самом себе в роли подследственного, сколько о том, в какой обстановке протекала жизнь в следственной тюрьме: как заключенные читали книги, играли в шахматы, вели исторические, философские и литературные диспуты. И как-то не сразу придет мне в голову несоответствие картин фантастических пыток с воспоминаниями самого автора о его благополучном пребывании в камере...

Итак, пыток перенести не привелось ни автору «Архипелага ГУЛАГ» Солженицыну, ни его соседям по тюрьме в Москве, ни мне с товарищами в подвале контрразведки 5-й ударной армии на территории Германии. И в то же время у меня нет оснований утверждать, что мое следствие шло гладко и без неприятностей. Уже первый допрос следователь начал с мата и угроз. Я отказался говорить в таком

«ключе» и, несмотря на усилившийся крик, устоял. Меня отправили вниз, я был уверен — на избиение, но привели «домой», то есть в ту же камеру. Два дня не вызывали, потом вызвали снова, все началось на тех же нотах, и результат был тот же. Следователь позвонил по телефону, пришел майор, как потом оказалось, начальник отдела. Посмотрев на меня сухими, недобрыми глазами и выслушав претензии и жалобы следователя, он спросил: «Почему не даете старшему лейтенанту возможности работать? Почему отказываетесь давать показания? Ведь все равно мы знаем, кто вы такой, и все, что нам еще нужно, узнаем. Не от вас, так другими путями».

Я объяснил, что не отказываюсь от показаний и готов давать их, но протестую против оскорблений и угроз. Честно говоря, я ожидал, что майор бросит мне: «А чего еще ты, сволочь, заслуживаешь? Ждешь, что с тобой тут нянчиться будут?». Но он еще раз сухо взглянул на меня и сделал какой-то знак следователю. Тот ткнул рукой под стол — нажал кнопку вызова конвоира. Тут же открылась дверь, и меня увели.

Опять не вызывали несколько дней, а когда вызвали, привели в другой кабинет и меня встретил другой человек с капитанскими погонами. Предложил сесть на «позорную табуретку» — так мы называли привинченную табуретку у входа, на которую усаживают подследственного во время допроса, потом сказал: «Я капитан Галицкий, ваш следователь, надеюсь, что мы с вами сработаемся. Это не только в моих, но и в ваших интересах».

И далее повел свое следствие в формах, вполне приемлемых. Я стал давать показания, тем более, что с первого же дня нашего общения капитан усадил меня за отдельный столик, дал чистые листы бумаги и предложил писать так называемые «собственноручные показания». Лишь потом, когда показания он стал переводить на язык следственных протоколов, я понял, что этот человек «мягко стелет, да жестко спать». Галицкий умело поворачивал мои признания в

сторону, нужную ему и отягчавшую мое положение. Но делал это в форме, которая, тем не менее, не вызывала у меня чувства ущемленной справедливости, так как все-таки ведь я был действительно преступник, что уж там говорить. Но беседовал капитан со мной на человеческом языке, стараясь добираться только до фактической сути событий, не пытался давать фактам и действиям собственной эмоционально окрашенной оценки.

Иногда, очевидно, желая дать мне, да и себе тоже, возможность отдохнуть, Галицкий заводил и разговоры общего характера. Во время одного я спросил, почему не слышу от него никаких ругательных и оскорбительных оценок моего поведения во время войны, моей измены и службы у немцев. Он ответил: «Это не входит в круг моих обязанностей, мое дело — добыть от вас сведения фактического характера, максимально точные и подтвержденные. А как я сам отношусь ко всему вашему поведению — это мое личное дело, к следствию не касающееся. Конечно, вы понимаете, одобрять ваше поведение и восхищаться им у меня оснований нет, но, повторяю, это к следствию не относится»...

Время пребывания в следственных подвалах растянулось на четыре месяца из-за продления следствия. Я боролся изо всех своих силенок, сопротивлялся усилиям следователей «намотать» мне как можно больше. Так как я скупо рассказывал о себе, а других материалов у следствия было мало, то следователи и старались, по обычаям того времени, приписать мне такие действия и навалить на меня такие грехи, которые я не совершал.

В спорах и возне вокруг не подписываемых протоколов мне удалось скрыть целый год службы у немцев, вся моя «эпопея» у Гиля в его дружине осталась неизвестной. Не могу сказать, какое имело бы последствие в то время разоблачение еще и этого этапа моей «деятельности», изменило бы оно ход дела или все осталось бы в том же виде. Тут можно предполагать в равной степени и то, и другое.

Тем не менее, весь свой лагерный срок до Указа об амнистии 1955 года я прожил в постоянном страхе, что этот мой обман вскроется и меня потащат к новой ответственности»...

Вот так-то. Ежели Самутин не оговаривал себя и других, как это делали Солженицын и его «герои», то у него нет и оснований лгать, что его пытали и что он выдавал, не выдержав пыток...

14 февраля 1974 года все центральные советские газеты опубликовали следующее сообщение: «Указом Верховного Совета СССР за систематическое совершение действий, не совместимых с принадлежностью к гражданству СССР и наносящих ущерб СССР, лишен гражданства и 13 февраля 1974 года выдворен за пределы Советского Союза Солженицын А. И. Семья Солженицына сможет выехать к нему, как только сочтет необходимым».

Во Франкфурте-на-Майне, куда его доставил самолет Аэрофлота, он сразу же был подхвачен враждебными Советскому Союзу средствами массовой информации, для которых изгнанный Советами лауреат Нобелевской премии представлял тогда сенсационный интерес. Но Германия его не устраивала, и вскоре Исаич оказался в Соединенных Штатах, в Вермонте, штате, природные условия которого напоминали климат среднерусской полосы.

Спустя неделю после высылки Солженицына «Литературная газета» опубликовала большую подборку писем «Конец литературного власовца», где один писатель высказывал такую мысль: «Если отдельный гражданин настойчиво противопоставляет себя обществу, в котором живет, то общество, исчерпав меры воздействия, вправе отвергнуть его».

Но отверженный дождался своего часа и вернулся в Россию, когда Запад, с его помощью успешно завершивший свое подлое дело по ликвидации детища Иосифа Виссарионовича Сталина — Советского Союза, — потерял всякий интерес к одиозной персоне Солженицына.

Эрнест Неизвестный и прочие лица

Малообразованный Хрущев, человек невысокой интеллектуальной культуры, обладал поистине бесконтрольной, даже можно сказать самодержавной властью. Его отношение с интеллигенцией были своеобразны: с одной стороны, видя в либеральной интеллигенции своего союзника в проводимой им антисталинской политике, Хрущев дал им то, чего они добивались — возможность творить в рамках «оттепели», но, с другой стороны, импульсивный Хрущев не раз топал на них ногами, не раз кричал и оскорблял деятелей литературы и искусства.

В конце жизни, размышляя об этом, он признал, что был неправ, когда пытался их поучать, диктовать им что-то, кричать на них, навязывать свои вкусы и предпочтения: «Нельзя направлять развитие литературы, искусства и культуры с помощью палки и окрика. Нельзя проводить борозду, а затем заставлять всех деятелей искусства следовать по ней без каких-либо отклонений».

Формировавшиеся под воздействием хрущевского культоборства молодые поэты и писатели, такие, как Евгений Евтушенко, Роберт Рождественский, Андрей Вознесенский, Белла Ахмадулина, Василий Аксенов, Владимир Войнович в той или иной мере были заражены бациллой антисоветизма, и, конечно же, антисталинизма.

Хрущев делал вид, что борется с «идеологической разболтанностью», но на самом деле у него просто не хватало общей культуры, чтобы заставить прислушаться к своим словам, как это делал И. В. Сталин, пользовавшийся заслуженным авторитетом среди деятелей литературы и искусства, и ему ничего не оставалось, как топать ногами и размахивать дубинкой.

19 мая 1957 года партийно-государственные руководители встретились с деятелями культуры. Вот как вспоминает об этой встрече писатель Вадим Тендряков: «Крепко за-

хмелевший Хрущев оседлал тему идейности в литературе — «лакировщики не такие уж плохие ребята... Мы не станем цацкаться с теми, кто нам исподтишка пакостит». Он неожиданно обрушился на хрупкую Маргариту Алигер, активно поддерживавшую альманах «Литературная Москва».

— Вы идеологический диверсант. Отрыжка капиталистического Запада!

— Никита Сергеевич, что вы говорите? — отбивалась ошеломленная Алигер. — Я же коммунистка, член партии.

— Лжете! Не верю таким коммунистам! Вот беспартийному Соболеву верю! Вам — нет!

— Верно, Никита Сергеевич! — услужливо поддакивал Соболев. — Верно! Нельзя им верить!».

Кстати, назвать ни с того ни с сего поэтессу Маргариту Алигер, автора поэмы «Зоя», посвященной подвигу Зои Космодемьянской, «идеологическим диверсантом» и «отрыжкой капиталистического Запада», и в то же время дать «добро» на публикацию в 11-м номере «Нового мира» за 1962 год самой идеологически вредной и подрывной книжонки Солженицына «Один день Ивана Денисовича» — такое может присниться разве что в дурном сне.

1 декабря 1962 года Хрущев в сопровождении Ильичева, Суслова, Полянского, Косыгина, Шелепина, Кириленко, а также «придворных художников» С. Герасимова, Б. Иогансона и В. Серова, которые, изменив И. В. Сталину, исправно стали служить новому «хозяину», без зазрения совести вымарывая изображения Великана на своих полотнах в угоду Пигмею. (В частности, на известнейшей картине В. Серова «В. И. Ленин провозглашает Советскую власть», копии которой были чуть ли не в каждом детском саду, место И. В. Сталина занял человек в тюбетейке — хорошо еще не в ермолке. — *Л. Б.*) — отправился осматривать художественную выставку в Манеже.

«Ну, признавайтесь, где у вас тут праведники, а где грешники, показывайте свои художества!» — такими словами начал свой осмотр экспозиции Хрущев. Разглядывая

работы маститых художников и скульпторов, он не проронил ни слова (нечего было сказать!). Потом Хрущев и сопровождавшая его свита стали рассматривать работы молодых художников-абстракционистов.

Художник Элий Белютин вспоминал: «Хрущев в окружении плотной толпы бросился в обход вдоль стен. Раз за разом раздавались его выкрики: «Дерьмо!», «Мазня!». Хрущев распалялся: «Кто им разрешил так писать?!», «Всех на лесоповал! Пусть отработают деньги, которые на них затратило государство!», «Безобразие! Что это — осел хвостом писал, или что?»

Другой участник выставки, Борис Жутовский, рассказывал: «Когда Хрущев подошел к моей последней работе, к автопортрету, он уже куражился: «Посмотри лучше, какой автопортрет Лактионов нарисовал. Если взять картон, вырезать в нем дырку и приложить к портрету Лактионова, что видно? Видать лицо. А эту же дырку приложить к твоему портрету, что будет? Женщины должны меня простить — жопа». И вся его свита мило заулыбалась».

Во время посещения Манежа Хрущев обратился к модернистам: «Кто здесь главный?». «Главным» оказался Эрнст Неизвестный.

Борис Жутовский вспоминал: «Эрнст Неизвестный встал перед Хрущевым и говорит: «Никита Сергеевич, вы глава государства, и я хочу, чтобы вы посмотрели мою работу». Хрущев от такой формы оторопел и недоуменно пошел за ним. Как только Хрущев увидел работы Эрнста, он сорвался и начал повторять свою идею о том, что ему бронзы на ракеты не хватает. И тогда на Эрнста с криком выскочил А. Шелепин: «Ты где бронзу взял? Ты у меня отсюда никуда не уедешь!» Но Эрнст, человек неуправляемый, вытаращил черные глаза и, в упор глядя на Шелепина, сказал ему: «А ты на меня не ори! Это дело моей жизни. Давай пистолет, я сейчас здесь, на твоих глазах застрелюсь».

Э. Неизвестный рассказывал: «Хрущев заявил, что я проедаю народные деньги, а произвожу дерьмо! Я же утвер-

ждал, что он ничего не понимает в искусстве. На это Хрущев возражал: «Был я шахтером — не понимал, был я политработником — не понимал. Ну вот сейчас я глава партии и премьер и все не понимаю. Для кого же вы работаете?».

«Интереснее всего то, — писал Неизвестный, — что когда я говорил честно, прямо, открыто и то, что думаю, — я его загонял в тупик. Но стоило мне начать чуть-чуть лицемерить, он это тотчас чувствовал и брал верх. Вот только один пример. Я сказал: «Никита Сергеевич, вы меня ругаете, как коммунист, вместе с тем, есть коммунисты, которые поддерживают мое творчество, например, Пикассо, Ренато Гуттузо». Он хитро прищурился и сказал: «А вас лично волнует, что они коммунисты?» И я соврал: «Да!» Если бы я был честным, я должен был бы сказать: «Мне плевать, мне важно, что они большие художники!». Словно почувствовав это, он продолжал: «Ах, это вас волнует! Тогда пусть это вас не волнует, мне ваши работы не нравятся, а я в мире коммунист номер один»».

После посещения Манежа Хрущев провел две встречи с деятелями литературы и искусства. Их называли «историческими встречами с интеллигенцией». Первая состоялась 17 декабря в Доме приемов на Ленинских горах, на которой Хрущев поручил выступить с докладом секретарю ЦК КПСС Ильичеву. В своей речи идеолог Ильичев сказал: «Мы должны внести полную ясность: мирного сосуществования социалистической идеологии и идеологии буржуазии не было и быть не может... В идеологии идет и ни на минуту не прекращается схватка с буржуазным миром, идет борьба за души и сердца людей, особенно молодежи, борьба за то, какими будут они, молодые люди, что возьмут с собой из прошлого, что принесут в будущее. Мы не имеем права недооценивать опасность диверсий буржуазной идеологии в сфере литературы и искусства».

Слова-то верные. Да делами они не подкреплялись. (Сколько горечи, например, в письме студентки МГУ Щегольковой Хрущеву в связи как раз со «второй встречей с

интеллигенцией», состоявшейся 8 марта 1963 года: «Я нахожусь сейчас в полной растерянности. Все, во что я верила, во имя чего жила, — рушится... Атмосфера, создающаяся сейчас, есть атмосфера администрирования, насилия, необоснованных обвинений, оплевывания, демагогии и декламации самых высоких слов, которые честный человек произносит в самый трудный момент». — *Л. Б.*)

Вот как раз на этой встрече Хрущев описал свои впечатления от прогулки в зимнем лесу: «Только посмотрите на эти ели, на снежинки, блестящие в лучах солнца! Как прекрасно все это!» После чего возмущенно добавил: «И теперь модернисты, абстракционисты хотят нарисовать эти ели вверх ногами!».

Режиссер Михаил Ромм вспоминал: «Хрущев постепенно как-то взвинчивался и обрушился раньше всего на Эрнста Неизвестного. Долго он искал, как бы это пообиднее, пояснее объяснить, что такое Эрнст Неизвестный. И, наконец, нашел. Нашел и очень обрадовался этому, говорит: «Ваше искусство похоже вот на что: вот если бы человек забрался в уборную, залез бы внутрь стульчака и оттуда, из стульчака, взирал бы на то, что над ним, ежели на стульчак кто-то сядет. На эту часть тела смотрит изнутри, из стульчака. Вот что такое ваше искусство. И вот ваша позиция, товарищ Неизвестный, вы в стульчаке сидите»».

Потрясает реакция Эрнста Неизвестного в ответ на этот оскорбительный хамский выпад: нет, он не вызвал обидчика на дуэль, не совершил против него террористический акт. Придя домой после публичного позора, учиненного ему Хрущевым, он, как и положено интеллигентику, сел и написал письмо такого вот мазохистского содержания: «Я боюсь показаться нескромным, но я преклоняюсь перед Вашей человечностью, и мне много хочется писать Вам самых нежных и теплых слов. Никита Сергеевич, клянусь Вам и в Вашем лице партии, что буду трудиться, не покладая рук, чтобы внести свой посильный вклад в общее дело на благо народа».

Интересно, что когда будет опубликовано сообщение о кончине Хрущева, именно Эрнст Неизвестный соорудит ему памятник на Новодевичьем кладбище в Москве. Памятник этот выдержан в «черно-белом» варианте, что по замыслу автора должно было выразить уравновешенность добра и зла в Хрущеве. Впрочем, не знаю, как насчет добра, но зла в нем, судя хотя бы по его мемуарам, хватало на десятерых... Взять, к примеру, такое циничное его заявление: «Ну вот, мы вас тут, конечно, послушали, поговорили, но решать-то будет кто? Решать в нашей стране должен народ. А народ — это кто? Это партия. А партия кто? Это — мы. Мы — партия. Значит, мы и будем решать, я вот буду решать. Понятно?».

Неудивительно, что в молодежной среде вызревал протест, выражавшийся порой даже в экстремистской форме. Так, участник подпольной политической группы Александр Иванов (будущий ведущий телепрограммы «Вокруг смеха» и будущий автор премерзкой книжонки «Дело Ленина — смертно»), сторонник террора, предложил организовать покушение на Хрущева, ведущего, по его мнению, мир к войне. Проект Иванова получил кодовое название «Космонавт» и был своевременно раскрыт органами КГБ.

Часть 17

О СЫНОВЬЯХ ХРУЩЕВА БЕЗ РУМЯН

Леонид Хрущев — герой или предатель?

Сразу же после XX съезда КПСС ходил по Москве и был популярен стих среди сторонников И. В. Сталина, действительно возмущенных той наглой клеветой, которую возвел на всенародного вождя Никита Хрущев.

Мы не поверили ему!
Промчалась мимо слов лавина,
И недоверию тому
Была — и не одна причина.
Шептались — в плен его сынок
В разгар войны без боя сдался.
Высокий преступив порог,
Хрущев спасти его пытался.
А Сталин желтизною глаз
Сверкнул и тронул кончик уса:
Я своего о-р-л-а не спас,
А ты пришел просить за труса!!!

Автор этих строк предпочел остаться неизвестным. И хотя под ними стояла подпись — Эль-Регистан, к соавтору сталинского «Гимна Советского Союза» Габриэлю Урекляну, имевшему этот псевдоним, стих этот отношения не имеет, так как настоящий Эль-Регистан умер еще в 1945 году...

Возможно, Хрущев никогда не произносил этой фразы, но если верить молве, то однажды он неосторожно бросил при своих приближенных: «Ленин в свое время отомстил царской семье за брата, а я покажу мертвому Сталину за сына, где живет кузькина мать»...

Правду, полную и документированную, о старшем лейтенанте Леониде Никитиче Хрущеве никто и никогда не узнает, так как его папаша в 1953 и 1954 годах, получив доступ к архивам, провел их чистку и изъял из личного дела сына протоколы допросов в немецком плену и другие компрометирующие Леонида документы. Об этом говорят авторы публикаций о сыне Хрущева, в частности, Николай Над, которого интересует: «Почему из «личного дела» его сына так внаглую выдраны страницы, касающиеся тех военных лет, когда в судьбе его Леньки появились вопросы? А взамен, хотя и наспех, но уверенно выдранных (от которых, правда, остались клочки) через 10—15 лет после войны вдруг возникли новые, датированные уже 60-ми... Выходит, в нем было что-то такое, что не давало Хрущеву покоя до конца жизни».

Однако, как всегда бывает в подобных случаях, версий — хоть отбавляй! Одна из них представляется наиболее правдоподобной. Это версия генерал-майора КГБ в отставке, прослужившего в контрразведке 37 лет, участника Великой Отечественной войны Вадима Удилова, написавшего книгу «За что Хрущев отомстил Сталину», фрагмент которой был опубликован в «Независимой газете» 17 февраля 1998 года. А уже 4 апреля того же года та же газета публикует материал, полученный из США от внучки Леонида Хрущева, — Нины Хрущевой «За что сталинисты мстят Хрущеву?» Но доводы, которые приводила из-за океана 27-летняя выпускница Принстонского университета, были малоубедительны и не опровергали версию осведомленного бывшего старшего офицера госбезопасности.

Речь идет о том, что Леонид Хрущев в начале 1941 года совершил уголовное преступление на почве злоупотребления алкоголем, он должен был предстать перед судом, но благодаря отцу избежал не только наказания, но и суда.

Вторым преступлением Леонида Хрущева было убийство сослуживца во время попойки, после чего, по свидетельству Степана Микояна, который дружил с Леонидом, его судили и дали восемь лет с отбытием на фронте.

По свидетельству В. Удилова, подтверждаемому другими источниками, самолет-истребитель, пилотируемый сыном Хрущева, ушел в сторону расположения немцев и бесследно пропал. Так Леонид оказался в фашистских лапах. Скорее всего, он пошел на это добровольно, так как ему терять было нечего.

Итак, Леонид пошел-таки на сговор с германскими фашистами. Убедившись в этом, И. В. Сталин поставил перед военной контрразведкой «Смерш» задачу выкрасть Л. Хрущева и доставить его в Москву. Спецзадание Верховного Главнокомандующего было выполнено. Вместе с Л. Хрущевым были доставлены в Москву документальные данные, свидетельствовавшие о его предательской деятельности. Военный трибунал приговорил его к высшей мере наказания — расстрелу. Узнав о приговоре военного трибунала, Никита Хрущев обращается в Политбюро с просьбой отменить суровую кару.

И. В. Сталин согласился обсудить вопрос о судьбе Леонида Хрущева на заседании Политбюро. Начальник контрразведки «Смерш» генерал-полковник Абакумов изложил материалы дела, приговор военного трибунала и удалился. Первым на заседании выступил секретарь Московского обкома и горкома, он же начальник ГлавПУРа Красной Армии и кандидат в члены Политбюро Александр Щербаков, который в своем выступлении сделал упор на необходимости соблюдения принципа равенства всех перед законом. Нельзя, заявил он, прощать сынков именитых отцов, если они

совершили преступление, и в то же время сурово наказывать других. Что тогда будут говорить в народе? Щербаков предложил оставить приговор в силе.

Затем слово взял Берия, который был в курсе прежних проступков сына Хрущева, напомнил о них и о том, что сына Хрущева уже дважды прощали. После чего выразили свои точки зрения Молотов, Каганович, Маленков. Мнение у всех членов Политбюро было едино: оставить приговор в силе.

Последним выступил И. В. Сталин. Ему было отнюдь не просто принимать решение — ведь его Яков тоже находился в плену. Своим решением он тем самым подписывал приговор и собственному сыну.

Как известно, сын Сталина — Яков Джугашвили — наотрез отказался принимать какое-либо участие в пропагандистских мероприятиях нацистов и вообще в какой бы то ни было форме сотрудничать с гитлеровцами. И Указ Постоянного Президиума Съезда народных депутатов СССР о присвоении звания Героя Советского Союза Джугашвили Якову Иосифовичу за героизм и личное мужество, проявленные в годы Великой Отечественной войны посмертно — это не только дань уважения к памяти И. В. Сталина, но и акт исторической справедливости, потому что Яков действительно этого достоин. Он предпочел предательству смерть.

Как пишет В. Аллилуев, есть очевидцы таких слов легендарного генерала Д. М. Карбышева, сказанных им в адрес Якова (в апреле 1942 года генерала доставили в немецкий лагерь Хаммельбург): «К Якову Иосифовичу следует относиться как к непоколебимому советскому патриоту. Это очень честный и скромный товарищ. Он немногословен и держится особняком, потому что за ним постоянно следят. Он опасается подвести тех, кто с ним будет общаться»...

Удилову рассказывали, что сказал И. В. Сталин, закрывая заседание. Он сказал: «Никите Сергеевичу надо кре-

питься и согласиться с мнением товарищей. Если то же самое произойдет с моим сыном, я с глубокой отцовской горечью приму этот справедливый приговор!».

Внучка Леонида Нина Хрущева, которая ревностно следила за всеми публикациями о своем клане, никак не реагировала, читая версии, в которых ее названый дед Никита Хрущев, изображался в крайне унизительной ситуации, когда ползал на коленях перед И. В. Сталиным, слезно умоляя его пощадить сына, бился на ковре в судорогах, но так и не смог разжалобить «тирана». А тут она проявила такую неадекватную реакцию на совершенно здравый и правдивый материал. Главный козырь Нины — что версия экс-чекиста недокументирована. Однако в этом нет ничего удивительного, если учесть ту бесцеремонность, с какой ее названый дед Никита потрошил архивы, изымая все, что могло его скомпрометировать.

В. Удилов приводит список лиц, подвергнутых репрессиям при Хрущеве. Это, помимо сына Сталина — Василия, генерал-лейтенант госбезопасности Павел Судоплатов, чьи люди участвовали в похищении Леонида Хрущева. Он неизвестно за что отсидел 15 лет «от звонка до звонка» в той же Владимирской тюрьме, где сидел Василий Сталин. Судоплатов был реабилитирован аж в 1992 году. Маленков, Молотов, Каганович были отправлены в ссылку под строжайший оперативный милицейский надзор. Единственный, кого не смогла достать карающая десница мстительного и злопамятного Хрущева, это Александр Щербаков (он умер в 1945 году. — *Л. Б.*), но судя по тем эпитетам, которыми «награждает» покойного он в своих «мемуарах» четверть века спустя, видно, как сильно «Микита» ненавидел его: «ядовитый, змеиный характер Щербакова», «мы все возмущались Щербаковым», «подлые задатки Щербакова», «этот злостный подхалим Щербаков», «Щербаков же продолжал свою гнусную деятельность», «Я Щербакова оцениваю по заслугам, причем с очень плохой стороны» и т. д.

По свидетельству писателя Ивана Стаднюка, комиссия по реабилитации, так называемая «комиссия Шверника», после XX съезда пыталась доказать в угоду всесильному отцу, что осужденный во время войны сын Хрущева — летчик, совершивший героический подвиг, и что он ни в чем не виноват. Однако Военная коллегия Верховного Суда СССР «не нашла возможным снять с него судимость». И тем не менее в книге «воспоминаний» Хрущева помещена фотография его сына с надписью: «Леонид Никитич Хрущев, летчик, погиб в боях за Родину».

Сергей Хрущев — американский профессор

Клан Хрущевых с упорством, достойным лучшего применения, не желает признать очевидные факты и пытается отрицать предательство Леонида: «Слухи о том, что мой брат не погиб, выполняя свой воинский и патриотический долг, а якобы сдался в плен, выдал врагу военную тайну и что после войны (??? — *Л. Б.*) он «попал в наши руки» и его ждала «заслуженная кара», — были явно выдуманы. Для чего? Это становится понятным из имевшей хождение версии о том, что, дескать, Хрущев пошел к Сталину вымолить снисхождение к преступнику, даровать сыну жизнь. И благородный вождь, дескать, с презрением отверг недостойного, говоря: «Я не стал помогать своему сыну-герою, а твой трус должен получить по заслугам»».

Эти слова были произнесены Сергеем Хрущевым, доктором физико-математических наук, конструктором ракетной техники, который новой «родине» — США — был нужнее как «сын Хрущева», а посему и с самого начала он стал подвизаться на должности профессора политологии в американском университете Брауна, прославляя мировой империализм и клевеща на наше прошлое.

Именно Сергей Никитич подбил своего папашу на совершение по тем временам государственного преступле-

ния — публикации в США бредовых «воспоминаний» и одновременно в «Правде» — опровержения о «слухах» по этому поводу.

Вот это лживое «заявление»: «Как видно из сообщений печати Соединенных Штатов Америки и некоторых других капиталистических стран, в настоящее время готовятся к публикации так называемые мемуары или воспоминания Н. С. Хрущева. Это — фабрикация, и я возмущен ею. Никаких мемуаров или материалов мемуарного характера я никогда никому не передавал — ни «Тайму», ни другим заграничным издательствам. (В этом весь Никита Сергеевич! — *Л. Б.*). Поэтому я заявляю, что все это является фальшивкой. В такой лжи уже неоднократно уличалась продажная буржуазная печать. Н. Хрущев».

Это вполне в стиле Хрущева. После закрытия XX съезда он дважды публично заявлял, что никакого доклада о «культе личности Сталина» на съезде он не читал, что такого документа нет и не было в природе. Так он «опровергал» комментарии на этот доклад зарубежной прессы. Когда вскоре этот доклад слово в слово будет опубликован за границей, и об этом Л. М. Каганович поставит вопрос в лоб на заседании Президиума ЦК, Хрущев, не признаваясь, что это дело его рук, скажет: «Что касается публикаций, давайте подумаем, как выйти из положения». Предложение Булганина звучало так: «Нужно проверить, как могло случиться, что документы ЦК всего лишь через несколько дней появляются в печати за рубежом и весь мир узнает об этом. Надо поручить Серову расследовать и доложить». Ну и что? Расследовал Серов? Доложил ли? И если да, то что? Если он наверняка знал, что утечка столь важной информации была осуществлена лично им по поручению «верного ленинца» — такого верного, что дальше уж некуда — Никиты Сергеевича Хрущева.

В предисловии к «Воспоминаниям» Хрущева, поименованном как «Слово сына», Сергей Никитич, как один из правовладельцев мемуаров (совместно с Радой Никитичной

и неким В. Евреиновым), пишет: «Я не тешу себя надеждой, что все согласятся с моими оценками, кое-кто сочтет меня предвзятым. Конечно, мое мнение о тех временах, о моем отце субъективно. Оно и не может быть иным. Да и существуют ли вообще несубъективные мнения?»

Да разве ж об этом речь? Речь — об объективной действительности, искажать и извращать которую никому непозволительно...

Приложение

О «серпочках, молоточках»...

Сталин с теплотой и большим вниманием относился к тем деятелям искусства, которые стояли на страже интересов своей социалистической Родины, отражали в своих произведениях важные проблемы развития СССР и истории страны. В этой связи хотелось бы рассказать еще, в дополнение к этой книге, о выдающемся советском режиссере А.П. Довженко.

Для начала дадим биографическую справку. Довженко Александр Петрович (1894—1956) — советский кинорежиссер и драматург, заслуженный деятель искусств Украинской ССР, народный артист РСФСР, дважды лауреат Сталинской премии (1941 и 1949), лауреат Ленинской премии (1959, посмертно). Один из основоположников советской кинематографии, создатель киноэпопей, проникнутых поэзией, отразивших коренные сдвиги эпохи. Ставил фильмы по собственным сценариям: «Арсенал» (1929), «Земля» (1931), «Аэроград» (1935), «Щорс» (1939), «Битва за нашу Советскую Украину» (1943), «Мичурин» и другие. Награжден орденом Ленина.

Когда в 1932 году фильм Александра Довженко «Иван» вызвал на Украине крайне негативную реакцию, и народный комиссар просвещения Украины даже обвинил кинорежиссера в профашистских настроениях, Довженко срочно выехал из тогдашней столицы Украины Харькова в Москву в надежде попасть на прием к И. В. Сталину. Он пишет

И. В. Сталину письмо, в котором просит, чтобы вождь прослушал сценарий нового фильма «Аэроград», и тот принимает его «ровно через двадцать четыре часа после того, как письмо было опущено в почтовый ящик» .

Вот как Довженко описывает этот прием: «Сталин так тепло и хорошо, по-отечески представил меня товарищам Молотову, Ворошилову и Кирову, что мне показалось, будто он давно и хорошо меня знает. И мне стало легко... Я понял, что его интересует не только содержание сценария, но и профессиональная, производственная сторона нашего дела. Расспрашивая меня о Дальнем Востоке, товарищ Сталин спросил, могу ли я показать на карте место, где я бы построил город, если бы был не режиссером, а строителем. Мне показалось, что сама идея создания совершенно нового города на Дальнем Востоке, пусть даже в экранной проекции представлялась моим собеседникам весьма заманчивой... Я ушел от товарища Сталина с просветленной головой, с его пожеланием успеха и обещанием помощи».

И. В. Сталин выполнил свое обещание. Он лично следил за ходом съемок этого оборонного фильма и обязал Управление воздушными силами оказывать режиссеру всяческое содействие. Вождю понравилась эта кинолента, в которой был ряд романтических образов — партизан Глушак и его сын-летчик, корейские крестьяне и юноша-чукча — которым противостоят японские диверсанты и их агенты-кулаки.

Посмотрев «Аэроград», И. В. Сталин сделал всего одно замечание: «Только старик-партизан говорит у вас слишком сложным языком, речь таежника ведь проще». После выхода на экран в 1935 году этого сильного фильма, снятого с большим мастерством, И. В. Сталин еще не раз приглашал Довженко к себе в кремлевский кинозал, на просмотр новых фильмов, интересовался его мнением о них, консультировался с ним, как с экспертом.

Об этом удивительном просмотровом зале хорошо сказано в воспоминаниях дочери И. В. Сталина — Светланы

Аллилуевой: «Кино заканчивалось поздно, часа в два ночи: смотрели по две картины или даже больше... Сколько чудных фильмов начинали свое шествие по стране именно с этого маленького экрана в Кремле! «Чапаев», «Трилогия о Максиме», фильм о Петре I, «Цирк», «Волга-Волга»... В те времена — до войны — еще не было принято критиковать фильмы и заставлять их переделывать. Обычно смотрели, одобряли и фильм шел в прокат. Даже если что-то и не совсем было по вкусу, то это не грозило судьбе фильма и его создателя»...

Александр Довженко был в числе большой группы деятелей кино — в нее входили С. Эйзенштейн, В. Пудовкин, Ф. Эрмлер, братья С. и Г. Васильевы, Г. Козинцев, Л. Трауберг и другие — которых в марте 1935 года, по поручению самого И. В. Сталина, Главное управление кинофотопромышленности премировало персональными автомобилями. Тогда же, в числе ведущих кинорежиссеров, А. П. Довженко был награжден орденом Ленина. При вручении ему высокой награды И. В. Сталин сказал: «За вами теперь долг — украинский Чапаев».

Известно, что фильм братьев Васильевых «Чапаев» был одним из любимейших кинокартин вождя. Об этом писали многие. Но вот что пишет о том же сам А. Довженко: «Товарищ Сталин предложил мне просмотреть с ним новый экземпляр «Чапаева». Несомненно, он просматривал свой любимый фильм не в первый раз. Но полноценность и теплота его эмоций, восприятия фильма казались неослабленными. Некоторые реплики он произносил вслух, и мне казалось, что он делал это для меня. Он как бы учил меня понимать фильм по-своему, как бы раскрывал передо мною процесс своего восприятия».

Фактически заказав А. Довженко киноленту о Щорсе («украинском Чапаеве»), вождь сказал ему: «... имейте в виду, ни мои слова, ни газетные статьи ни к чему вас не обязывают. Вы — человек свободный. Хотите делать «Щорса» — делайте, но, если у вас имеются иные планы — де-

лайте другое. Не стесняйтесь. Я вызвал вас для того, чтобы вы это знали».

Художнику тема показалась интересной, и он взялся за ее воплощение с живым интересом и большим энтузиазмом. Тогда вождь посоветовал ему раскрыть в фильме национальные особенности украинцев, показать их юмор, народные песни и пляски. Когда И. В. Сталин узнал, что у Александра Довженко нет патефона, буквально через час, как он вернулся от вождя, ему принесли патефон.

А. Довженко снимал «Щорса» целых четыре года, причем особенно трудным для режиссера годом был 1938-й, когда 1-м секретарем украинского ЦК стал перестраховщик Никита Хрущев. Вокруг картины создалась атмосфера скрытого недоброжелательства. Тень на создателя «Щорса» наводил лично Хрущев, «просигнализировавший» Сталину информацию, которую озвучил глава киноведомства С. Дукельский, командируя в Киев редактора И. Маневича и давая ему наказ посмотреть с пристрастием весь киноматериал по Щорсу: «Говорят, там какая-то разнузданная партизанщина, а не Красная Армия. Главное, батька Боженко заслонил Щорса, разгуливает в лаптях по экрану. В общем, махновщина. Картину ждут наверху, а туда поступают такие сигналы. Посмотрите материал. Узнайте мнение ЦК Украины (читай: Хрущева. — *Л. Б.*)».

Однако несмотря ни на что фильм вышел на экраны в 1939 году и с успехом обошел кинотеатры страны, хотя и был принят несколько хуже «Чапаева». Как свидетельствует автор книги «Кремлевский цензор» Григорий Марьямов, бывший в «сталинском кинозале» во время просмотра ленты А. Довженко, И. В. Сталин принял «Щорса» с полным восхищением, не сделав ни одного замечания. После просмотра «Щорса» И. В. Сталин повез Александра Довженко домой, и они долго совершали вдвоем ночную прогулку по пустым улочкам старого Арбата. Черный бронированный автомобиль двигался в отдалении, следом.

Понятно, что выдающийся советский кинодеятель искренне уважал и любил Иосифа Виссарионовича Сталина.

В свою очередь, и Вождь относился благосклонно к создателю «Щорса», присудив Довженко за этот фильм в 1941 году Сталинскую премию первой степени...

Александр Довженко ушел из жизни в 1956 году, вскоре после пресловутого XX партсъезда, а в 1959 году Хрущев присваивает ему Ленинскую премию посмертно. Что явилось причиной такого шага — только ли искреннее признание его несомненных заслуг перед советским кинематографом, или «верного ленинца» Никиту Сергеевича давила жаба запоздалого раскаяния за все то плохое, что было предпринято им против А. Довженко всякий раз, когда их пути-дорожки пересекались?

Завеса над этой тайной приоткрылась лишь три десятилетия спустя, в 1987 году, когда самый, пожалуй, реакционный орган советской печати тех лет — журнал «Огонек» (№ 43) Коротича, печатавший горы изощреннейшей клеветы на И. В. Сталина, большевиков и социализм, опубликовал выдержки из якобы подлинных «записей» советского кинорежиссера Александра Довженко — фактически хрущевской антибериевской фальшивки, которая в свое время так и не увидела свет по причине того, что явно противоречила не только постановлению ЦК о культе личности в части той роли, которую играл в этом «эпизоде» сам вождь, но и здравому смыслу, и вероятностью возможных опровержений тогда еще живых «свидетелей защиты».

Довженко в своих «посмертных записках» якобы вспоминал:

«Помню дьявольскую рожу, которую скорчил Берия, когда привезли меня к Сталину на суровый страшный суд по поводу неудачных ошибочных фраз, вкрапившихся, по словам самого Сталина, в мой сценарий «Украина в огне». Вытаращив на меня глаза, как фальшивый плохой актер, он (Берия) грубо гаркнул на меня на заседании Политбюро (в начале сорок четвертого года): «Будем вправлять мозги!»...(в начале 44-го не было никакого «огня» на Украине, т. к. она была освобождена 6.11. 43 г. — *Л. Б.*)».

«О, я знаю тебя! — грозно тыча пальцем и так же злобно тараща глаза, поучал меня друг Берии (имеется в виду И. В. Сталин — *Л. Б.*). — Ты вождю пожалел каких-то десять метров пленки... Ты ни одного эпизода ему не сделал... Пожалел, да?.. Не хотел изобразить вождя! Гордость тебя заела, вот и погибай теперь... Ты! Как надо работать в кино, знаешь?! И что твой талант? Тьфу! — Вот что такое твой талант... Он ничего не значит, если ты не умеешь работать... Ты работай, как я: думай, что хочешь, а когда делаешь фильм, разбросай по нему то, что любят: тут серпочек, там молоточек, там звездочку...

«Первый маэстро» (имеется в виду все тот же Сталин. — *Л. Б.*) начал даже показывать мне, как именно надо разбрасывать серпочки и молоточки, от чего я едва не провалился в землю от возмущения, отчаяния и отвращения. Разбросав воображаемые серпочки и молоточки, маэстро гордо встал и поднял голову и указательный перст: «Вот и был бы ты человеком. А теперь мой совет тебе: исчезай, вроде бы нет и не было тебя»»...

Зададимся вопросом: мог ли такой эпизод иметь место в том виде, как он описан в «воспоминаниях» Александра Довженко? Оставим на совести авторов этой фальшивки их выпады против Берия, (кстати, фамилия Берия по правилам русской грамматики не склоняется, так же, как и французские фамилии «Дюма», «Золя» и им подобные, не склонял ее и Довженко. А в приведенном «воспоминании» вдруг стал склонять... — *Л. Б.*) и проанализируем лишь, насколько психологически возможно подобное поведение со стороны И. В. Сталина. Вождь никогда, как мы имели возможность убедиться, не обращался к Довженко на «ты». А тут в небольшой гневной, барски-пренебрежительной тираде он позволяет себе употреблять уничижительное «ты», «тебя», «твой» аж целых 11 раз. Для того, чтобы вызвать негативное отношение к Сталину, автор фальшивки вкладывает в «воспоминания» Довженко то, что было актуально в год XX съезда (одновременно, напомню, это был и год

смерти кинорежиссера. — *Л. Б.*) — лживую версию об активной роли Сталина в создании культа собственной личности: «Ты вождю пожалел каких-то десять метров пленки... Ты ни одного эпизода ему не сделал... Пожалел, да? Не хотел изобразить вождя!»...

Автор доброй и уважительной статьи о И. В. Сталине «Учитель и друг художника», человек высокой культуры Александр Довженко просто не мог употребить такие обороты, как «грозно тыча пальцем», «злобно вытаращив глаза», «друг Берии», «первый маэстро». Чего стоит, например, такая фраза, более приличествующая языку современного криминального авторитета — «пахана», чем исключительно заботившемуся о своем историческом имидже величайшему государственному деятелю: «Мой совет тебе: исчезай, вроде бы нет и не было тебя»...

Но больная, разгоряченная фантазия фальсификатора и на этом не остановилась. Она измыслила и вставила в уста И. В. Сталина неправдоподобную по своему антисоветизму фразу, которая заставила «Довженко» почувствовать такой дискомфорт, что он готов был «провалиться сквозь землю от возмущения, отчаяния и отвращения»: «Ты работай, как я: думай, что хочешь, а когда делаешь фильм, разбросай по нему то, что любят: тут серпочек, там молоточек, там звездочку». И не только сказал, но и стал демонстрировать...

Впрочем, этакий разнузданный стиль «воспоминаний» А. Довженко чем-то очень схож с манерой самовыражения самого Хрущева, в частности, «вспоминавшего» о якобы имевшем место «разгоне», который был учинен И. В. Сталиным бывшему министру госбезопасности Семену Игнатьеву. Вы только вслушайтесь: «Разочарованный Сталин ему прямо сказал:

— Ты что, белоручкой хочешь быть? Не выйдет. Забыл, что Ленин дал указание расстрелять Каплан? А Дзержинский сказал, чтобы уничтожили Савинкова. Будешь чистоплюем, морду набью. Если не выполнишь моих указаний, окажешься в соседней камере с Абакумовым.

...В нашем присутствии Сталин выходит из себя, орет, угрожает, что он его сотрет в порошок. Он требовал от Игнатьева: несчастных врачей надо бить и бить, лупить нещадно, заковать их в кандалы».

Или вот такой факт, который приводит в своей книге «Сталин в жизни и легендах» Владимир Суходеев: «После XX съезда Н. С. Хрущев болезненно относился к тем, кто что-то положительное говорил или писал о И. В. Сталине.

Говорят, Хрущеву стало известно, что авиаконструктор А. С. Яковлев продолжает рассказывать о своих встречах с И. В. Сталиным, как он разбирался в авиационной технике и т. д.

Однажды Хрущев позвонил по «вертушке» Яковлеву и, не здороваясь, сказал: «Яковлев, ты не конструктор самолетов, ты рассказчик о Сталине!». И повесил трубку».

Для пущей убедительности в том, кому наверняка принадлежат авторские права на «воспоминания» А. Довженко, привожу еще один агрессивный ор самого Хрущева, сделанный им в Международный женский день 8 марта 1963 года, во время встречи с литераторами в Доме приемов на Ленинских горах, когда молодого поэта «оттепели», верного хрущевца Андрея Вознесенского он осадил таким вот образом: «Предатель! Посредник наших врагов! Ты не член моей партии, господин Вознесенский! Ты не на партийной позиции. Для таких — самый жестокий мороз... Обожди еще, мы тебя научим. Ишь ты какой Пастернак нашелся... Получай паспорт и уезжай к чертовой бабушке. К чертовой бабушке!» Так виртуозно браниться мог только политический пигмей Никита Сергеевич.

...Вот такой чушью нас кормили «хрущевы» всех мастей, а мы всю эту мерзость молча пережевывали, глотали и переваривали. Похоже, однако, что час очищения и окончательного прозрения уже близок.

Все более набирает силу ветер истории, сметая мусор, который был нанесен на могилу И. В. Сталина за полвека после его смерти!

Прибалтийский синдром

XX съезд партии с его осуждением «культа личности» И. В. Сталина был воспринят с восторженным визгом всеми мировыми антикоммунистическими и антисоветскими силами. В Советском Союзе он открыл шлюзы для воинствующего буржуазного национализма и сепаратизма в ряде республик, но в первую голову, в республиках Советской Прибалтики.

Именно со времен «хрущевской оттепели» начинают свой отсчет все проявления так называемого «Прибалтийского синдрома» — презрительно-высокомерное и неприязненное отношение к другим советским народам, ненависть ко всему русскому, духовная тяга к нацизму и его атрибутике.

Именно со времен «хрущевской оттепели» контрреволюционное националистическое отребье в Прибалтике стало вылезать из подполья и ратовать за выход этих трех республик из состава СССР, вопреки коренным интересам и воле своих народов.

Именно хрущевская политика, нацеленная на реабилитацию «невинно» пострадавших от «сталинского произвола», вернула из ссылок бывших участников вооруженных националистических бандформирований и позволила им занять многие ответственные государственные и партийные посты.

Именно во времена «хрущевской оттепели» Рижским горкомом партии, зараженным дремучим национализмом, были приняты дискриминационные решения, ущемляющие права людей, не принадлежавших к коренной национальности. В частности, был пункт, по которому нелатышам предписывалось в ультимативном порядке в течение двух лет изучить в полном объеме латышский язык, а если это не будет исполнено в указанный срок, таких лиц рекомендовалось освобождать от работы с предложением покинуть

республику. Кроме этого, вводились ограничения в прописке нелатышей.

Не лучше обстояло дело в Литве и Эстонии: антисоветский мятеж в Венгрии нашел горячую поддержку именно в этих прибалтийских республиках. Так, 2 ноября 1956 года в Каунасе и Вильнюсе прошли демонстрации верующих католиков, имевшие резко обозначенный политический и националистический подтекст. Но своеобразие понимания политизированными католиками «свободы совести» проявлялось ими в хулиганских действиях, в распевании гимнов буржуазной Литвы и националистических песен, в использовании лозунгов: «Венгрия — пример для нас», «Русские, прочь из Литвы»... Эта демонстрация закончилась погромом, который учинили оболваненные шовинистической пропагандой 4000 молодчиков в тот же день в том же Каунасе, выступившие сразу же после верующих фанатиков с еще более экстремистскими лозунгами: «Долой Москву!», «Смерть коммунистам!»...

Все эти волнения и беспорядки вынудили хрущевское руководство предпринять ряд шагов по чистке националистически настроенных ответственных работников в республиканских парторганизациях Прибалтики. Но при этом приходилось учитывать и настроения части коренного населения, которая находилась в оппозиции к Советской власти и допускала дискриминацию в отношении русскоязычного населения, а это были активные сторонники и участники бывших профашистских организаций, а также участники националистических бандформирований, которые при И. В. Сталине понесли заслуженные наказания, а при Хрущеве, и особенно после XX съезда, незаконно были возвращены из ссылок и лагерей и реабилитированы. Теперь они стали задавать тон и все наглее требовать для себя каких-то особых привилегий, ущемляющих права людей других национальностей...

Если рассматривать страны Прибалтики в историческом аспекте, то следует сказать, что в состав России по Ни-

штадтскому миру Эстония вошла в 1721 году, тогда же была присоединена к России Латвия, а в 1795 году — Литва. В Эстонии Советская власть была установлена в конце октября 1917 года, в Латвии — 17 декабря 1918 года, на большей части территории Литвы — в декабре 1918 — январе 1919 года. Предоставив независимость этим трем республикам в начале 1920 года, Советская Россия нашла возможным в условиях труднейшего периода войны с Польшей передать 4 млн. руб. золотом Латвии, 3 млн. рублей — Литве и 15 млн. рублей золотого запаса царской России — Эстонии.

Но дав независимость этим республикам, большевики надеялись, что обретут в их лице дружески настроенные по отношению к Советской России государства. Поначалу так и было. Но затем в каждом из них была свергнута законная власть путем государственного переворота, установлены диктаторские режимы, распущены парламенты, запрещены все политические партии.

Все это не могло не вызывать у И. В. Сталина озабоченности, так как профашистские круги в этих странах, граничащих с Советским Союзом, явно стремились всеми силами сблизиться с гитлеровской Германией. В то же время, хорошо зная террористический характер оккупационного режима гитлеровцев, народы Прибалтики видели в СССР надежную гарантию от угрозы фашистского порабощения (так, по свидетельству одного из государственных деятелей буржуазной Латвии, описывавшего настроения в армиях Прибалтики, «приходилось выбирать между Гитлером и Сталиным. В основном все офицеры армии считали, что если уж приходится с кем-то идти, то лучше с русскими. — *Л. Б.*) и под давлением широких масс правительства этих стран вынуждены были обратиться к Советскому правительству за военной помощью. Поскольку это соответствовало государственным интересам Советского Союза, то 28 сентября 1939 года был заключен советско-эстонский, 5 октября — советско-латвийский и 10 октября — советско-литовский договор о взаимной помощи.

Согласно этим договорам, советская сторона взяла на себя обязательства перед этими странами «в случае нападения или угрозы нападения со стороны любой европейской державы оказать помощь всеми средствами, включая и военные».

И. В. Сталин дипломатическим путем, без применения силы добился размещения советских военных, морских и воздушных баз на территориях этих стран, тем самым обеспечивая серьезную стратегическую выгоду для СССР — создавалась возможность использования прибалтийских республик в качестве плацдарма в будущей неизбежной войне против Советского Союза.

Конечно, подобный оборот дела не понравился буржуазным националистам, что привело к обострению классовой борьбы в Прибалтике в 1940 году между национальной буржуазией и настроенными интернационалистически прибалтийским пролетариатом и крестьянством.

Профашистские организации в Прибалтике учиняли наглые провокации против военнослужащих советских баз, и естественно, что советские карательные органы не оставляли без внимания ни одного факта уголовных преступлений подобного рода.

Трудовые же массы Латвии, Литвы и Эстонии, воодушевленные поддержкой Советского Союза, на выборах 21 июля 1940 года выразили свою волю, избрав Народные сеймы Латвии и Литвы и Государственную думу Эстонии, которые провозгласили свои страны Советскими Социалистическими республиками и приняли Декларацию о вступлении их в Советский Союз. (Этот исторический факт опровергает домыслы современных демагогов, которые злонамеренно обвиняют Красную Армию, что она якобы оккупировала эти страны и насильственным образом советизировала их. — *Л. Б.*).

Выступая на VII сессии Верховного Совета СССР 1 августа 1940 года В. М. Молотов высоко оценил стремление Эстонии, Латвии и Литвы войти в состав Советского Сою-

за. Он заявил, что их вхождение в СССР обеспечит им быстрый экономический подъем и всесторонний расцвет национальной культуры, будет укреплена их безопасность. Молотов также обратил внимание на военно-стратегические выгоды для Советского Союза от вхождения стран Прибалтики в СССР — прибавка населения населения на 6 млн человек: «Первостепенное значение для нашей страны имеет тот факт, что отныне границы Советского Союза будут перенесены на побережье Балтийского моря. Вместе с этим у нашей страны появляются свои незамерзающие порты в Балтийском море, в которых у нас такая была нужда».

В книге «Новая Литва», изданной в Нью-Йорке в 1941 году, американская журналистка А. Л. Стронг, на глазах которой развивались все эти события, писала по горячим следам:

«Кульминационным моментом выборной кампании было большое собрание рабочих и крестьян 10 июля 1940 года в Каунасе. Весь день крестьяне шли в город, группы девушек в национальных костюмах, молодежь на велосипедах из дальних хуторов. Старинные литовские песни, грустные от беспросветности крестьянской жизни, смешивались с новыми, жизнерадостными песнями Красной Армии, которые распевали каунасские рабочие. Я остановилась около грузовиков молочного кооператива «Пеноцентрас».

— Откуда вы? Что у вас говорят о выборах? Вы за Советскую Литву? — спросила я.

— За тринадцатую Советскую республику! — закричали девушки.

— Все? — спросила я.

Они отрицательно покачали головами.

— Нет, старики — не все. Они не знают, чего хотят. Но мы — знаем!..

К вечеру все собрались на большом зеленом поле на холме около Каунаса. Стояли длинные ряды крестьянских телег, пахнувших навозом и лошадиным потом, украшенные гирляндами цветов машины. Здесь и бородатые муж-

чины, и женщины в платках, и солдаты в высоких сапогах, и крестьянки с голыми загорелыми ногами, обутыми в грубые башмаки на деревянной подошве.

Пересекая громадное поле, идет колонна из города, неся портреты Сталина, Ворошилова, президента Палецкиса...» (Известия. 1990. 7 марта).

В июльские дни 1940 аналогичные события происходили и в Латвии, и в Эстонии. Активное участие населения в выборах, состоявшихся в Прибалтийских республиках в июле 1940 года, и абсолютная победа «Блока (Союза) трудового народа» в каждой из них — не оставляет и тени сомнения и является лучшим доказательством, что народные массы оказали поддержку принципам социальной справедливости, содержавшимся в предвыборных программах левых сил и выразили желание вступить в Советский Союз.

Соединенные Штаты, как и другие западные страны, долгое время отказывались признать включение Латвии, Литвы и Эстонии в состав СССР, называя этот исторический факт «советской аннексией Прибалтики».

И это те самые Соединенные Штаты, которые ныне, похоронив Советский Союз не без помощи внутренних врагов, т. н. «пятой колонны», стремятся с помощью вооруженных сил завоевать мировое господство, объявив всю планету сферой своих жизненных интересов.

Среди стран, стратегически выгодных для США в случае ядерного конфликта с Россией, которые сегодня пользуются особым покровительством Америки, кроме Польши, Венгрии, Чехии, Словакии, увы, и бывшие советские республики Прибалтики.

Таковы разрушительные последствия хрущевской «борьбы» с «культом личности Сталина». И это печально!..

Основные источники фактов

1. Авторханов А. Загадка смерти Сталина //Новый мир. 1991. № 5.

2. Авторханов А. Технология власти //Вопросы истории.1991. № 1 — 12; 1992. № 1—3, 6—7, 10—12; 1993. № 2—3.

3. Аллилуева С. Двадцать писем к другу. М., 1990.

4. Баграмян И. Так начиналась война. М., 1977.

5. Баландин Рудольф, Миронов Сергей. «Клубок» вокруг Сталина. Заговоры и борьба за власть в 1930-е годы. М., 2002.

6. Барсуков Н. XX съезд в ретроспективе Хрущева // Отечественная история. 1996. № 6

7. Барсуков Н. Как был смещен Хрущев // Трудные вопросы истории. М., 1991.

8. Берия Серго. Мой отец — Лаврентий Берия. М., 1994.

9. Василевский А. Дело всей жизни. М., 1973.

10. Волкогонов Д. Триумф и трагедия. Политический портрет И. В. Сталина (в 2-х книгах). М., 1990.

11. Волобуев О., Кулешов С. Очищение. История и перестройка. М., 1989.

12. Гефтер М. Судьба Хрущева. История одного неусвоенного урока // Октябрь. 1989. № 1

13. Голенков А. Предлагаю объяснить Сталина. М., 1995.

14. Голенков А. Одиннадцатый удар товарища Сталина. Ростов-на-Дону, 1995.

15. Грибанов Станислав. Хроника времен Василия Сталина. М., 1999.

16. Громов Евгений. Сталин: власть и искусство. М., 1998.

17. XX съезд КПСС. Стенографический отчет. М., 1956.

18. XX съезд КПСС и его исторические реальности. М., 1991.

19. XXII съезд КПСС. Стенографический отчет. М, 1962.

20. Дело Берия. Пленум ЦК КПСС. Июль 1953. Стенографический отчет // Известия ЦК КПСС. 1991. № 1, 2

21. Емельянов Ю. Сталин. Путь к власти. М., 2002.

22. Емельянов Ю. Сталин. На вершине власти. М., 2002.

23. Жуков Г. Воспоминания и размышления. М., 1969.

24. Зенькович Николай. Тайны уходящего века. Лжесвидетельства. Фальсификации. Компромат. М., 1999.

25. Зенькович Николай. Маршалы и генсеки. Смоленск, 1998.

26. Лобанов М. Сталин: в воспоминаниях современников и документах эпохи. М., 2002.

27. Логинов Владимир. Тени Сталина. М., 2000.

28. Медведев Жорес, Медведев Рой. Неизвестный Сталин. М., 2002.

29. Мухин Ю. Убийство Сталина и Берия. М., 2002.

30. Некрасов Владимир. Тринадцать «железных» наркомов. М., 2002.

31. Рокоссовский К. Солдатский долг. М., 1972.

32. Семанов Сергей. Сталин. Уроки жизни и деятельности. М., 2002.

33. Семиряга М. И. Тайны Сталинской дипломатии. 1939—1941 гг. М., 1992.

34. Слово товарищу Сталину. Сост. Р. Косолапов. М., 2002

35. Соловьев Борис, Суходеев Владимир. Полководец Сталин. М., 1999.

36. Сталин И. В. Вопросы ленинизма. М., 1953.

37. Сталин И. В. Сочинения (в 13 томах). ОГИЗ. М., 1946—1951.

38. Сталин И. В. Сочинения (14, 15 и 16 тома). М., 1997

39. Судоплатов П. Спецоперации. Лубянка и Кремль 1930—1950 годы. М., 1999.

40. Фейхтвангер Л. Москва 1937. Отчет о поездке для моих друзей. М., 1937.

41. Ходжа Э. Хрущевцы. Воспоминания. Ч. II. СПб., 1997.

42. Хрущев Никита. Воспоминания. М., 1997.

43. Хрущев Н. С. Доклад на XX съезде «О культе личности и его последствиях». Известия ЦК КПСС. 1989. № 3.

44. Чуев Феликс. Солдаты империи. Беседы. Воспоминания. Документы. М., 1998.

45. Шевелев В. Н. С. Хрущев. Ростов-на-Дону, 1999.

46. Энциклопедический словарь в 3-х томах. М., 1955.

СОДЕРЖАНИЕ

Массово-политическое издание

ЗАГАДКА 1937 ГОДА

Балаян Лев Ашотович

СТАЛИН И ХРУЩЕВ

Редактор *О. В. Селин*
Художественный редактор *С. В. Курбатов*
Верстка *А. А. Кувшинников*
Корректор *Н. Н. Самойлова*

ООО «Алгоритм-Книга»
Лицензия ИД 00368 от 29.10.99. Тел.: 617-0825
Оптовая торговля: 617-0825, 617-0952
Мелкооптовая торговля: г. Москва, СК «Олимпийский». Книжный клуб.
Торговое место № 30, 1-й эт. Тел. 8-903-519-85-41
Сайт: http://www.algoritm-kniga.ru
Электронная почта: algoritm-kniga@mail.ru
Интернет-магазин: http://www.politkniga.ru

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: **www.eksmo.ru** E-mail: **info@eksmo.ru**

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:
ООО «ТД «Эксмо». 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: **reception@eksmo-sale.ru**

По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми покупателями *обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «Эксмо»*
E-mail: **international@eksmo-sale.ru**

International Sales: *International wholesale customers should contact Foreign Sales Department of Trading House «Eksmo» for their orders.*
international@eksmo-sale.ru

По вопросам заказа книг корпоративным клиентам, в том числе в специальном оформлении, *обращаться по тел. 411-68-59 доб. 2115, 2117, 2118.*
E-mail: **vipzakaz@eksmo.ru**

Подписано в печать 03.09.2009. Формат 84×108 1/32.
Печать офсетная. Бумага газ. Усл. печ. л. 13,44.
Тираж 3000 экз. Заказ № 1196

Отпечатано с электронных носителей издательства.
ОАО "Тверской полиграфический комбинат". 170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.
Телефон: (4822) 44-52-03, 44-50-34, Телефон/факс: (4822)44-42-15
Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) - sales@tverpk.ru

